

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.А. ЛЕТЯЕВ

**ВОСПРИЯТИЕ РИМСКОГО НАСЛЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ НАУКОЙ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.**

Волгоград 2002

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО РИМА В РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.....	11
1.1. Начало историко-критического изучения Древнего Рима в России.....	11
1.2. Теоретико-методологические основы и общественно-политические взгляды российских историков Древнего Рима.	31
1.3. Методы объяснения исторических фактов.....	48
ГЛАВА 2. ВКЛАД РОССИЙСКИХ РОМАНИСТОВ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ДРЕВНЕГО РИМА.....	54
2.1. Признание достижений российской науки в области собирания источников о римской истории.....	54
2.2. В единстве с европейской наукой: приемы российских ученых в части внутренней и внешней критики источников о Древнем Риме.....	65
ГЛАВА 3. ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ РИМСКОЙ ИСТОРИИ В РОССИЙСКОЙ РОМАНИСТИКЕ	79
3.1. Всемирно признанный вклад российских ученых в исследование ранней истории Италии и Рима.	79
3.3. Социально-экономическая проблематика - один из императивов российской историографии второй половины XIX - начала XX вв.	97
3.4. Государственно-политическая история Рима, как актуальный для буржуазно-демократического развития России объект исследования. .	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
СОКРАЩЕНИЯ	130
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	131
ПРИМЕЧАНИЯ.....	132

ВВЕДЕНИЕ

*Светлой памяти своих учителей в науке,
профессоров А.С. Шофмана и Н.С. Талашовой,
автор посвящает эту книгу.*

История античности всегда привлекала внимание исследователей. Изучались её экономика, социальные отношения, политика и право, быт и культура. Значительный вклад в развитие этой науки внесли и российские учёные, наследие которых нельзя назвать широко известным и глубоко изученным. Проследить процесс исканий этих исследователей, их открытия и заблуждения на пути к научной истине необходимо для дальнейшего развития науки.

Современное общество нуждается в созидании «культуры рецепции», т.е. осознанного заимствования и усвоения богатства чужой культуры в целях обогащения и развития собственной, для создания традиции культуры¹. Этой цели и служит данное исследование. Рудольф фон Иеринг отмечал, что проблема рецепции является вопросом не «национальной принадлежности», а простой необходимости. «Никто не будет нести из далеких краев то, что у него самого имеется аналогичного или лучшего качества. Только неразумный будет отказываться от коры хинного дерева лишь на том основании, что оно выращено на чужом поле».² Многие из представленных в этой работе имен русских ученых, составивших славу и гордость России, известны сегодня, пожалуй, только узкому кругу исследователей. Некоторые имена и труды антиковедов дооктябрьского периода уже отсутствуют не только в исторических энциклопедиях, но даже и в отраслевых библиографиях.

Сейчас, в начале XXI века, наша страна переживает масштабную модернизацию всех сфер жизни. Мы являемся очевидцами процесса небывалой прежде интернационализации науки, особенно в связи с глобализацией информационных потоков через Интернет. Для истории науки этот процесс не является новым. Еще в XIX веке он доказал свою эффективность и тогда воспринимался как необходимость, закономерность и неременное условие успешного её развития. Современная наука не только включилась в этот процесс, но и стала изучать его ввиду того, что он становился важнейшим фактором ее развития. Интернационализация науки - глобальная методологическая проблема, которая имела свои истоки еще в XIX веке. Активно включившиеся в нее российские исследователи Рима внесли свой весомый вклад в мировую науку. Осмысление до сих пор ещё недостаточно изученного опыта российских антиковедов-романистов представляется значимым и научно актуальным.

В связи с этим объектом данного исследования и избрана отечественная историография Древнего Рима - важного раздела античной истории.

Давние традиции обращения к истории, культуре, праву Древнего Рима в России, идущие ещё с византийского периода русской истории, стали приобретать научный историко-критический характер только в XIX веке. Во второй половине этого столетия произошли кардинальные изменения в организации науки и в методологии, благодаря которым исследования Древнего Рима от популяризаторско-описательных стали постепенно переходить к оригинальным исследованиям. Как следствие этого процесса, труды ряда российских учёных привлекли внимание и известных представителей западноевропейской науки, свидетельствуя о том, что в отечественной романистике произошли важные качественные изменения.

Хронологически работа ограничивается, с одной стороны серединой XIX века, с другой - началом XX (Октябрем 1917 г., естественным рубежом в развитии российской науки). Историко-критическое изучение Древнего Рима в отечественной науке началось именно в этот период. Между тем, поиски истоков интереса к римскому наследию в России предопределили обращение и к более раннему времени.

В данном исследовании при анализе социально-экономического направления в российской медиевистике, политических, методологических идей её представителей, научных направлений и школ автор опирался на труды М.А. Алпатова, Е.В. Гутновой, А.И. Данилова, Б.Г. Могильницкого, С.П. Рамазанова, Г.П. Мягкова и др.). Теоретико-методологические основы, научные направления и школы, исторические концепции хорошо изучены на материале отечественной медиевистики, чего нельзя сказать о российской историографии Рима. Эти процессы в целом на её материале не изучены.

Автором использовались также труды, посвящённые развитию исторической науки в России (М.В. Нечкиной, И.Д. Ковальченко, В.И. Кузицина, Э.Д. Фролова, Р.А. Киреевой, Л.Н. Хмылева, А.Н. Цамутали, А.С. Шофмана, Н.С. Талашовой, В.Д. Жигунина и др.), труды по организации науки, в том числе антиковедческой (С.Н. Валка, В.И. Кадеева, В.И. Кузицина, Э.Д. Фролова, А.С. Шофмана, Р.Г. Эймонтовой и др.).

В целом в исторической литературе при отсутствии специальных исследований по данной теме, особенно на монографическом уровне, вниманием историков отмечены отдельные ее проблемы и аспекты. Ещё в дореволюционной историографии был накоплен некоторый исследовательский материал. В частности, это труды о развитии антиковедческой науки в России В.И. Герье, В.И. Модестова, П.Н. Черняева³, а также статьи о международных исторических, антропологических, археологических съездах, об обучении

русских учёных за границей. В.И. Модестов в нескольких статьях представил периодизацию развития отечественной науки, дал анализ некоторых тенденций её развития во второй половине XIX века. П.Н. Черняев охарактеризовал научные направления в области изучения античного мира в России, которые он выделил на основе отношения к источникам, осветил процесс освоения античного наследия в нашей стране. На европейском историографическом материале в целом этого вопроса касались И.Н. Бороздин и В.П. Бузескул⁴. Отметим некоторые оценки в статьях А.А. Захарова и А.В. Мишулина в 1920-е годы⁵, портретный анализ развития русской историографии Рима сделанный в труде В.П. Бузескула⁶. В 50-е годы опубликован ряд статей о развитии антиковедения в университетах России (С.Н. Валка, Э.К. Путныня, А.С. Шофмана)⁷. Новые возможности для развития историографии дали «Очерки истории исторической науки в СССР», в которых представлена развернутая характеристика развития этой отрасли в стране, намечены некоторые новые задачи⁸. Одной из первых стала вышедшая в эти же годы работа О.Б. Алесковской⁹, где на материале дореволюционной отечественной науки о Риме исследовался древнеримский аграрный вопрос. В 70-е - 80-е годы появились труды о А.Г. Бекштреме, П.Г. Виноградове, И.М. Гревсе, М.П. Драгоманове, В.И. Модестове, Д.М. Петрушевском, И.В. Цветаеве, которые в определённой мере устранили пробел, существовавший в отечественной историографии¹⁰. В 70-е годы внимание исследователей продолжали привлекать отдельные проблемы, стоявшие перед дореволюционным российским антиковедением (работы В.С. Шиловцевой о проблеме кризиса и падения Римской республики в русской историографии¹¹, Т.А. Моисеевой о роли эпиграфических источников в русском антиковедении¹²). Продолжало изучаться и развитие антиковедения в отдельных университетах дореволюционной России (работы Э.Д. Фролова, В.И. Кадеева)¹³. Определённым рубежом стала «Историография античной истории», вышедшего в 1980 году под редакцией В.И. Кузицина¹⁴. В нём предпринята попытка создать целостное представление о развитии мирового антиковедения. Следует отметить статью А.С. Шофмана «Антиковедение в Казанском университете», опубликованную в 1991 г.¹⁵ Важное значение имели диссертационные работы середины 80-х - 90-х гг. XX в. Продвижению исследования значительно способствовали труды Э.Д. Фролова по русской историографии античности¹⁶, в которых известный российский историк исследует единый процесс возникновения науки об античности в России. Назовем также сборник, опубликованный ИНИОН АН СССР в 1991 году и посвященный истории европейской цивилизации в русской науке, вышедший под редакцией В.И. Исаевой¹⁷. В 1995 г. в сборнике «Античное наследие в культуре России» опубликована важная для нашей темы статья И.С. Свенцицкой «Изучение античного наследия в университетах России во второй половине XIX века». В ней автор исследует взаимосвязь между культурой и антиковедческими исследованиями в России второй половины XIX века. В 90-е гг. XX в. были опубликованы и другие статьи о

русской историографии Рима: Е.В. Ляпустиной, В.Д. Жигунина, Г.П. Мягкова, Ю.А. Окуня, А.А. Елагиной, В.А. Филимонова, Е.Н. Мурзанаевой, И.А. Дружининой и др. Выделим также статьи Н.С. Талашовой 90-х годов XX века о русской историографии античности, посвященные И.В. Цветаеву, Ф.Ф. Зелинскому, В.И. Модестову и др., которые на широком культурологическом, философском фоне эпохи способствовали познанию русской историографии Рима¹⁸.

Предшествующее осмысление темы, в том числе и самим автором¹⁹, выработало некоторые историографические представления, на которые мы можем опереться в настоящей работе. Между тем в современной науке отсутствует целостное рассмотрение именно романистических исследований в России, предпринятого на монографическом уровне, где прослеживался бы весь процесс создания концепций от собирания источников, их критики, где давалось бы объяснение исторических фактов на основе идейно-теоретических представлений учёных с учётом сложившихся в стране направлений и центров науки о Риме. Либо недостаточно изученными, либо недостаточно утвердившимися в науке являются характеристика процесса формирования исторических концепций, анализ научных направлений, тенденций в изучении Рима в России, что должно стать предметом отдельного историографического исследования, необходимость которого обусловлена логикой развития самой науки. Мало изученными остаются и отдельные проблемы, стоявшие перед отечественной историографией на рубеже веков.

- Освоение формационного подхода в обстановке идейной борьбы с буржуазной историографией привело к недооценке явных достижений дореволюционной историографии в области изучения истории государственных учреждений, исследований в области истории религии и культуры. Особую ценность представляют почти не используемые сегодня работы по «истории древностей», а именно: труды И.В. Нетушила «Очерк римских государственных древностей», изданных Харьковским университетом в трех выпусках (1894-1902), В. Латышева «Очерк греческих древностей» (1888-1889), с таким же названием работа П.Черняева (1911). Библиографической редкостью стали ныне два перевода «Реального словаря классической древности» Ф. Любкера, сделанные В.И. Модестовым и коллективом Классического отделения Российской Академии наук.
- Актуальное в последние десятилетия XX в. научное направление по изучению ментальностей, истории «повседневности» имеет своих предшественников лице российских ученых конца XIX - начала XX вв., изучавших так называемые «древности». Этот термин имел в то время два значения: 1) собственно вещественные памятники; 2) «история народной жизни» (по определению А. Бёка). В центре изучения последней стоял «народный дух», как писал он. Предметом изучения «истории народной жизни»

были древности государственные, правовые, частные. Свою задачу исследователи «древностей» видели не в даче «полных ответов на предъявляемые исторической наукой общие вопросы», а в сборе и подборе материала для таких ответов²⁰. Киевский антиковед П. Аландский в 1879 г. осуществил перевод и издание работы А. Бёка по теории изучения древностей²¹. В те годы мировая наука значительных результатов достигла именно в изучении древностей греческих и римских, а именно в трудах Германа, Шёмана, Жильберта, Марквардта, Ланге, Виллемса, Бузольта, Мюллера, Шиллера, Фогта, Стенгеля, Паули. На этом фоне отечественные исследования по «истории древностей» не уступали зарубежным и тем более требуют сегодня не только обращения к ним, но и переиздания.

- Забыты у нас и многие дореволюционные работы по истории духовной жизни в античном мире. Это прежде всего 4-томный труд Ф. Ф. Зелинского «Из жизни идей», который получил одобрительные рецензии и был несколько раз переиздан до революции. Это статьи варшавского профессора О. Базинера «Война и мир в классической древности», киевского антиковеда П. Бодянского о римских вакханалиях и их преследовании, труды безвинно репрессированного в советские годы профессора Б. Варнеке, исследования Л. Воеводского о каннибализме и солярном культе в греческих мифах и другие работы по греческой мифологии, профессора В. Герье об Августине, С. Жебелёва о религиозном врачевании в Древней Греции, А. Захарова «Тропы богов в древности», Е. Кагарова по идеологии греческих мифов, М. Крашенинникова о сакральных таинствах, И. Луньяка об античной риторике и о идеях войны и мира в древности, В. Мальмберга, Ф. Мищенко из истории эллинской цивилизации, в частности, его докторская диссертация «Опыт по истории рационализма в Древней Греции», статьи С. Сингелевича, Б. Фармаковского, И. Цветаева, П. Черняева, С. Шестакова и т.д.²²
- В связи с тем, что в 30-50-е гг. XX в. исследования, в которых изучались нерабовладельческие уклады в экономике античности, товарно-денежные отношения в древности, были объявлены модернизаторскими, в советском антиковедении оказались совершенно неисследованными вышеуказанные темы. Тем более актуальными могут стать сейчас работы дореволюционных романистов, в которых эти темы исследовались: совершенно забытый труд М. Кречмара «Вопрос о хозяйственной эволюции Древнего Рима», «История государственного откупа в Римской империи» и «Капитализм в древнем мире» М. Ростовцева, «Изучение экономического быта древности» М. Хвостова и другие.
- Недостаточно изучена в российской историографии в XX в. тема социальной стратификации, структурированности общественных отношений. И при этом совершенно забыты (и даже не цитируются) в этой связи фундаментальные дореволюционные работы И. Помяловского «Эпиграфические этюды», Ю. Кулаковского «Коллегии в Древнем

Риме», Л. Беркута «Устройство и управление городских общин в Римском государстве в эпоху империи», П. Куля «Провинциальные собрания у римлян. Их организация и функционирование в век принципата», И. Шиховского «О представительных учреждениях в древнем мире». В связи с этим для историографии античности актуальна постановка следующих проблем: в какой мере используется у нас наследие дореволюционных антиковедов, какие сложились в российской историографии тенденции его изучения и использования, а также сам процесс преемственности в российской романистике. Это объясняется тем, что при незначительном переиздании в настоящее время трудов дореволюционных антиковедов, из современного историографического пространства постепенно исчезают не только отдельные их труды, но даже и имена исследователей.

Целью данной работы является комплексное изучение процесса возникновения и развития российской романистики, анализ вклада отечественных учёных второй половины XIX - начала XX вв. в антиковедение. Для достижения этой цели автор поставил следующие задачи:

- изучить теоретико-методологические и политические позиции учёных, динамику развития исследований, определить важнейшие центры изучения истории Рима в России;
- выявив этапы исследовательского процесса, проанализировать конкретно-исторические представления учёных, процесс формирования их важнейших концепций, определить место российских учёных этого времени в истории антиковедения по сравнению с их предшественниками;
- рассмотреть пути включения отечественной романистики в процесс интернационализации науки в это время.

Достоверность настоящего исследования основывается на анализе различных источников, которые подразделены автором на следующие группы:

- Во-первых, это исследования российских учёных по ранней истории Италии, социально-экономическим и государственно-политическим вопросам истории Древнего Рима. Сюда включены также и разнообразные рецензии на их работы. Некоторые из них по своему содержанию носили характер небольших конкретно-исторических работ. Привлечены рецензии на французском, итальянском, немецком, чешском языках.
- Во-вторых, привлекались сочинения древних авторов (Аппиана, Ливия, Тацита) для проверки приводимых отечественными романистами фактов.
- В-третьих, важное место занимают мемуары, автобиографии, некрологи. Эти источники содержат биографические сведения, данные о научно-преподавательской деятельности учёных в университетах и других учебных заведениях, библиографическую информацию,

выявляют связи «учитель - ученик». В мемуарной литературе В.И. Модестова, И.В. Помяловского, И.В. Цветаева, М.И. Ростовцева, Ю.А. Кулаковского представлена ценнейшая информация о контактах российских и западноевропейских учёных. В частности, анализируется творчество немецких учёных Ф. Ричля, О. Яна, Т. Моммзена, Ф. Бюхелера, итальянского учёного Дж. де-Петры. В воспоминаниях И.В. Цветаева и И.В. Помяловского содержатся описания их собственной методики научного исследования, сведения о процессе собирания источников.

- В-четвертых, широко использованы архивные документы (опубликованные и неопубликованные). Это многочисленные документы из Центрального Государственного исторического архива Российской Федерации (г. С. - Петербург): из фондов Департамента императорского двора, Департамента общих дел, Департамента государственного казначейства, Государственного совета; из Ленинградского государственного исторического архива - фонд С. - Петербургского университета; из Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина - фонд И.В. Помяловского; из Центрального государственного архива литературы и искусства - фонд Л.Ф. Пантелеева; из архива Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина - фонд И.В. Цветаева; из Центрального государственного исторического архива Украины - фонд Киевской духовной академии; из Центрального государственного архива Республики Татарстан - фонды Казанского университета и попечителя Казанского учебного округа; из Государственного архива Одесской области - фонды Новороссийского университета и попечителя Одесского учебного округа. Используются также документы Киевского университета св. Владимира, опубликованные в Киевских «Университетских Известиях». Среди архивных документов привлекли внимание формулярные списки о прохождении службы (многие биографические сведения отсутствуют в литературе), документы о заграничных научных командировках, содержащие планы исследователей, их отчёты, указания на различные формы научных контактов, докладные записки (письмо В.И. Модестова на имя Николая II об открытии Русского историко-археологического института в Риме, Ю.А. Кулаковского об открытии там же русской учёной колонии, письмо И.В. Помяловского царю в связи с началом русско-турецкой войны). В архивных фондах содержатся документы о награждении российских учёных иностранными орденами. Удалось выяснить состав научной библиотеки В.И. Модестова. В фондах университетов содержатся материалы о магистерских и докторских защитах. В Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина обнаружены никогда не публиковавшиеся ранее лекции по методологии классической филологии И.В. Помяловского, неопубликованное произведение В.И. Модестова. В рукописных отделах

крупных центральных библиотек содержится многочисленное эпистолярное наследие российских учёных. В архиве Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина находится переписка И.В. Цветаева с широким кругом иностранных учёных, с которыми он познакомился будучи в заграничных командировках, его переписка с учёными России.

В целом используемые документы из восьми архивов страны позволили выяснить и уточнить важные историографические факты, о которых идёт речь в настоящей работе²³.

Данное исследование было подготовлено и завершено при существенной поддержке кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета (это прежде всего профессора Шофман А.С., Жигунин В.Д., Мягков Г.П., доцент Чиглинец Е.А. и др.), а также моего первого учителя в науке профессора Ивановского государственного университета Талашовой Н.С., профессора Томского государственного университета Могильницкого Б.Г. Хотелось бы также поблагодарить за организационную поддержку данного издания Прохорову И.Г., Роду В.Н. и Егорова Г.Г.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО РИМА В РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.

1.1. Начало историко-критического изучения Древнего Рима в России

Обращение к античному наследию в России имеет свои глубокие исторические традиции²⁴. Первоначально это было связано с возникновением интереса к древнегреческой культуре. Ее воздействие происходило через посредство культуры Византии, в особенности после принятия на Руси православия. Киевская Русь отличалась хорошим знанием древнегреческого языка, что было присуще элите и многих других славянских государств. Облегчало его изучение близкое сходство с кириллицей. Культура же западного Средневековья, как известно, развивалась на почве латинского языка, римской культуры в большей степени. Между тем, влияние греческой "гармонической души" античной культуры на русскую безусловно сказалось на том, что восточно-славянские народы не ощущали себя в отрыве от европейской культуры, напротив, именно в единстве с западноевропейских христианством, несмотря на церковный раздел в 1054 году. Киевские князья не случайно искали опору на Западе еще до эпохи Петра I, ощущая, на наш взгляд, именно это духовное родство. В связи с этим весьма странным представляется появление в западной литературе шпенглеровского предубеждения, согласно которому Россия воплощала собой апокалиптическую ненависть к античной культуре. Ей это было явно не свойственно.

Осознание и восприятие величия Рима, его истории, культуры и права происходило в России в целом медленнее и позднее. Между тем, еще в византийский период, в нашей стране уже изучались памятники римского права, что происходило через греческое православие. Этот аспект воздействия римской культуры на российское общественное сознание и русскую культуру ранее недостаточно привлекал внимания и требует более подробного изложения. Это влияние носило в России «волновой» характер: сначала это было византийское (греко-римское) влияние, затем возникла идея «Москвы - третьего Рима», в XVIII веке произошла «петровская рецепция западного права». Восприятие отдельных норм римского права на Руси происходило еще в договорах русских князей с греками, а в дальнейшем его нормы использовались в церковном праве России, судных грамотах, Судебниках 1497 и 1550 гг., Соборном Уложении 1649 г. Я.Н. Щапов, глубоко исследовавший византийские корни рецепции римского права в России считает, что римское право оказало на Россию не меньшее влияние, чем на Западную Европу. Своеобразие этого влияния заключалось в том, что Кодекс и Дигесты Юстиниана проникли в Россию в X – XII вв. из Византии вместе с христианством. Поэтому, если княжеские своды и ссылались на

греческие, т.е. византийские законы, то преимущественно опирались на местное, обычное право, а православная церковь была наиболее последовательным проводником римско-византийского права. Наиболее древние пласты брачного, обязательственного и налогового права именно в этот период активно заимствовались из Дигест и Кодекса Юстиниана. Об этом, в частности, свидетельствует содержание русской редакции Кормчей книги, которая включает в себя древнейшие русские переводы из законодательства Юстиниана. Роль византийского (греко-римского) права, как фактора становления российской правовой системы, анализировалась также в работах В.М. Хвостова, Д. Азаревича, А. Николина, В.А. Цыпина, Л.В. Милова, Е.В. Салогубовой, Е.А. Суханова, Л.Л. Кофанова и др.²⁵ В них было убедительно доказано, что византийское право, проникнув на Русь вместе с христианством в X - XII вв., имело широкую юрисдикцию и распространялось не только на церковное, но даже и на гражданское судопроизводство. Многие нормы национального (самобытного) русского права по существу являлись византийскими. Не случайно, еще С.В. Пахман отмечал совпадение обычного русского права с римским в вопросах приобретения собственности по купле-продаже, отличающееся от тех норм, которые существовали уже в XIX веке²⁶. Критикуя западное влияние на русское право, произошедшее в эпоху Петра Великого, Л. Казанский заметил, что оно разорвало живую связь между обычным правом и законодательством, что дало последнему «несогласное с народными воззрениями направление». А римское право, напротив, могло бы помочь нам объединить два параллельно действовавших в России правовых порядка²⁷. Е.А. Суханов и Л.Л. Кофанов, ссылаясь на работы Я.Н. Щапова, исследования Соборного уложения 1649 г., др. работы, связывали дальнейшее влияние римского права с падением Константинополя в 1453 г. и гибелью Восточной римской империи. Именно тогда все инсигнии римской власти, а вместе с ними некоторые принципы и положения римско-византийского права, были унаследованы русскими царями. Таким образом, в России в XI – XVII вв. влияние римско-византийского права было обусловлено распространением христианства и историческим обоснованием царской власти²⁸.

На рубеже XV - XVI вв., по мере формирования русского централизованного государства, среди русских книжников стали возникать историософские теории о том, что Москва должна занять место Константинополя как центра мировой истории. Эти идеи нашли отражение в древнерусских памятниках («Повесть о новгородском белом клубуке», «Сказание о Вавилоне-граде», «Сказание о князьях Владимирских»). В них Москва объявлялась «третьим Римом», обосновывалось право русских царей на византийское наследство. После падения Константинополя в 1453 г. эти идеи были широко

распространены и на Балканах как символ общеславянского единства и идейное знамя борьбы с Турцией.

В XVI в., всё более ориентируясь на Запад, обосновывая свои потребности в выходе к Балтийскому морю, Россия выдвинула новую идею о том, что московские цари - потомки и наследники императора Августа. Идея западного происхождения царей нашла отражение в «Царском Титулярнике», составленном при Алексее Михайловиче²⁹.

В XVIII веке в России произошла «петровская рецепция западного права»³⁰ русским правом.

Культурно-правовое наследие римского права оставалось актуальным в нашей стране на протяжении всего девятнадцатого века. Известно, что братья Тургеневы еще в начале XIX в. в своих письмах отмечали: «Займись... римским правом и вообще юриспруденцией: это очень пригодится в России, где теперь наука эта в большой моде. К тому же она - родная сестра истории»³¹. Науке римского права в первой половине XIX века, наравне с участью «естественного права», была уготовлена не менее печальная судьба. Римское право некоторыми учеными стало признаваться «чужеземным» и «языческим», не составляющим «источников законов русских», и оно виновато было в том, что, по мнению П. Сергеева, из его начал выросла наука естественного права³². На лекциях по «Праву знатнейших народов» студенты знакомились с политическим устройством античных республик, его народовластием. Это давало многочисленные основания для сравнений. Об академической атмосфере того времени свидетельствуют документы о диспутах при защите диссертаций. Так, политические симпатии студентов Московского университета к республиканскому образу правления проявились во время обсуждения по кандидатского сочинения монархиста Малова на тему «Монархическое правление суть самое превосходное из всех других правлений». В ходе него защитники республиканской формы правления приводили аргументы из сочинений французских просветителей XVIII в. Студенческая оппозиция самодержавию была настолько ощутимой, что декан юридического факультета Сандунов, под председательством которого проходил диспут, вынужден был его закрыть³³. По словам А. Благовещенского, изучение отечественного законодательства ставилось тогда в прямую взаимосвязь с изучением законов других «знатных» народов³⁴. Поэтому трудно согласиться с утверждением И.А. Емельяновой о том, что корни негативного отношения в половине XIX века к римскому праву и его науке следует искать только в том, что в условиях феодально-крепостнической экономики России нормы этого права не находили достаточного применения³⁵. Причины были гораздо шире.

По словам Г. Пухты, «римские юристы довели свою юриспруденцию до степени совершенства, вследствие чего они предназначены быть образцом и наставниками всех

грядущих времен»³⁶. Истории римского права посвящались в это время труды А. Протасова³⁷, Л. Цветаева³⁸, И. Васильева³⁹. Яркой фигурой среди русских романистов XIX в. был профессор Московского университета Н.И. Крылов. По его мнению, римский народ осуществил свое историческое предназначение с помощью своей правовой системы, а значение римского права заключается в том, что на многие века оно стало нормой юридического мышления. Рим, считал Н.И. Крылов, дал начало европейской цивилизации, вместил в себя весь древний мир. В связи с этим римское право не только нашло свое второе рождение в праве новых европейских народов, но и имело самое непосредственное отношение к законодательствам всего древнего мира. Он утверждал, что все право европейских государств, вплоть до кодификаций XVIII в., является по своему существу и содержанию римским правом.

В XIX веке, когда в России шла интенсивная кодификационная работа, необходимо было опереться на какие-либо общие, теоретические начала, выработать ясный понятийно-категориальный аппарат. «...Русское право нуждалось в выработке общих начал, что требовало значительных теоретических знаний, ясного и четкого юридического языка. Однако только что возникшая русская юридическая наука не располагала еще собственными теоретическими исследованиями в этой области. Поэтому роль римского права, на котором базировалось и все континентальное право, было исключительным. Соответственно, возрастала потребность в подготовке юристов, обладавших знаниями основ классического образования, знаниями в области юридической логики. Как подчеркивал Н.Л. Дювернуа, «только от юристов, которые образовывались в такой школе, можно требовать, чтобы они были действительно юристами не по одному только имени»⁴⁰ (курсив наш. – В. Л.). Таким образом, римское право для России имело существенное значение. Оно придавало римскому праву европейские черты, способствовало формированию гражданских отношений в России, существенно влияло на отношение к античному наследию в нашей стране.

В России стали публиковаться и переводы сочинений античных авторов, благодаря которым стали углубляться исторические представления как о греческой, так и о римской истории. Переводчиков и издателей привлекали прежде всего темы, связанные с Римской империей, деятельностью императоров, а из истории Греции - Троянская война и личность Александра Македонского. По мере распространения знаний об античном мире сюжеты из его истории всё чаще стали проникать в исторические сочинения. Первым против распространённой в русской историографии традиции выводить Рюрика из Пруссии, как потомка Августа, выступил Г.З. Байер, затем Ю. Крижанич, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлёцер. М.В. Ломоносов. Последний, обосновывая критику взглядов норманистов, привлёк сочинения Непота, Катона, Плиния, Тацита, Ливия, Иордана. При этом он призывал русских историков подражать лучшим образцам античной историографии. В «Древней Российской истории» он,

сравнивая римскую историю с русской, определил V в. после Р. Хр. как рубеж между древней историей и временем «средних веков». В связи с проблемой гражданской власти и самодержавия в Древнем Риме, учёный поднял вопрос о борьбе славян с римлянами. А.Н. Радищев в «Песне исторической» также обращался к римской истории. Общее увлечение античностью в век Просвещения становилось неотъемлемой частью русской культуры и образованности. К сюжетам из римской истории обращались В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин. Необходимо отметить, что политические убеждения декабристов во многом складывались под влиянием произведений Плутарха, Корнелия Непота, Тита Ливия, Тацита. Скептические высказывания П.Я. Чаадаева об античной культуре и её отрицательной роли в мировой цивилизации представляют интерес хотя бы уникальностью таких оценок, но исторические взгляды этого оригинального русского философа в аспекте не исследованы.

В целом в отношении изучения римской истории и его культуры превалировал любительский подход, но при этом осуществлялось немало переводов сочинений античных авторов, развивалось их изучение⁴¹. Увлечение русских поэтов и писателей сюжетами из римской античности общеизвестно, кроме того, об этом написаны и отдельные исследования⁴².

В рамках же академической науки сложилось так, что классическая филология и всеобщая история, занимавшиеся изучением античности ещё в 30-е - 40-е гг. XIX в., находились по преимуществу в ведении иностранцев. В Академии наук, а также и в университетах по большей части сотрудничали немцы (Грефе и Фрейтаг – в Петербурге, Фатер и Струве – в Казани, Нейкирх и Дёллен – в Киеве и др.). В Главном педагогическом институте, который готовил гимназических учителей для всей России, лекции по всеобщей истории, например, читались на немецком языке, так как лектор Лоренц не владел русским. «В Западной Европе тогда укоренилось мнение, - отмечал русский историк В.И. Модестов, - что русские не способны к высшей науке, и что вся наука, какая у нас есть, за исключением математики, где русские имена (Лобачевского, Остроградского, Чебышева) кое-что говорили о русском уме, находится в руках иностранцев, по преимуществу немцев»⁴³. Русское правительство поощряло это засилье иностранцев и малоактуальность тематики их исследований, было заинтересовано в изоляции русских людей от науки, чтобы воспрепятствовать проникновению современных идей из Западной Европы. Это не могло пагубно не отразиться на развитии исторической науки как в Академии наук, так и в русских университетах.

Ситуация начала меняться в 40-е годы, когда стали возможны научные командировки молодых русских учёных за границу «для приготовления к профессорскому званию». Начали устанавливаться постоянные контакты между российскими и западноевропейскими

научными учреждениями, активизировался процесс подготовки антиковедов из классических филологов и всеобщих историков. Из первых вышли Н.М. Благовещенский и П.М. Леонтьев, а из вторых - М.С. Куторга, Д.Л. Крюков, С.В. Ешевский⁴⁴. Это представители первого поколения русских учёных - антиковедов, возвратившихся на родину обогащёнными новыми философскими идеями и новейшими научными достижениями, передовой методикой. Отечественная наука, как заметил историк В. Далин, «... жадно впитывала в себя каждое «последнее слово» Европы, обладала «превосходной осведомленностью» насчёт всех новейших теорий исторического развития, чрезвычайно тщательно и критически взвешивала их значение, их применимость к пониманию русского исторического процесса, настойчиво выясняла его общие с Западом и особые, глубоко отличительные черты. С наибольшей ясностью это сказалось впервые на рубеже 20-х - 30-х гг. XIX в., именно тогда выступил Гизо и вся новая школа французских историков»⁴⁵.

Н.М. Благовещенский в течение двух лет обучался в Лейпцигском университете у Г. Германа, В. Беккера, М. Гаупта, Р. Клода, В. Шталльбаума, А. Вестермана⁴⁶. П.М. Леонтьев учился в Берлинском университете у А. Бёка, Лахмана, Ф. Шеллинга⁴⁷. Состояние развития классической филологии в Германии, разные направления исследований в ней оказали влияние на молодых русских учёных, а через них и на отечественную науку об античности. Уже тогда Н.М. Благовещенский в Лейпциге, а П.М. Леонтьев в Берлине стали очевидцами развернувшейся борьбы между А. Бёком, основателем эпиграфической школы, последователем Вольфа, и знаменитым в то время лейпцигским профессором Г. Германом. «А. Бёк, - писал историограф В.П. Бузескул, - был против узкого, чисто грамматического направления, против буквоедства, против отчуждения филологии от жизни»⁴⁸. Напротив, Г. Герман, считавшийся главой «грамматико-критической школы», видел задачу классической филологии только «... в изучении и объяснении памятника со стороны языка ...По поводу Corpus Inscriptionum Graecarum Герман написал суровую критику. Завязалась горячая полемика, которая продолжалась долгие годы. Это была не только личная ссора,- заметил В.П. Бузескул, - это было столкновение двух направлений в филологии - историко-антикварного⁴⁹ и грамматико-критического»⁵⁰.

Борьба направлений, развернувшаяся в немецкой классической филологии, повлияла и на ориентацию Н.М. Благовещенского и П.М. Леонтьева в сторону противников исключительно грамматического подхода к изучению древности. Н.М. Благовещенский окончательно утвердился в этом мнении во время проведённых им в Гейдельбергском университете. Большой славой там пользовался Крейцер. Ученик Н.М. Благовещенского И.В. Цветаев так писал в очерке о нём: «Влиянию этого профессора (Крейцера -В.Л.) г. Благовещенский обязан тем живым интересом к художественной археологии, который с

самых первых пор своей учёно-литературной деятельности сохранил до дней маститой старости...»⁵¹. А профессор Казанского университета Н.Н. Булич, вспоминая научно-преподавательскую деятельность Н.М. Благовещенского, отмечал, что он «...остался верен самому себе и тому направлению науки, которое усвоил в строгой германской школе. Ничего подобного до него не было в Казанском университете»⁵².

Борьба с грамматическим направлением классической филологии в России носила длительный характер. Сторонниками грамматико-критической школы Г. Германа в России были, главным образом, классические филологи из иностранцев, преимущественно немцы. Сущностью их подходов было представление о классической филологии как науке, предметом которой должно быть только грамматическое изучение сочинений античных авторов.

Н.М. Благовещенский и П.М. Леонтьев по возвращении из-за границы в 40-е гг. XIX в. стали придерживаться иного, расширенного толкования предмета, источников и методов своей науки, утверждая вместо грамматико-критических традиций историко-критическую направленность. Изучение древних классиков, считали они, должно находиться «в связи с учреждениями, нравами и всем бытом древних народов»⁵³. Кроме того, в противовес традиционному грамматическому подходу к изучению и объяснению сочинений античных авторами на первое место ставится задача ознакомления общественности с современной наукой с целью подготовить почву для её развития в России. Этому должен был служить научно-популяризаторский, просветительский сборник «Пропилеи», издававшийся по инициативе П.М. Леонтьева, профессора Московского университета⁵⁴, и при поддержке Н.М. Благовещенского, преподававшего в Казанском университете, а затем получившего профессию в университете С. - Петербургском⁵⁵.

В эти же годы традиционно продолжала изучаться политическая история древнеримского государства, при этом уже появились и первые работы по социально-экономическим вопросам. Д.Л. Крюков начал плодотворно применять в своих трудах историко-критический метод Б.Г. Нибура. Широкую известность в России, а также за рубежом, получила его работа «Мысли о первоначальном различии римских патрициев и плебеев в религиозном отношении», изданная на немецком языке в 1849 г. в Лейпциге, а затем переизданная в «Пропилеях» в 1852 г.⁵⁶. Д. Крюкова, как ранее А. Куницына, заинтересовали тогда и вопросы рабства. Давая рационалистическое объяснение этому явлению, Д. Крюков отмечал и его прогрессивный характер⁵⁷. В 50-е гг. в науку вошёл С.В. Ешевский. Наибольшую известность получила его работа «Центр римского мира и его провинции». Этот университетский лекционный курс, опубликованный им в «Вестнике Европы», стал первой в науке того времени работой, посвящённой исследованию проблем

римских провинций. Он был подготовлен значительно раньше того, как к этим вопросам обратился Т. Моммзен в V томе своей знаменитой «Истории Рима»⁵⁸.

Развитие новых явлений в изучении римской истории, литературы и культуры, начавшееся в 40-е гг. XIX в., было замедлено в 50-е гг., когда стали ограничиваться, а затем и прекратились научные командировки русских ученых за границу. В 50-е - начале 60-х гг. в университетах России стал ощущаться недостаток научно-преподавательских кадров. В дореволюционной историографии это связывалось с политическими причинами. Один из современников писал: "... стояло в очевидной связи с наступившим после французской революции 1848 г. ограничением, и затем совершенным прекращением командировок молодых учёных в Западную Европу для довершения их научного образования. Наука в России того времени была сама по себе ещё очень слаба; преподавание в университетах, совершавшееся по установленным программам и обязанное придерживаться известных руководств, было лишено жизни и научной глубины; русских учёных журналов, которые бы знакомили с научным движением в Европе, почти не существовало, а иностранные книги приходили в редкие и очень неправильные промежутки. При таких условиях делаться учёным на отечественной почве становилось очень трудно и восстановление живого общения с теми научными центрами, где наука жила широкою жизнью, было для молодых русских учёных делом безусловной необходимости»⁵⁹.

Менее радикальная, но такая же оценка причин замедления развития науки в России высказана в официальной части «Журнала Министерства народного просвещения» за 1863 г., где указывалось на «... недостаток хороших профессоров, происшедший от стеснения молодых учёных в возможности довершать своё образование за границей и от излишней сложности экзаменов на высшие степени, что, вместе взятое, привело к опустению кафедр, с другой - на равнодушие профессоров к интересам университетов и науки вообще... Такое равнодушие вызвано отчасти устранением учёных коллегий от суждения и распоряжения по делам, относящимся к вопросам, связанным с жизнью университетов, отчасти и материальными заботами, обременявшими профессоров и, наконец, не всегда удовлетворительным составом учёных коллегий»⁶⁰.

Таким образом, к концу 50-х - началу 60-х гг. общественно-политическая ситуация, сложившаяся в России, значительным образом повлияла на замедление роста профессионализма и темпов научных исследований в области истории античного мира.

Революционная ситуация 1859-1861 гг. привела к изменениям в общественно-политической атмосфере, во всех сферах жизни. Буржуазное развитие страны востребовало возникновение новой, европейского уровня, научной элиты, развития науки. В этих условиях

особый динамизм получили исследования по античному Риму, для чего созрели следующие предпосылки:

- Во-первых, появление с начала 60-х гг. постоянно пополняющейся большой группы учёных, прошедших основательную подготовку в передовых европейских научных школах, в связи с возобновлением заграничных научных командировок для подготовки к получению учёной степени. Обогащение новыми философскими идеями, исследовательской методикой, бесценным материалом источников, в том числе новых их видов, не могло значительно не поднять общий уровень исследовательской работы, придавая ей научный, историко-критический характер.
- Во-вторых, именно с 60-х гг. на постоянной основе стал развиваться интеграционный процесс между российской наукой и наукой Западной Европы (научные командировки за границу приват-доцентов и профессоров, переписка с коллегами за рубежом, участие в международных научных съездах, взаимное содействие в сборе источников, взаимообогащение идеями).
- В-третьих, уже в 60-е гг. началось активное включение российских учёных в исследование труднейших проблем в европейском антиковедении, в особенности проблем древнейшей истории Италии и Рима, источниковедения римской истории, социально-экономических проблем. Некоторые из отечественных учёных - П.Г. Виноградов, В.И. Модестов, Д.М. Петрушевский, И.В. Помяловский, М.И. Ростовцев, И.В. Цветаев - создали оригинальные научные труды в области изучения Рима, внесшие большой вклад в мировую науку.
- В-четвёртых, в 1863 г. в России был принят новый университетский Устав, дававший высшим учебным заведениям самоуправление, что также способствовало созданию в стране иной, благоприятной для развития науки ситуации.
- Таким образом, в 60-е гг. XIX в. в России были заложены основы для качественно иного, историко-критического изучения древнеримской истории. Это позволило дореволюционной отечественной науке, благодаря кардинальным в ней методологическим изменениям, воспитать целую плеяду видных российских учёных, исследования которых получили широкое европейское признание. Обоснование 60-х годов XIX в. как «нового периода» в развитии антиковедения и исторической науки в России содержатся в ряде работ российских учёных как XIX-го, так и XX века⁶¹.
- Молодые учёные, посылаемые в Западную Европу, устремлялись прежде всего в Германию. В этой стране находились ведущие научные школы, разрабатывались новые методики, вводились в научный оборот вещественные источники. Особым успехом не только в Германии, но и во всей Европе тогда пользовался профессор Берлинского

университета Теодор Моммзен, имевший большое число учеников из России. В разное время его школу прошли Ю.А. Кулаковский, М.П. Драгоманов, М.И. Ростовцев (он, кроме того, занимался археологией у профессора Бендорфа и учился в эпиграфическом семинарии у профессора Бормана в Вене и в Германском Археологическом институте у профессора Дёрпфельда), П.Г. Виноградов⁶². Своим заочным учителем Т. Моммзена считал И.М. Гревс⁶³. Слушал лекции знаменитого немецкого учёного В.И. Модестова, который придерживался тех же исследовательских принципов, однако постоянно вступал с ним в полемику. Творческой личности Т. Моммзена он посвятил несколько статей, в которых давал высокую оценку его научным заслугам⁶⁴.

Славу Берлинского университета составлял также знаменитый Август Бёк, подготовку у которого ещё в 30-е гг. прошли П.М. Леонтьев и Д.Л. Крюков. А П.И. Аландскому принадлежит русский перевод и комментарий к книге А. Бёка «Энциклопедия и методология филологических наук», изданный в Киеве в 1879 г. У М. Гаупта слушали лекции В.И. Модестов и И.В. Помяловский⁶⁵. В 1903-1904 гг. в Берлине у Э. Мейера учился Э. Фельсберг⁶⁶.

В Боннском университете осваивались новейшие приёмы филологической критики, осуществлялся исторический подход к изучению языка и текста древних рукописей, использованию надписей. «Два лица составляли силу и гордость этого университета в области науки о классической древности: Ричль и Отто Ян», - вспоминал В.И. Модестов⁶⁷. Фридрих Ричль имел многочисленных и известных учеников, среди которых были Т. Моммзен, Риббек, Гюбнер, Ф. Бюхелер, Бернайс, Кейль, Квичала, Рейферштейд, Ине, Киселинг, Овербек, Гельбиг, Вален. А из русских учеников в Бонне нам удалось выявить В.И. Модестова, прошедшего у Ф. Ричля школу в начале 60-х гг. XIX в.⁶⁸ У ученика Ф. Ричля, профессора Ф. Бюхелера, учился И.В. Цветаев⁶⁹. Ф. Ричль в 70-е гг. перешел в Лейпцигский университет, где у него прошёл подготовку И.В. Помяловский⁷⁰. Единомышленником Ф. Ричля в Бонне был Отто Ян, учёный чрезвычайно широкого научного профиля. Он ещё с конца 30-х гг. XIX в. в составе большой группы немецких учёных включился в работу Германского археологического института в Риме вместе с Визе, Курциусом, Брунном, Стефани, братьями Моммзенами, Китлем, Фридлендером и др.⁷¹

Молодые учёные из России стажировались и в Брюсселе. Так, в Социологическом институте Сольвея учился В.И. Синайский, юрист, впоследствии профессор, автор монографии «Очерки из истории землевладения и права в Древнем Риме»⁷².

В Германии по второй половине XIX в. господствовали филологические методы изучения древности, успешное применение которых в трудах Ф. Вольфа, Б. Нибура, А. Бека находило многих последователей. Значительно расширил рамки и глубину познания римской

истории Т. Моммзен, обратившийся к достижениям итальянских учёных. Он стал применять археологический материал к критике письменных нарративных источников. Археологическими исследованиями в области римской истории тогда занималась главным образом итальянская наука, в которой в то же самое время появлялись труды Мариани, Висконти, Боргезе. В Италии русских исследователей Древнего Рима ожидала самостоятельная работа. «... В её истории, в остатках её древней культуры, в её музеях и библиотеках, в её географии и топографии»⁷³ находили преимущественный материал для своих занятий В.И. Модестов, И.В. Помяловский, И.В. Цветаев, М.И. Ростовцев. Не случайно профессор И.В. Помяловский давал своим слушателям в С. - Петербургском университете наставление «поучиться» именно в Германии, но «поработать» в Италии⁷⁴.

Прекращение изоляции российского антиковедения имело определяющее для его развития значение. «Через два-три года, проведённых в живейшем общении с современной наукой, - вспоминал один из стипендиатов Министерства народного просвещения, - молодые люди возвращались в Россию. Составляя диссертации, вступая на кафедры, они естественно вносили и в свои научные труды, и в университетское преподавание новые взгляды и иные приёмы обращения с наукой, приёмы исследования и преподавания. Это почувствовалось сразу и не могло не вызвать и на нашей почве университетского обновления и научного движения»⁷⁵.

Уже в 60-е гг. в отечественной науке стали появляться труды, которые значительно отличались от работ предшественников. Так, докторская диссертация В.И. Модестова о римской письменности в период царей, защищённая им в 1868 г. в Казанском университете, вызвала споры даже среди его соотечественников. Сам учёный объяснял это как отсутствием специалистов, так и, «... отсутствием привычки к самостоятельной мысли в науке со стороны наших отечественных учёных». По мнению диссертанта, в русском антиковедении сложилась тогда привычка «... обыкновенно приставать по разным вопросам науки к лагерям большинства её представителей на Западе»⁷⁶.

Основательное изучение всего тогдашнего комплекса источников, связанных с римской письменностью, привело русского учёного к необходимости высказать свои взгляды именно в то время, когда в европейской науке господствовало скептическое отношение к историчности самого этого периода.

Учитывая, какое влияние на русскую науку имеют теории западных учёных, В.И. Модестов писал в предисловии к диссертации: «Обстоятельство, которое привело нас к рассмотрению этой задачи, заключается в приобретении нами твёрдого убеждения, что господствующий взгляд, относящийся к этому времени с самым отчаянным скептицизмом, не имеет для себя прочных оснований. Убеждение это ... поддерживали в последнее время люди

замечательной эрудиции, как Брёккер, Герлах и Ампер. Каждый из этих учёных сделал с своей стороны хоть какие-нибудь границы распространяющемуся всё более и более, в особенности в Германии, и уже совсем бесплодному, скептицизму относительно древнейшей римской истории»⁷⁷.

Отмечая положительные черты самого критического метода в классической филологии, так успешно применённого Б.Г. Нибуром, В.И. Модестов заметил, что «восстановление истории по внушению своего гения», причём только на основе нарративных текстов, может привести к большому произволу в науке⁷⁸.

Аргументируя свою позицию наблюдениями над материалом вещественных источников по римской истории, учёный писал: «Диссертация моя «Римская письменность...» не имеет прямой цели доказать достоверность или недостоверность первоначальной римской истории, но она вызвана глубоким убеждением в несостоятельности нибуровского направления. После многих размышлений, возникших во мне в особенности в бытность мою в Риме, где я собственными глазами всматривался в памятники архитектуры давно минувшей эпохи, из которых некоторые относятся ещё к периоду римских царей, равно как и после внимательного изучения преданий, относящихся к первоначальной римской истории, я стал убеждаться всё более в том, что история эта хотя и не совсем чуждая вымыслов, как и первоначальная история всякого народа, но она опирается на источники иногда весьма красноречивого свойства»⁷⁹.

Концепция В.И. Модестова не получила тогда поддержки даже у его учителя Н.М. Благовещенского; диссертация не была представлена к защите в С. - Петербургском университете. Защита её состоялась в Казанском университете, где, несмотря на заранее опубликованные критические отзывы Н.М. Благовещенского, она получила одобрение⁸⁰.

За рубежом в это время господствовали иные представления. На принципах скептицизма основывались многие высказывания Т. Моммзена. Так, И.В. Нетушил писал, что Т. Моммзен в «Римской истории» не оставил места «ни для этрусков в Лации, ни, в частности, для Тарквиниев в Риме» и т.д.⁸¹. «Глубокая эрудиция, но крайний субъективизм» были присущи работам Этторе Пайса, в частности, его истории Рима, а также работам Ламбера и Зигвардта и др.

Против скептических представлений Т. Моммзена, в частности, в вопросе об этрусках (что требовало определённого мужества, так как немецкий учёный не имел научных противников), высказался его русский ученик и последователь Ю.А. Кулаковский⁸². Позднее обстоятельное исследование об этрусках и о господствующих по этой проблеме теориях в науке было предпринято В.И. Модестовым. Он, а также И.В. Нетушил и М.И. Ростовцев,

выступили против гиперкритических подходов к изучению Римской истории в работах Э. Пайса⁸³.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в России усиливается интерес к римскому праву. Он связан с интенсивным развитием норм русского частного права. Публикуются десятки пособий и учебников по этой дисциплине, многие из которых выдержали несколько изданий в течение короткого промежутка времени. Особое внимание уделяется пандектному праву, преимущественно в его немецком варианте. Во многих университетах открываются кафедры, на которых читаются спецкурсы и проводятся семинары по римскому частному и публичному праву, по источникам римского права, подробно изучаются оригинальные латинские тексты Законов XII таблиц, Институций Гая, Дигест и Кодекса Юстиниана. Свод законов Российской империи, в разработке которого принимали участие многие специалисты, в значительной степени воспринял не только терминологию, но и институты римского публичного и особенно частного права⁸⁴. В конце XIX в. формируется русская школа римского права. Она внесла весомый вклад в изучение его истории и системы, закономерностей его восприятия и переработки позднейшими европейскими законодательствами, в формировании общей теории гражданского права⁸⁵. Во второй половине XIX в. и в начале XX в. в России появилось большое количество переводных и отечественных учебников и монографий по римскому праву⁸⁶. Современные исследователи отмечают: «Влияние римского частного права и его идей на многие поколения российских профессиональных юристов не только велико, но и чрезвычайно важно. Ведь именно эти люди в конечном счете формировали и формируют законодательство и практику его применения. Можно, следовательно, говорить о «рецепции духа римского частного права...»⁸⁷.

Таким образом, отечественная романистика, испытав непосредственное воздействие достижений западноевропейской науки, в исследовании ряда проблем заняла в те годы приоритетные позиции.

Изучение римской истории в России длительное время сосредоточивалось в высших учебных заведениях: в С. - Петербургском, Московском, Казанском, Киевском, Харьковском, Варшавском, Юрьевском, Одесском университетах, а также в Историко-филологическом институте в Нежине. Учёными из Российской Академии наук по проблематике данной диссертации научных работ не публиковалось.

Ведущее место в подготовке научных кадров и в исследовательской работе занимали С. - Петербургский и Московский университеты.

В С. - Петербургском университете во второй половине XIX -начале XX вв. научно-преподавательскую деятельность в разное время вели такие известные профессора, его выпускники: Ф.Ф. Соколов, И.В. Помяловский, В.И. Модестов, М.И. Ростовцев, И.М. Гревс, Э.Д. Гримм. Здесь учились И.В. Цветаев, П.И. Аландский, Н.М. Бубнов. М.И. Ростовцев (будучи одновременно преподавателем на Высших женских курсах, руководил научной работой слушательницы этих курсов Ф.М. Нахман). Научно-преподавательскую работу длительное время вёл первый российский историк-антиковед М.С. Куторга. Именно в С. - Петербургском университете зародилась школа эпиграфики по греческой истории под руководством Ф.Ф. Соколова, магистерская диссертация которого была посвящена ранней истории Сицилии. А постановкой основательного изучения римской эпиграфики занимался И.В. Помяловский. С разработкой новых видов источников была связана деятельность В.И. Модестова и М.И. Ростовцева. И именно в этой области они добились ощутимых научных результатов, вместе с тем плодотворно занимались изучением и других вопросов. Так, труды И.М. Гревса были посвящены социально-экономической истории древней Италии, писал Э.Д. Гримм о государственно-политической истории Рима.

Московский университет стал центром по изучению социально-экономических проблем, причём не только по римской истории, а главным образом по истории средних веков, истории России. Именно здесь, в Московском университете, формировалась «русская историческая школа» всеобщих историков и зародилось социально-экономическое направление. Москва в 60-е - 70-е гг. была центром российского буржуазного либерализма, а в её университете сохранялись традиции Т. Грановского⁸⁸. В этом учебном заведении занимался научно-преподавательской деятельностью такие видные российские историки, как М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер и др. Значительное воздействие на формирование их взглядов оказали Д.И. Каченовский, С.М. Соловьёв, В.И. Герье. Изучением собственно римской истории занимались С.В. Ешевский, П.М. Леонтьев, П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский, И.В. Цветаев, Л.А. Комаровский, Г. Пригоровский, В. Запольский, частично В.И. Герье, Н.И. Кареев, Р.Ю. Виппер. Выпускником Московского университета, оставленным здесь для подготовки к профессорскому званию, был М.М. Вольский. В Благородном пансионе при университете учился Ю.А. Кулаковский. Все вышеперечисленные учёные, за исключением И.В. Цветаева, интересовались социально-экономическими вопросами.

В Харьковском университете образовалась группа учёных, занимавшихся изучением проблем государственно-политической истории Рима. Это прежде всего И.В. Нетушил, П.Ю. Куль, Е.А. Черноусов. И.В. Нетушил был известен своими работами по ранней истории Рима и в особенности трёхтомным трудом «Очерк римских государственных древностей»⁸⁹. Здесь

он стал научным наставником П.Ю. Куля, который под влиянием своего учителя подготовил и опубликовал монографию о провинциальных собраниях римлян⁹⁰. Автором «Очерков по истории Римской империи» стал преподаватель этого университета Е.А. Черноусов.

В Казанском университете в разное время работали В.И. Модестов и Э.Д. Grimm. Но их научно-педагогическая деятельность не была длительной. В этом учебном заведении не сложилось в те годы приоритетов в области изучения римской истории, чего нельзя сказать об изучении истории Древней Греции. Однако именно здесь, в Казани, защитил докторскую диссертацию «Римская письменность в период царей» В.И. Модестов⁹¹.

В университете св. Владимира в Киеве преподавали такие известные романисты, как В.И. Модестов, М.П. Драгоманов, Ю.А. Кулаковский, П.И. Аландский, И.В. Цветаев.

Четверо из них (В.И. Модестов, И.В. Цветаев, П.Н. Аландский, Ю.А. Кулаковский) занимались ранней римской историей. Кроме того, вопросы государственно-политической истории привлекали М.П. Драгоманова и Ю.А. Кулаковского. Руководивший кафедрой римской словесности В.И. Модестов был инициатором привлечения в Киевский университет И.В. Цветаева из Варшавского университета и П.И. Аландского из С. - Петербургского университета⁹². В Киевском университете с 1905 г. работал всеобщий историк Е.А. Черноусов, впоследствии перешедший в Харьков, а также специалист по истории средних веков, автор публичной лекции о «римском вече» накануне падения республики, Н.М. Бубнов, с 1891 года э. - ординарный профессор всеобщей истории.

В 1911 г. на кафедру торгового права из Юрьева перевёлся профессор В.И. Синайский, известный исследователь римского землевладения. В Киеве, правда в Духовной Академии, работал э. - ординарный профессор Н.Ф. Мухин⁹³, автор одного из трудов о рабстве в Риме. Киевский университет в 1906 г. закончил всеобщий историк Л.Н. Беркут, чья деятельность была затем связана с Варшавским университетом.

В Варшавском университете, ректором которого в 1872-1883 гг. был Н.М. Благовещенский⁹⁴, работал его ученик И.В. Цветаев, занимавшийся тогда творчеством Тацита. Здесь же преподавали С.И. Алексеев, М.И. Белоруссов, Л.Н. Беркут, Ф.М. Дадынский. Первые двое исследователей проявили интерес к изучению социально-экономической истории (долговой вопрос в Риме и колонат)⁹⁵, последние - к государственно-политической (городские общины, император Адриан)⁹⁶. Ф.М. Дадынский к тому же был и автором статьи об аграрном вопросе в Риме.

В Новороссийском (Одесса) университете по римской истории в 1869 г. была опубликована только - труд профессора-экономиста М. Вольского, посвящённый рабству⁹⁷. В разное время и недолго здесь работал В.И. Модестов.

В Нежине в 1902 г. была издана работа профессора кафедры римской словесности И.Г. Турцевича о центрах земляков и иноверцев в Древнем Риме⁹⁸.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что в России во второй половине XIX - начале XX вв. сложились два крупных центра по изучению римской истории - С. - Петербургский университет (где преимущественно изучались новые виды источников) и Московский (социально-экономическое направление), к которым тяготели учёные из других учебных заведений страны. Кроме того, в Киевском университете в связи с уходом из него в 70-е гг. В.И. Модестова, И.В. Цветаева, М.П. Драгоманова, смертью в 1884 г. П.И. Аландского и переориентацией интересов Ю.А. Кулаковского в область истории Византии и христианства, к началу XX века обнаружилось снижения интереса к исследованиям римской истории. Такой же процесс шёл в 90-е гг. в Новороссийском университете.

Какова была динамика публикаций по истории Древнего Рима в России с 1861 по 1917 гг.?

Составленная нами библиография работ отечественных романистов (в целом, без темы культуры и историографических трудов, автор учёл 165 публикаций⁹⁹) представляет следующие количественные сведения по изучаемой тематике:

- социально-экономическая проблематика - 64 работы;
- ранняя история Италии и Рима - 38 работ;
- вопросы источниковедения - 38 работ;
- государственно-политическая история - 25 работ¹⁰⁰.

Статистические данные свидетельствуют о преимущественном интересе в российской историографии к социально-экономической истории Рима, а также к проблемам ранней истории Италии и вопросам источниковедения. Кроме того, по исследуемой тематике определяется отчётливо два периода развития романистики условной их хронологией: I период - 60-е - 80-е гг. XIX в. (48 работ); II период - 90-е гг. XIX в. - 10-е гг. XX в. (116 работ, то есть более чем в два раза увеличение количества публикаций).

Таким образом, можно сделать следующие обобщения.

В 60-е - 80-е гг. XIX в. в науку об изучении Рима вошло одно поколение исследователей (В.И. Модестов, И.В. Помяловский, И.В. Цветаев, М.П. Драгоманов, П.И. Аландский, Ю.А. Кулаковский, П.Г. Виноградов), а в 90-е гг. другое поколение (И.В. Нетушил, Д.М. Петрушевский, М.И. Ростовцев, И.М. Гревс, Э.Д. Гримм и др.). В первый период только начиналось обучение российских учёных за границей, устанавливались связи с научным миром Западной Европы, а во втором периоде эти контакты у ряда учёных носили уже очень интенсивный характер, о чём свидетельствуют мемуары, рецензии и

сохранившаяся переписка (имеются в виду в особенности такие авторы, как В.И. Модестов, И.В. Цветаев, Ю.А. Кулаковский, П.Г. Виноградов, М.И. Ростовцев).

В 70-е гг. XIX в., не только в отечественной, но и в зарубежной историографии отмечалось увеличение количества источниковедческих работ. Это объясняется - тем, что в эти годы отечественные учёные собирали новые виды источников, систематизировали их, и тем самым закладывались основы для дальнейшего, уже во втором периоде, использования новых видов источников в конкретно-исторических работах. Кроме издания собранных самостоятельно (И.В. Помяловский, И.В. Цветаев) эпиграфических памятников, разрабатывались методы критики такого вида источников.

В 60-е - 80-е гг. происходило углубление начавшегося ранее в классической филологии, всеобщей истории, юриспруденции процесса дифференциации представлений о предмете, источниках и методах познания истории Рима и античности в целом. Но, как отмечал В.И. Модестов, 80-е гг. не создали много новых средств к поднятию науки в России¹⁰¹. Возникли тормозящие факторы, связанные, в частности, и с политикой «контрреформ» после второй революционной ситуации в России. В 1890-х - 1910-е годы особенно сильно стал ощущаться процесс интеграции между различными научными отраслями в сфере использования источников и методики работы, возникают представления о необходимости целостных, системных исследований. Тогда «феномен междисциплинарности» (термин А. Зевелева)¹⁰² постепенно становился одной из движущих сил развития романистики в России.

Именно для 90-х гг. XIX в. В.И. Модестов отмечал очень важную особенность русской науки - она "... начинает получать себе признание, чего прежде не было"¹⁰³. Уже на первые международные исторические конгрессы в начале XX века приглашаются русские романисты. Значение их высоко оценивал М.И. Ростовцев. Он подчёркивал, что "...международные конгрессы поддерживают целостность науки как международного, никому в отдельности, а человечеству в целом принадлежащего добра... Конкуренция наций на научной ниве – прекрасная вещь, культ родного языка и стремление сделать его мировым - глубоко симпатичная тенденция..."¹⁰⁴. Именно в результате интеграционных процессов в самой отечественной науке, как нам представляется, российская романистика стала признаваться наукой европейской, появились труды высочайшего научного уровня, о чём свидетельствовали рецензии иностранных учёных на работы представителей русских университетов. Важным фактом признания заслуг российских учёных является награждение некоторых из них почётными иностранными орденами (О. Базинер, В. Модестов)¹⁰⁵, избрание В.И. Модестова вице-президентом международного исторического съезда в Риме в 1903 г.¹⁰⁶ Таким образом, для второго периода стало характерным включение российской романистики в процесс интернационализации науки.

В 10-е гг. XX века отмечался определённый спад в публикации трудов по истории Древнего Рима. Правда, и здесь сохранялся наиболее стабильный интерес к социально-экономической проблематике. Более заметен он был в области источниковедения римской истории и в области изучения ранней истории Италии и Рима. В чём могли заключаться причины этого?

Во-первых, это причины естественного характера. Ушли из жизни такие выдающиеся российские ученые, как В.И. Модестов (1907 г.), И.В. Помяловский (1906 г.), И.В. Цветаев (1913 г.), А.Ф. Энман (1903 г.).

Во-вторых, произошла переориентация научных интересов у ряда исследователей. Так, М.И. Ростовцев, внесший значительный вклад в изучение социально-экономических и источниковедческих проблем Древнего Рима, в 1900-е гг. изучает Северное Причерноморье и эллинизм. Последняя его работа по римской истории вышла в 1913 г.¹⁰⁷, а у И.В. Цветаева, знатока италийской эпиграфики в 1902 г., а затем его научные интересы переориентируются в область истории искусства и просветительскую деятельность, связанную с Музеем изобразительных искусств в Москве. И.В. Помяловский опубликовал последнюю свою работу по эпиграфике Италии в 1887 г.¹⁰⁸, за 19 лет до окончания жизненного и творческого пути. Научные интересы Ю.А. Кулаковского переключаются на проблематику Северного Причерноморья и истории Византии. А научная деятельность И.В. Нетушила была значительно затруднена в эти годы его административными обязанностями: в 1906 г. он стал проректором, а с 1912 г. - ректором Харьковского университета¹⁰⁹. В 1910-е гг. учёный занимался главным образом изданием учебных пособий для студентов, вместе с тем интенсивно работая над капитальным трудом по истории римской религии¹¹⁰, так и не завершённым им.

В-третьих, часто упоминаемые в нашей работе всеобщие историки Д.М. Петрушевский, И.М. Гревс, П.Г. Виноградов в центр своих интересов всегда ставили средневековье, это было обусловлено потребностью познать генезис тех институтов, которые составляли основу феодальных отношений.

Кроме вышеприведённых аргументов, отметим также, что до сих пор не привлёк должного внимания важный историографический факт попыток создания в итальянской столице российского центра по изучению римской истории на материале новых видов источников - Русского историко-археологического института. ЦГИА РФ располагает документами по этому вопросу, содержащими, в частности, и письмо на имя Николая П с его резолюцией, написанное горячим сторонником создания Русского института в Риме В.И. Модестовым¹¹¹. Там же, в ЦГИА РФ, в фонде Министерства народного просвещения, имеется и письмо Ю.А. Кулаковского, ратовавшего за создание в Риме «учёной коллегии и

библиотеки для русских учёных»¹¹². Открытие научного центра в Риме могло бы закрепить то новое направление в разработке римской истории на основе комплексного подхода, важный вклад в утверждение которого был сделан В.И. Модестовым. Однако попытки эти не увенчались успехом, т.к. Правительство не дало своего разрешения.

Российская историография римской и греческой античности, всеобщей истории, в период третьего поколения исследователей (1-е: П.М. Леонтьев, Н.М. Благовещенский, Д.Л. Крюков; 2-е: В.И. Модестов, И.В. Помяловский, И.В. Цветаев и др.; 3-е: М.И. Ростовцев, Д.М. Петрушевский, Н. И. Кареев и др.), преодолев «гелертерство» (т.е. «мертвую ученость» - нем.), выработала черты национальной самобытности в области методологии.

Западный мир, не воспринимавший в первой половине и середине XIX в. на российской почве никакой общественной науки вообще, считавший, что в среде ее академиков и профессоров наука развивается исключительно немцами, увидел с 60-х гг. XIX в. российскую историографию вполне цивилизованной. Этому способствовали, на наш взгляд, следующие факторы:

- Одна из черт российского национального характера, психологии, точно подмеченная Н.И. Кареевым, написавшим «исключительный национализм и отвлеченный космополитизм не в нашем духе. Мы слишком долго свыкались с чужой жизнью, чтобы отказаться от ее изучения. Притом мы должны ее изучать ради общественной научной самостоятельности, должны иметь свой взгляд на Запад, например, попытаться посмотреть на него несколько иначе, чем он привык смотреть сам на себя, сравнивать свои дела с западными, чтобы лучше понять свои. Не в том дело, откуда брать темы, а как к ним относиться»¹¹³. В России новая волна отечественных антиковедов. Они были в основном выходцами из среды сельских священников, пробивавшихся через тернистый путь получения образования в стесненных материальных условиях, но думавших при этом о благе Отечества.
- Новый этап либеральных реформ буквально взорвал общественную атмосферу России. Возобновление заграничных научных командировок, которым в России и возникли научные школы (под влиянием Германии), непосредственное восприятие в Европе передовой историософской и общественной мысли, ознакомление с оригиналами источников разных видов, которые именно в это время стали активно вводиться в научный оборот. Эта среда создавала новую духовную, творческую атмосферу, значительно изменившую прежде всего методологические основы исследований. Одновременно с этим происходила ломка стереотипов в отношении исследователей античности из России на Западе. Это осуществлялось не только благодаря переписке, встречам, личным контактам. Российские ученые стали признаваться европейскими в

качестве равноправных.

Наука в начале XX в. становится единой. Её не разделяли государственные границы. Н.И. Кареев писал, что «...национализировать ее в том смысле, чтобы сводить ее к какой бы то ни было исключительности, значит разбивать единство науки, вносить в нее односторонние точки зрения... Опередив до известной степени Запад хоть в этом отношении, не станем же мы возвращаться вспять в то самое время, когда национальная наука на Западе стремится к тому, чего нам гораздо легче достигнуть при нашем широком воспитании»¹¹⁴. Примечателен тот факт, что в этот период два российских исследователя Древнего Рима О. Базинер и В. Модестов за свои научные заслуги были награждены иностранными орденами, а В. Модестов, кроме того, был избран вице-президентом международного исторического конгресса в Риме в 1903 г.¹¹⁵ О признании заслуг русских ученых перед мировой наукой свидетельствуют также мемуары, рецензии, переписка. К началу 90-х гг. XIX в. происходит становление в России антиковедения как самостоятельной отрасли исторической науки. Для него стали характерны два основных направления: социально-экономическое и культурно-историческое. Если для первого методологической основой в области изучения Рима становится главным образом материалистически толкуемый позитивизм, то для второго - позитивизм с доминирующим целостным подходом к исследованию истории Рима (с точки зрения комплекса источников, изучения совместно материальных и духовных памятников культуры)¹¹⁶. Эти два направления сохранили свое значение и позднее, в 20-е гг. XX в.

Подытоживая наши наблюдения, можно сделать вывод о том, что интерес к истории Древнего Рима в России возник на рубеже XIV-XV вв., когда в отечественных исторических источниках обосновывались идеи о взаимосвязи российской государственности с древнеримской. В век Просвещения античная культура становилась неотъемлемой частью российской образованности. Возникли научные контакты с университетами Германии, однако этот процесс в 50-е годы XIX века замедлился.

Научное изучение истории Рима в России получило значительное развитие только во второй половине XIX века, что находилось в очевидной связи с последовавшими в начале 60-х гг. общественно-политическими реформами в стране. В этот период на изучение Древнего Рима, как и на антиковедение в целом, значительное влияние оказывали две важнейшие тенденции: дифференциация и интеграция в предмете и методологии науки. Так, в связи с вовлечением в научный оборот новых видов источников: эпиграфических, археологических, папирологических и т.д., - возникают вспомогательные исторические дисциплины, имевшие свой предмет, определившие свои научные задачи, средства. Различия

в подходах к анализу исторического материала обнаружили также и у классических филологов, всеобщих историков, юристов, изучавших Древний Рим. Вместе с тем стала ощущаться и растущая потребность в сближении научных дисциплин, в создании научных трудов на принципах комплексного видения проблемы. Возникла тенденция создания научных обществ, сближения с западной наукой через научные школы, личные контакты, заграничные научные командировки, международные исторические, антропологические, археологические съезды. Изучение римской истории в России постепенно стало включаться в процесс интернационализации науки, который уже интенсивно шёл на Западе в то время, где наиболее плодотворно происходило объединение межнациональных научных сил на территории Италии, а также Германии, где в университетах активно функционировали центры подготовки молодых учёных из разных стран Европы и научные школы. Во второй половине XIX в. изучение Древнего Рима в России стало приобретать историко-критический характер. На основании проведённого автором анализа можно сделать вывод, о том что во второй половине XIX - начале XX вв. в романистике определяются два периода: первый - 1861 - 1880-е гг., второй - 1890 - 1917 гг.

Наиболее значительное внимание уделялось исследованию ранней истории Италии, социально-экономических проблем Древнего Рима, источниковедению. Формируются два центра изучения Рима в стране: Московский университет, где преобладало изучение социально-экономической истории, и С.-Петербургский, определившийся как центр по изучению новых видов источников.

1.2. Теоретико-методологические основы и общественно-политические взгляды российских историков Древнего Рима.

Поколение отечественных учёных, вошедшее в науку в 60-е гг. XIX в., испытало на себе воздействие первой революционной ситуации.

Во главе революционного центра в 50-е - 60-е гг. XIX в. в России находились Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский. К этому времени относится их полемика с либеральными, официально-охранительными историками, славянофилами, в процессе которой получали обоснование их философско-исторические взгляды. Как отмечал еще А.Н. Цамутали: «В этой связи выдвинутые ими проблемы: признание народа главной и творческой силой истории, учение об историческом процессе и его закономерностях; значение экономического фактора в истории - имели огромное значение для разработки вопросов истории...»¹¹⁷.

В студенческой среде интерес к философско-историческим взглядам революционеров-демократов был особенно велик. Так, непосредственное влияние революционно-демократическое направление в начале 60-х гг. оказало на тогдашних студентов В.И. Модестова и М.П. Драгоманова. Эволюция взглядов В.И. Модестова охватывает широкий спектр философских и идеологических влияний, характерных для данного периода. Выходец из семьи малоимущего священника Новгородской губернии, он получил основательное классическое образование на историко-филологическом факультете Главного педагогического института, а после его закрытия, с 1857 г. - в С. - Петербургском университете¹¹⁸. Не случайно профессор столичного университета М.И. Ростовцев впоследствии называл В.И. Модестова «шестидесятником по духу и убеждениям»¹¹⁹, отводя, таким образом, этому времени основополагающее место в формировании его взглядов.

Ещё в Главном педагогическом институте В.И. Модестов сблизился с Н.А. Добролюбовым. В.И. Модестов тогда учился на первом, а Н.А. Добролюбов - на четвёртом курсе. «Не со всеми, однако, студентами нашего курса, - вспоминал будущий учёный, - кружок Добролюбова входил в сношения, чтобы провести своё влияние; нет, нас было всего три-четыре человека, которых он считал годными к восприятию идей, им исповедуемых»¹²⁰. В письме к известному в то время издателю М.М. Ледерле В.И. Модестов писал, что Н.А. Добролюбов познакомил его с книгой Прудона, которая ввела его в круг социальных и экономических вопросов¹²¹. Более же всего он увлёкся статьями Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского в «Современнике», в которых, по его отзывам, слышался пульс современных стремлений¹²². В студенческой среде тогда имели хождение лондонские издания «Полярной звезды» и «Колокола», произведения Л. Фейербаха. Вместе с тем, по мнению В.И. Модестова, материалистическая философия в её крайностях на их факультете «не пользовалась сочувствием»¹²³.

Значительное влияние на формирование мировоззрения В.И. Модестова оказала книга Д. Вико «Новая наука», которую он не раз перечитывал в последний год своего студенчества. Как известно, идеи Д. Вико во многом предварили философию истории И.-Г. Гердера и Г.В.Ф. Гегеля. По словам И. Киреевского, в середине 40-х годов не было в России человека, который бы не говорил философскими терминами и не рассуждал бы о Гегеле¹²⁴. По отзывам других современников, гегелевская философия во многом определяла развитие русского общественного сознания 30 - 40- х гг. XIX вв. Диалектика Гегеля воспринималась как метод отыскания равнодействующей тенденции среди противостоящих сил¹²⁵, под диалектическим «покоем» понималась приверженность вере и монарху, под диалектическим «движением» – реформы, проводимые по инициативе власти¹²⁶. Книги Ш.-Л. Монтескье и Н. Макиавелли, по собственному признанию В.И. Модестова, составили основу его

политического образования в те годы¹²⁷. В круг его чтения входили и работы Г.В.Ф. Гегеля, под влиянием философии которого он находился долгое время.

Говоря же о своих отношениях с Н.А. Добролюбовым, он отметил, что к особенно горячим его почитателям не принадлежал¹²⁸. В 1886 г. В.И. Модестов опубликовал свои воспоминания о Н.А. Добролюбове в связи с выходом в свет очередного издания его сочинений. Известие уже о четвёртом переиздании его трудов оказалось для него поразительным. «Я никак не предполагал, чтобы статьи литературного критика и публициста конца пятидесятых и самого начала шестидесятых годов до сих пор пользовались живым сочувствием нашей публики и, выходя отдельными изданиями, находили многочисленных покупателей. Мне казалось, что тот период нашей журнальной критики и публицистики, к которому принадлежал ... Добролюбов, уже отошёл в историю, что вместе с новым временем появились и новые вкусы, которым так или иначе удовлетворяют новые люди, и что даже самое имя Добролюбова стало меркнуть и забываться»¹²⁹.

У В.И. Модестова с Н.А. Добролюбовым возникали тогда политические разногласия. «Добролюбов, - писал он, - при всём своём несомненно большом уме обличал в себе представителя известного журнального кружка с решительными мнениями в известном духе и с значительной долей нетерпимости к другим мнениям. Кружковые же интересы мне были чужды и тогда, как были всегда чужды и впоследствии, вплоть до настоящей минуты. И действительно, я никогда не считал себя солидарным во мнениях ни с одним литературным или другим каким-либо кружком, хотя и признавал, по временам, необходимость солидарности в д е й с т в и я х (разрядка автора - *В.Л.*)»¹³⁰. По мнению Э.К. Путьныя¹³¹, Н.А. Добролюбов оказал влияние на всю деятельность В.И. Модестова. Примечателен тот факт, что Э.К. Путьнынь этим объяснял частую смену учёным места работы, переезд за границу, оппозиционный настрой по отношению к русскому правительству. Между тем причины этого были совсем иные, а именно: семейные обстоятельства, его взгляды на развитие науки и т. д.

Таким образом, идеология революционно-демократического направления, оказав на рубеже 50-х - 60-х гг. влияние на В.И. Модестова, не была близка его убеждениям. Общественно-политическая позиция учёного на протяжении всей последующей жизни носила либерально-буржуазный характер. Не случайным поэтому, стало его высказывание о взглядах своего студенческого друга В.Г. Васильевского, в будущем академика-византиста: «В молодые годы он (Васильевский - *В.Л.*), не скрываясь, стоял в очень либеральном ряду, не сочувствуя, разумеется, тем крайностям, к которым прибегала революционная партия. Его либерализм был здоровым либерализмом человека науки и притом историка...»¹³².

Такие убеждения В.И. Модестова наиболее ярко проявились в его просветительно-публицистической деятельности в 80-е годы, когда он был отстранён от академической службы за статьи по проблемам школьного и университетского классического образования в России¹³³. В.И. Модестов писал: «Теперь задача русского писателя уже не в том, чтобы «чувствовать всё тем простым чувством, каким обладает народ», а в том, чтобы воспитать это чувство гуманными идеями, просветить его светом общечеловеческой культуры: только тогда оно даст свой добрый плод и будет в состоянии проявить всё то, что в нём заключается истинно ценного и достойного быть хранимым в действительной сокровищнице народного духа»¹³⁴.

Публицист размышлял в своих статьях о судьбах России, Германии, Франции, Италии. Не случайно в прессе было замечено, что в этих статьях ярко проявилось мировоззрение автора.

Мировоззрение М.П. Драгоманова, историка Древнего Рима, видного общественного деятеля, одного из вождей украинского «громадского движения», также складывалось под влиянием освободительных, революционно-демократических идей. Родной дядя М.П. Драгоманова - Яков Яковлевич - был членом декабристской организации. По свидетельству Олены Пчилки (сестры М.П. Драгоманова и матери Леси Украинки), в семье гордились революционной деятельностью дяди¹³⁵. Существенное влияние в гимназические годы на него оказал учитель новой истории Стронин, дававший ему произведения Вольтера, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, К. Сен-Симона, Ш. Фурье, Э. Кабе, А.И. Герцена, Т.Г. Шевченко. Ещё в гимназии им были прочитаны «История XVIII века» Шлоссера, труды Маколея, Прескота, Ф. Гизо в оригинале¹³⁶.

В 1859-1863 гг. М.П. Драгоманов проходил обучение на филологическом факультете Киевского университета¹³⁷. В 1870 г. им была защищена диссертация «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит», в которой содержались ссылки и на Н.Г. Чернышевского, обратившие тогда на себя внимание многих и ставшие предметом нападок на учёного со стороны официальных кругов¹³⁸.

При этом, несмотря на влияние революционно-демократической идеологии, взгляды М.П. Драгоманова носили на протяжении всей его жизни также буржуазно-либеральный характер. Это нашло особое выражение в его активной деятельности, связанной с либерально-буржуазной просветительской организацией «Громада». М.П. Драгоманов, будучи одним из организаторов «громадского движения», поддерживал связь с «громадами» и впоследствии, находясь в эмиграции¹³⁹.

Либерально-буржуазные взгляды были присущи и другим русским романистам, единым в сознании несовершенства российского общества, идее поисков его постепенного гуманного переустройства на основе изменения нравственной природы человека.

В.И. Модестов воспринимал классовую борьбу в России как отклонение от правильного пути, который виделся ему в сотрудничестве всех слоев общества. Отмечая в России начала 80-х гг. XIX в. "... господство грубых ретроградных и бюрократически-полицейских идеалов...", считая это незаконным, а потому непродолжительным, В.И. Модестов заметил, что выход из этого состояния ' придёт сам собой. Говоря о незрелости российской общественности, которая не может «согласиться в самых простых и ясных вещах», он призывал её «к общим стремлениям», «общему пониманию». А саму «незрелость» объяснил "... полным отсутствием сколько-нибудь действительного воспитания в нашем обществе..."¹⁴⁰. В «единомыслии царя с народом» видел цель укрепления народного самосознания и И.В. Помяловский. Находясь на посту ректора С. - Петербургского университета, от имени профессоров этого учебного заведения он направил Александру II в связи с началом русско-турецкой войны письмо, в котором были следующие строки: «Война за освобождение да укрепит народное самосознание, да положит конец пагубной шаткости убеждений, да ознаменует вновь единомыслие Царя с народом и да разгромит их общих врагов»¹⁴¹.

Российские учёные глубоко переживали внутренние потрясения в обществе, в особенности связанные с первой русской революцией 1905-1907 гг., однако, оставаясь на своих прежних позициях, они всё более сосредоточивались на науке. Так, И.В. Нетушил, профессор Харьковского университета, длительное время находился на посту проректора, а затем и ректора этого старейшего учебного заведения России. Один из студентов того времени вспоминал о его изумительном мастерстве: «Все его как-то понимали, глубоко уважали, а филологи - горячо все его любили и гордились, что «нашего» тихого Ивана Вячеславовича, несмотря на всю остроту положения, ни один студент никогда - ни на бурных наших общих сходках, ни в конспиративных кружковых заседаниях - не посмел очернить, даже обвинить в чём-либо. Сам того не зная, Иван Вячеславович содействовал духовному обогащению, росту, любви к своему университету и корпорации...»¹⁴².

Примером такого бескорыстного служения науке и просвещению является жизнь и деятельность И.В. Цветаева, «высоко поставленной целью» которого стали прежде всего идеи просветительского движения в России, чему была посвящена вторая половина жизни и деятельности учёного, профессора Московского университета, основателя и первого директора Музея изящных искусств в Москве¹⁴³.

Профессор С.-Петербургского университета И.В. Помяловский, имевший многочисленных учеников, стал своеобразным центром духовного притяжения. У него в квартире постоянно собирались коллеги, студенты, выпускники университета, находившие здесь общение и взаимопонимание (многие из них часто пользовались его уникальной библиотекой. И.В. Помяловский был обладателем одного из прекрасных частных книгохранилищ России. Сын протоиерея, одного из образованнейших в Петербургской епархии, он получил в наследство от отца более 20 тысяч томов библиотеки, которые в течение его собственной библиофильской деятельности им значительно увеличены)¹⁴⁴.

Просветительством отличались взгляды Ю.А. Кулаковского, Д.М. Петрушевского, И.М. Гревса и др. Последний, как общественный деятель, примыкал к кругам, из которых в дальнейшем сложилась конституционно-демократическая партия. В публицистических статьях журналов «Право», «Научное Слово», «Полярная Звезда» он отстаивал идеи свободы, призывал к созданию «университета, независимого от правительственного произвола и партийных разногласий, мечтал создать из него «мастерскую, где куётся познание истины и создаются жизненные и общественные идеалы». После студенческих волнений 1899 года распоряжением министра Н.П. Боголепова он был отстранён от работы в С. - Петербургском университете¹⁴⁵.

Многие из отечественных учёных, занимавшихся Древним Римом, происходили из среды разночинцев. Так, В.И. Модестов, П.И. Аландский, И.В. Помяловский, И.В. Цветаев, Ю.А. Кулаковский, П.Г. Виноградов - выходцы из семей священников, причём преимущественно сельских. Близость к народу и желание получить образование, рассчитывая только на свой талант и трудолюбие, формировало у них черты, присущие лучшим представителям разночинной интеллигенции того времени. Отсюда - идеи просветительства, широкой подвижнической деятельности на благо страны¹⁴⁶. Отмечая характерную черту поборников просветительства начала 60-х гг., В.И. Ленин очень точно заметил, что им была свойственна «... горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России»¹⁴⁷.

В основе исторического мировоззрения российских историков в 60-е гг. XIX в. находилось гегельянство, отдельные черты которого сохранялись и позднее в исторических концепциях этих учёных (подробнее этот вопрос будет разбираться в главе третьей настоящей работы).

Влиянию идей Гердера и Гегеля в значительной мере способствовали научные командировки. Во время их пребывания за границей (а это было главным образом в Германии) молодые русские учёные приходили к выводу, что «характеристические черты воззрения Гердера и Гегеля на римскую историю и великое переселение народов составляют

отличительную особенность почти всех немецких историков»¹⁴⁸. Так, в частности, вспоминал об этом времени М.П. Драгоманов, прошедший научную школу Берлинского и Гейдельбергского университетов.

О влиянии идей Гегеля на В.И. Модестова может свидетельствовать тот факт, что смысл исторического процесса, в понимании этого русского историка, состоял в познании «мирового разума»¹⁴⁹. Движущими силами эволюционно развивавшегося исторического процесса¹⁵⁰ он считал «исторические» («избранные») народы. «... Они дают тон в ходе судеб человечества, - писал В.И. Модестов, - они обозначают собой ступени в его последовательном развитии, они дают действительное содержание истории...»¹⁵¹. Эти «исторические» «сильные народы» достигают своего величия путём познания «широкого разума мировой истории» и следования ему. «Слабые народы» должны жить по опыту «сильных». В противном случае внутренние и внешние потрясения последуют на них как наказание за пренебрежение «законами истории». Социальным катаклизмам, таким образом, В.И. Модестов отводил роль карающего орудия за отклонение от «правильного пути» постижения этого закона истории. «Критические моменты» «сильные народы», по его мнению, переживают благополучно; они могут вовремя войти в свою естественную колею. Для «слабых» - это «начало национального падения и государственного разложения», которое обыкновенно довершается внешними ударами»¹⁵².

Идеи Гегеля оказали влияние на взгляды П.М. Леонтьева, который видел «историческое призвание» Рима в том, что он должен стать «соединителем вселенной»¹⁵³.

М.П. Драгоманов видел метафизичность в идеях о «безусловном прогрессе», которые его «... навели на мысль, что исторические явления не повторяются, а изменение форм жизни поддержало эту мысль в массе образованного общества»¹⁵⁴. М.П. Драгоманов, критикуя М. Вебера, отметил то обстоятельство, что «отвлечённая идея о безусловном прогрессе всего человечества и связанный с ней фатализм поддерживает неуважительный взгляд на римскую историю и на её продолжение - империю Византийскую»¹⁵⁵. Подвергая критике взгляды сторонников этой теории на прогрессивную миссию германцев в процессе исторического развития, М.П. Драгоманов изложил свои сомнения в связи с этим. «Эти-то варвары, - писал он, - нарушали, во-первых, во многих местах безопасность и устраняли возможность материального прогресса, они заставляли держать большое количество войска, чем давали больше силы и внутреннему деспотизму, - наконец, войско представляло силу, за помощью к которой могли обращаться честолюбивые люди и таким образом увеличивали число переворотов в государстве и все их печальные последствия»¹⁵⁶.

В 70-е - 80-е гг. в Россию стал активно проникать позитивизм, становившийся определяющей философской теорией и для российской историографии Рима. Русские учёные

непосредственно знакомились с ним во время своих заграничных командировок. Кроме того, это увлечение подкреплялось популярными среди студенческой молодёжи журналами «Отечественные записки» и «Знание». В отличие от исследований по древнегреческой истории (труды Ф.Ф. Соколова), в романистике неокантианские идеи развития не получили. Поэтому позитивизм на длительное время стал основой их теоретико-методологических позиций, что не исключало полемику русских учёных с отдельными положениями представителей этого идейного течения.

М.П. Драгоманов, полемизируя с Гегелем, считал, что основные и наиболее верные идеи «позитивной школы» следующие:

«а) прогресс жизни человечества совершается законосообразно, по эпохам, которые сменяются не фаталистически (как в теории миссии народов), но органически, и логически вытекающая одна из другой;

б) ... прогресс этот зависит от непрерывного хода умственного развития»¹⁵⁷.

Обосновывая необходимость исторического прогресса, М.П. Драгоманов видел в этом надёжную основу, которую обрели исследования с целью познания закономерностей в исторических явлениях¹⁵⁸.

Отводя позитивизму важное место в философском обосновании трудов по истории, М.П. Драгоманов считал, что мало работ, основанных на позитивист, методологии, отношении к историческим фактам. Он понимал, что всех политических и социальных явлений позитивизм не объясняет¹⁵⁹.

Применение общих принципов позитивизма к римской истории, по его мнению, должно повлиять на то, что "... мы должны будем отвергнуть мысль о внутренней необходимости прекращения римского народа и признать, что если великое переселение народов понизило степень значения и сознания в Европе, то оно было событием регрессивным, а не прогрессивным»¹⁶⁰. Именно к такому выводу пришёл французский исследователь Литтре, на которого М.П. Драгоманов в связи с этим ссылался. По его мнению, проникновение позитивизма в изучение римской истории в России пришло из Франции, Англии, а не из Германии. В основе этого лежало укоренившееся германофильство, оказавшее сильное воздействие на их науку, несмотря на успехи «анатомической критики источников» в Германии¹⁶¹.

Идеи позитивистов XIX века были созвучны и творчеству В.И. Модестова. Исторический прогресс государства учёный связывал с изменением нравственной природы человека посредством народного образования¹⁶². Свойственное позитивизму преувеличение влияния культуры отразилось на оценке В.И. Модестовым, в частности,

причин поражения России в войне с Турцией. По его словам, у русского народа отсутствовала культурная сила, «которая бы и поддержала геройские подвиги наших воинов...». В поисках движущих сил истории он также обращался к «умственной» и «нравственной» силам¹⁶³. В.И. Модестов писал, что законы, действующие в обществе и природе, одинаковы¹⁶⁴. На исторической арене, как и в природе, у него действуют «сильные» и «слабые» народы¹⁶⁵. Однако, шесть лет спустя критикуя в сборнике «О Франции» Г. Спенсера, он писал также, что «история существенно отличается от зоологии»¹⁶⁶.

В работах Ю.А. Кулаковского замечается постоянное стремление поставить в центр исторического исследования “... те общие акты, которые лежат в основе отдельных повествований и свидетельств традиции. По нашему мнению, эти о б щ и е ф а к т ы и составляют для нас в с ю и с т о р и ю (разрядка автора -В.Л.) той отдалённой эпохи»¹⁶⁷. В других работах он отмечал, что «в своём изложении даёт исключительно факты. Теория не столько высказана, сколько заложена, так сказать, в самое основание, а потому самая группировка данных служит её оболочкой»¹⁶⁸. Таких же взглядов придерживался и П.Г. Виноградов, однако он ставил свои задачи шире, выясняя закономерности исторического процесса через социологический подход. (Влияние позитивизма на творчество П.Г. Виноградова подробно исследовано в монографии Г.П. Мягкова)¹⁶⁹.

Следует, однако, заметить, что не все положения позитивистской философии воспринимались в России. Тот же М.П. Драгоманов связывал распространение среди позитивистов идей Спенсера о древнем периоде истории как молодости и старости организмов, в соответствии с которыми народы находятся в состоянии процветания или упадка, с неполнотой сведений. Влияние органической теории Г. Спенсера было заметно “...на всякой частной, по-видимому, весьма далёкой от частных обобщений, работе по истории Индии после буддизма, всего переднего Востока после персидских войн, эллинского мира после Пелопоннесской войны, римлян в век империи и т.д.. А между тем, - обращался М.П. Драгоманов к её критике, - независимо от того, что вся эта теория в основе своей имеет метафору, и Милль совершенно правильно поместил всю эту теорию о неизбежной смерти организмов в учение «о заблуждениях ложных аналогий», - эта неполнота сведений наших о вышеназванных периодах и самый источник этой теории органической смерти исторических народов объясняются тем, что древние писатели сообщили нам известные факты под своим углом зрения, как люди известного времени, национальности, партии»¹⁷⁰.

Для русской романистики было характерно признание законосообразности исторического процесса. Так, по мнению В.И. Модестова, “... углубленность в специальные вопросы отдаляет историю от науки, которая должна обнаружить свои законы, чтобы иметь

право считаться наукой»¹⁷¹. П.И. Аландский считал, что познание исторических законов должно быть первым делом историка учреждений. «Прежде всего, - писал он в рецензии на книгу Э. Герна, - ему предстоит определить на основании исторического предания правило поведения, закон или обычай, выражавшийся в действиях людей, обозначить границы его применения в пространстве и времени»¹⁷². В «Очерках...» И.М. Гревса много места уделено изучению социального положения различных слоев земледельческого населения, его связи с теми процессами, которые происходили в земельной собственности в Риме. Это выводило историка на социологический уровень познания. И тогда он писал, что «открытие социологических законов необходимо не только для того, чтобы возможно было правильно понимать условия образования среды, в которой совершается жизнь человека и человечества; оно не только послужит также для того, чтобы определить качество и степень влияния самого сознания и носителя его, человеческой личности, на сложение этой среды; оно нужно специально и самостоятельно для уразумения самих законов роста человеческого духа как последней проблемы испытующей и творческой деятельности познающего ума»¹⁷³. При всём внимании И.М. Гревса к вопросам собственности, материальной стороне жизни Рима, историк считал, что «идеалистический монизм» - идейная основа настоящих и последующих исследований.

М.И. Ростовцев выделял познание законов исторического развития как наиболее трудный заключительный этап исторического исследования. По его мнению, такие принципы последовательной критической работы в области изучения римской истории были впервые выработаны величайшим критико-историческим умом начала XIX века - Б. Нибуром. На этих позициях всецело стоял и Т. Моммзен¹⁷⁴.

Большой интерес представляет отношение русских романистов к теории о «всемирно-историческом взгляде» на конкретные проблемы из римской истории. Этот подход был особенно распространён в немецкой науке второй половины XIX века в трудах Р. Пёльмана, Ю. Белоха, Э. Мейера, Е. Корнемана, в русской - в работах М.И. Ростовцева и И.М. Гревса.

И.М. Гревст поддерживал принципы Р. Пёльмана, отстаивавшего «раздвижение границ периодов и отделов развития человеческого общества». Это, по его мнению, будет способствовать выявлению существенных взаимосвязей всемирно-исторического процесса¹⁷⁵.

М.И. Ростовцев, сторонник изучения римской истории как части всемирной, предложил осуществлять такое изучение на основе универсального подхода: «На базе археологического знакомства с каждой данной страной, знакомства с эволюцией в ней форм быта, предметов обихода, особенностей архитектуры и изобразительных искусств, если присоединить к этому знакомство с особенностями религиозного развития каждой данной

страны, то вся серия наших сведений соединится в картину, может быть, неполную, как неполно всё наше знакомство с античным миром, но выдвигающую и освежающую главное и основное»¹⁷⁶.

М.И. Ростовцев, видя в «Очерках...» И.М. Гревса «одно из выдающихся произведений нашей исторической литературы», вместе с тем подчёркивал, что как Гревс, так и Бюхер, отступали от всемирно-исторического подхода. «Нам думается, - писал М.И. Ростовцев, - что историкам древности следовало бы в построении широких теорий держаться прежде всего в с е а н т и ч н о й (разрядка автора - В.Л.) точки зрения, которая необходимо приведёт к точке зрения всемирно-исторической...О точке зрения Бюхера и Гревса, высший пункт государственного, а следовательно, и экономического развития древности есть эпоха империи. Поэтому, если в основе экономической жизни этой эпохи лежит д о м о в о е х о з я и с т в о, (разрядка автора - В.Л.), - а с этим надо согласиться, - то оно же есть основа экономического быта и всей древности, а pottos . Между тем эта точка зрения совершенно неправильна: в государственном, культурном и экономическом отношениях древность выработала наиболее развитые формы раньше в эпоху эллинизма, подготовленную могучим развитием греческих государств в собственно Греции и колониях»¹⁷⁷.

Всемирно-исторический подход, по мнению М.И. Ростовцева, таким образом, заключается прежде всего в необходимости держаться всеантичной точки зрения, которая и приведёт к всемирно-историческим представлениям. В отсутствии всеантичного взгляда, заключено уязвимое место как концепции И.М. Гревса, так и К. Бюхера. Это обстоятельство и вызывало тогда критику теории домового хозяйства как основы античности среди историков древности, в частности Э. Мейера, к которому присоединился и русский исследователь М.И. Ростовцев.

Идея всемирно-исторического изучения занимала и М.П. Драгоманова, правда, в меньшей степени. Он считал, что история человечества не может состоять из истории жизни десятка или двух привилегированных народов. В связи с этим под термином «древняя история» он подразумевал не хронологический, а культурно-исторический смысл. «Сравнение памятников первобытной культуры народов... с обстановкой быта нынешних дикарей,- писал он,- побуждает нас понять термин «древняя история» (подчёркнуто автором - В.Л.) не в хронологическом смысле, а в культурно-историческом,- и прежде всего образовать в этой науке ещё новый отдел: первобытная культура как народов умерших, так и живущих»¹⁷⁸.

Эти взгляды приводят М.П. Драгоманова к циклической теории Э. Мейера. Он призывает к необходимости параллельного обозрения фактов древней истории и новой. Именно параллельное обозрение, "... возвышает интерес особенно к истории классических

народов, так как в ней можно видеть те же явления, что в новой, только в более простом (виде), и что зависит отчасти от характера греков и римлян, в более рельефном виде; такое параллельное изучение фактов древней и новой истории принесёт поэтому пользу последней, наоборот, оно полно пользы и для древней истории, потому что поможет посредством сравнения с временем, от которых осталось более памятников, пополнить недостатки сведений относительно многих сторон древней жизни»¹⁷⁹.

Особого внимания требует проблема: российская романистика и материалистическое понимание истории. Интерес к социально-экономическим вопросам, как уже отмечалось ранее, сохранялся на протяжении всей второй половины XIX века. Но в 90-е гг. значительно увеличилось количество опубликованных работ. Среди авторов, изучавших социально-экономические проблемы римской истории, выдвинулись имена таких учёных, как М. Белоруссов, П.Г. Виноградов, И.М. Гревс, Н.Ф. Мухин, Ф.М. Нахман, И.В. Нетушил, Д.М. Петрушевский, М.И. Ростовцев, В.И. Синайский, И.Г. Турцевич, Э.Р. Фельсберг. Усиление интереса к социально-экономическим вопросам было характерно во второй половине XIX века для всей исторической науки, что позволило говорить о возникновении в ней целого научного направления. В 1904 г. В.П. Бузескул в работе «Введение в историю Греции» отметил, что «социально-экономическое направление можно считать теперь господствующим в исторической науке»¹⁸⁰. Ф. Зелинский в рецензии на книги И.М. Гревса и М.И. Ростовцева, размышляя над постановкой экономической тематики, заметил, что указанных вопросов в настоящее время обойти нельзя. В противном случае, писал он, «...мы рискуем оставить невыясненным очень большое число явлений античной жизни, если не обнаружим этой столь важной и центральной её пружины. Важным сопутствующим явлением стало проникновение историзма во все эмпирические науки». Это ведёт в античную эпоху и политэкономии¹⁸¹. Отмечая, что не только в России, но и на Западе слабо разрабатывалась экономическая история, Ф. Зелинский назвал тому две причины этого. Первая - в существовавшей разрозненности эмпирического материала по экономике, в отличие от политической истории, которая представлена в объёмных изложениях античных писателей. Вторая заключалась в том, что плодотворная работа над собранным и изученным материалом неизбежно делает из филолога-классика экономиста, «... если он не желает подвергаться риску опрометчивых, а то и прямо наивных выводов»¹⁸². Помощь политэкономии, считал он, явно недостаточна. Это связано с нетерпимостью, по его мнению, политэкономов к иным научным подходам, а также отсутствием основного понятийного единообразия, внутренней борьбой различных в ней направлений¹⁸³.

И.М. Гревс объяснял интерес к познанию «экономической истории» следующими причинами: 1) блестящими новейшими успехами политэкономии и статистики; 2) значением

социальных вопросов в общественной жизни современности; 3) внутренним развитием исторической науки; 4) влиянием марксизма¹⁸⁴.

Размышления И.М. Гревса свидетельствуют, что первоначальный интерес в России к социально-экономической проблематике возник из её успешной разработки другими науками, в частности политэкономией и статистикой. Кроме того, этот интерес объяснялся и бурно развивавшейся общественной жизнью того времени. В связи с этим всеобщие историки, обратившиеся к анализу внутреннего развития своей науки, обнаружили много «незатронутых пространств». Поэтому «... первые исследования по «экономической истории», - заметил И.М. Гревс, - вышли из чисто научно-исторических мотивов»¹⁸⁵. Одним из первых учёных, поставивших задачу исследования экономических явлений, он назвал Георга Людвиг Маурера. Это направление в немецкой историографии было поддержано К.В. Нитч, Инам-Штернеггером, Беловым, в Англии - Роджерсом, П. Гиро - во Франции, а в России он отметил Н.В. Лучицкого и П.Г. Виноградова¹⁸⁶. «Выдающаяся роль» в развитии теоретической и практической мысли экономического направления принадлежит Карлу Марксу и его последователям. Значение марксистских и других экономических работ в том, что «они создали ту особенную умственную атмосферу, которая в наши дни вдохновляющим образом действует и на практическую, и на теоретическую мысль и, между прочим, живоительно отражается на исторических исследованиях»¹⁸⁷.

Сходное отношение к роли исторического материализма высказывал и Д.М. Петрушевский. «... Привлечение к историческому исследованию с чисто социологическими целями материальной стороны исторического процесса (экономических и социальных отношений) и постановка проблемы генезиса идей как продукта общественного процесса - это здоровая, не умирающая сторона марксистского движения, это крупная заслуга так называемого исторического или экономического материализма»¹⁸⁸.

Признавая за материалистическими принципами столь важное значение для внутреннего развития исторической науки, И.М. Гревс одновременно выступил против одностороннего, только экономического подхода к истории, в чем обвинил марксизм. Этот односторонний подход игнорировал традиционный интерес в исторической науке к государственно-политической, «культурной истории». И.М. Гревс тогда заметил, что пока ещё ни одного крупного и тем более первостепенного историка экономический материализм не привлёк. Он писал: «Только экономисты, или практические политики являются в большинстве случаев его безусловными адептами»¹⁸⁹. И.М. Гревс в те годы не мог принять «наиболее смелые общие построения истории», выдвинутые К. Марксом, развитые Ф. Энгельсом «... и преувеличенные их продолжателями...». Отношение к роли экономических факторов, в книге Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»

(СПб., 1895 г.), по мнению И.М. Гревса, тем и любопытно, «что своей стройностью лучше всего доказывают несостоятельность самой идеи»¹⁹⁰. Говоря о критических главах книги Н. Бельтова, И.М. Гревс отметил недостаточное знание автором вопроса о развитии «историологических взглядов», его «грубые приёмы полемики с противниками, которые так развязно практикуются автором»¹⁹¹.

Это отношение И.М. Гревса к марксистскому пониманию истории, понятому им как полный отход от традиций исторической науки в односторонность экономического материализма, направило историка к тому чтобы дать «... полное опровержение экономического материализма как социологической доктрины»¹⁹².

В те годы И.М. Гревс марксизма не принял, однако, судя по его высказываниям, был с ним знаком. Многие в этом проясняет то обстоятельство, что в том понимании марксизма, которое у него сложилось, отсутствует одно из важнейших открытий К. Маркса и Ф. Энгельса, а именно - системная трактовка социальной действительности. Эти мысли К. Маркса, выросшие на почве глубокого осмысления им как исторического процесса, так и развития самой науки, находили воплощение в закономерностях общественно-экономических формаций (систем), в установлении такой же зависимости между материальной и духовной (подчеркнуто автором - В.Л.) сферами жизни общества...¹⁹³.

Можно предположить: резкое неприятие И.М. Гревсом марксизма, который он с интересом изучал, связано с тем, что он увидел в нём только односторонность экономического детерминизма исторических явлений. При всём этом историк был убеждён, что сосредоточение на экономических вопросах плодотворно. Поэтому «... привлечение к исторической обработке материала по экономической истории раскрыло более полное понятие о сущности исторического процесса, позволило установить прочно и устойчиво «генетическое» построение истории и вполне усвоить «эволюционную» точку зрения взамен устарелого прагматизма»¹⁹⁴.

В.П. Бузескул и Д.М. Петрушевский обратили внимание на влияние общественных условий при возникновении социально-экономического направления. Поддерживая аргументы М.И. Ростовцева и Ф. Зелинского, отражающие внутренние закономерности развития науки, В.П. Бузескул отметил, что в период развития в стране капитализма и рабочего движения, «... когда вопросы и отношения социально-экономические стоят на первом плане, интересуют и волнуют каждого мыслящего человека, и историческая наука при изучении прошлого обращает особое внимание на них, на состояние о б щ е с т в а и о б щ е с т в е н н ы х (разрядка автора - В.Л.) классов, на борьбу этих классов, на отношение к ней государства»¹⁹⁵.

По мнению Д.М. Петрушевского, новые научные теории, навеянные современной экономической и социальной действительностью, переместили «... центр научных интересов на вопросы экономической и социальной эволюции древнего мира»¹⁹⁶.

В целом можно отметить, что отличительной особенностью идейно-методологических позиций И.М. Гревса и Д.М. Петрушевского был материалистически толкуемый позитивизм. Это стало характерным и для творчества других всеобщих историков - П.Г. Виноградова, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого¹⁹⁷. В историографии уже давалось объяснение этой эволюции взглядов учёных социально-экономического направления. При этом в работах А.И. Данилова, Б.Г. Могильницкого и других исследователей был поставлен вопрос о главной причине этой эволюции - роли марксизма, одного из основных течений в философской мысли XIX в. Объясняя возникновение этого направления в условиях бурного развития капитализма, обострения противоречий между буржуазией и пролетариатом, Б.Г. Могильницкий подчеркнул: «Марксизм как идеология революционного пролетариата и вместе с тем стройное учение, дающее материалистическое истолкование исторического процесса, сыграл роль фермента, могущественно ускорявшего процесс овладения буржуазными учёными социально-экономической проблематикой»¹⁹⁸.

Своеобразие восприятия материалистического понимания римской истории классическими филологами связано с процессом введения в научный оборот новых, материальных видов источников - археологических, эпиграфических и др. Изучение материальной культуры, экономики Древнего Рима получили реальную основу только с накоплением вещественных источников. К 90-м гг. XIX века в исторических работах В.И. Модестова и М.И. Ростовцева стало преобладать объяснение исторических событий и явлений материальной культурой. Ученик Ф. Зелинского, профессор М.И. Ростовцев заметил: «С теми материалами, эпиграфикой впервые явилась возможность говорить не только о политической, но и об экономической и социальной истории Рима, заполняя её не гаданиями и фантазией, а строгими и точными данными»¹⁹⁹. Этим можно объяснить такое усиление интереса к социально-экономической истории Рима в 90-е гг.

В связи с этим важное значение приобретают идеи В.И. Модестова и М.И. Ростовцева о «целостном», «универсальном» изучении древней истории. В.И. Модестов первым в отечественной романистике высказал эту мысль, связав её с комплексным изучением всех источников: от нарративных до вещественных, этнографических, статистических. «Чтобы создать труд ц е л ь н ы й (разрядка автора - В.Л.), освещающий эпоху, её значение в цепи предшествующих периодов, труд, изучение которого обогатило бы ум не только историческими данными, а и новыми мыслями...», необходимо синтетическое изучение

периода на основе данных разных наук. Только такой подход, считал он, может сейчас привести «к пониманию законов, действующих в судьбах человечества»²⁰⁰.

Эти же мысли об универсальном изучении были высказаны уже позднее М.И. Ростовцевым. Он также предложил комплексное изучение остатков литературного, историко-географического предания, эпиграфики, археологии, особенностей архитектуры и изобразительного искусства, религиозного развития каждой данной страны. Такой подход обеспечит, по убеждению М.И. Ростовцева, объяснение политической истории на основе «... представления о той культуре, которая была базой народной жизни...»²⁰¹.

Идеи цельного изучения исторического периода захватили в конце XIX века и всеобщих историков. Так, Д.М. Петрушевский развивал в своих работах идею об «историческом процессе (совершающемся в каждом человеческом обществе), как о едином целом, как о живом синтезе целого ряда переплетающихся, друг друга обуславливающих эволюций... Будущие успехи, будут зависеть от усвоения этой теории и метода»²⁰². О создании «цельного сочинения» по истории землевладения, писал И.М. Гревс²⁰³.

Выдвигаемые тогда идеи о необходимости целостного изучения римской и всей древней истории, несомненно, явились отражением общего процесса, характерного для естествознания и общественных наук второй половины XIX - начала XX вв. «Аналогичное значение для переосмысления фактического материала биологии, - писал философ В.П. Кузьмин, - имели эволюционная теория Дарвина и генетика, а для физики - теория относительности А. Эйнштейна и квантовая теория, для химии - периодическая система Д.И. Менделеева и т.п. Эти и целый ряд других теорий в естествознании и общественных науках второй половины XIX и начала XX вв. утверждали идеи последовательного материализма и системности, идеи всеобщего развития, универсальной диалектики и историзма. В этих условиях открытие закономерностей самодвижения и развития макросистем стало, по существу, одним из главных вопросов века. Наука вступила в качественно новую фазу»²⁰⁴.

Общественно-политические взгляды российских учёных-романистов, в большинстве своём выходцев из среды разночинной интеллигенции, носили буржуазно-либеральный характер, что отражало прогрессивные тенденции социально-экономического и политического развития страны. Многие из них (П.Г. Виноградов, И.М. Гревс, М.П. Драгоманов, Ю.А. Кулаковский, В.И. Модестов, Д.М. Петрушевский, И.В. Помяловский, И.В. Цветаев и др.) занимались активной просветительской деятельностью, благодаря которой имели широкую общественную известность и признание.

Теоретико-методологические позиции отечественных исследователей Рима проявились в следующей динамике. В 60-е гг. XIX в. они формировались под воздействием революционно-демократической идеологии, которая оказала влияние на мировоззрение таких учёных, как В.И. Модестов, стоявший у истоков отечественной романистики, и М.П. Драгоманов, но влияние этой идеологии проявилось по-разному и даже у этих учёных не было определяющим. Ощущалось воздействие идей французских и немецких философов и историков, при этом в целом философско-исторические взгляды русских учёных находились в русле гегельянства. В 70-е - 80-е гг. произошёл переход на позиции позитивизма, в связи с чем особенно популярными становятся идеи о прогрессивности и законосообразности развития исторического процесса, его зависимости от хода умственного, культурного развития, необходимости опоры на «осязательные факты». В 90-е гг. стало ощущаться воздействие марксизма, повлиявшего на трансформацию теоретико-методологических позиций российских учёных в сторону материалистического толкования ими позитивизма. Отечественные учёные испытывали наиболее осязаемое воздействие западной философско-исторической мысли во время своих заграничных научных командировок.

В 90-е гг. возрастает интерес к социально-экономической истории Древнего Рима, усиливается потребность в основательной вещественной основе исследований. Представители утверждающегося в романистике социально-экономического направления в изучении римской истории, в отличие от медиевистов, оказались в значительной степени зависимы от накопления в науке вещественных источников именно к 90-м гг. XIX в.

В конце XIX - начале XX вв. наиболее плодотворной была тенденция к изучению римской истории на всех её уровнях - от экономики до политики и духовной сферы - с использованием всех средств, имевшихся тогда в распоряжении науки. Идея целостного, комплексного осмысления римской истории явилась отражением тех реальных процессов, которые происходили тогда не только в исторической, но и в других общественных и естественных науках. Её ориентация на основательное изучение источников, на познание законосообразности исторического процесса, несомненно, способствовали выходу российской романистики на уровень мировых научных достижений. Среди отечественных исследователей нашёл развитие распространившийся в германской науке «всемирно-исторический подход» к изучению проблем римской истории. В те годы, когда в европейской науке распространялись неокантианские идеи, подходы российских учёных свидетельствовали о прогрессивности дореволюционной российской науки.

1.3. Методы объяснения исторических фактов.

Зависимость приемов исследования от методологии в науке была доказано давно. Это даёт исследователю возможность выявить тенденции в развитии историографии. На материале медиевистики, немецкой и русской, эта закономерность была основательно исследована ещё в трудах А.И. Данилова, Б.Г. Могильницкого, С.П. Рамазанова и др.²⁰⁵. Так, А.И. Данилов подчеркнул, что историографические исследования "... позволяют изучить движущие силы развития исторической науки, создаваемые в каждую эпоху прежде всего общественными отношениями, социальной борьбой... Социально-политическая действительность всегда определяла в конечном счёте основные тенденции развития, проявляющиеся в данный момент в исторической науке"²⁰⁶.

Некоторыми дореволюционными русскими исследователями прямо или косвенно проводилась мысль о том, что их обращение к актуальному опыту римской истории - отражение потребностей общественного сознания. Особенно это было характерно для работ по социально-экономической и государственно-политической тематике. Так, эти идеи нашли отражение в работе П. М. Леонтьева «О судьбе земледельческих классов в Древнем Рим» 1861 года. На взаимосвязь с процессами, происходившими вокруг крестьянской реформы в России, указывал в предисловии и сам автор. "... У нас в России, - писал он, - разрешение крестьянского вопроса отчасти уже вызвало ряд изучения, имеющих своим предметом судьбу земледельческих классов"²⁰⁷. В этой работе он сравнил характер римских земельных отношений с русскими, хотя и не в пользу последних, а также с английскими (как пример скопления поземельной собственности), стремясь при этом оставаться на исторических позициях, замечая, что "... в Риме, в эпоху Лициния и Секстия, было совсем не то"²⁰⁸.

Традиционно актуальным в русской историографии был интерес к творчеству страстного республиканца, римского историка Публия Корнелия Тацита. Ф.И. Буслаев в воспоминаниях писал, что Дмитрий Львович Крюков, его преподаватель в Московском университете, "... предпочитал из всех римских писателей Тацита и в последние годы своей недолгой жизни переводил его «Анналы» на русский язык..."²⁰⁹. Магистерскую диссертацию о Таците и его сочинениях защитил в 1864 г. в С. - Петербургском университете В.И. Модестов. Отмечая в ней политическую актуальность изучения Рима, он заметил, что «римская история уже издавна служит ареной, на которой сталкиваются политические писатели, отыскивая законы развития политических обществ»²¹⁰. В.И. Модестову принадлежало и получившее широкое признание в России издание в 1884 г. перевода сочинений Тацита, отдельные заметки о римском историке в журнале «Новь» и «Журнале Министерства народного просвещения» в 1885 и 1893-1895 гг. В письме Л.Ф. Пантелееву, известному издателю и публицисту, председателю существовавшего в XIX в. Литфонда, В.И. Модестов

сообщал 25 июня 1887 г.: «Я работаю по Тациту потому только, что хочу сделать эту работу, которую буду считать важнейшей в жизни»²¹¹. Изучению ватиканских рукописей Тацитовой «Германии» была посвящена и магистерская диссертация И.В. Цветаева, опубликованная в 1873 г. М.П. Драгоманов посвятил в 1869 году докторскую диссертацию теме «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит».

Ещё в 1955 г. Э.К. Путнынь высказал по этому поводу мнение, что актуальность исследований по истории империи, в частности, по Тациту, вызвана была тем, что «военно-политический режим русского самодержавия по существу подвергался критике на основе греко-римского материала»²¹². Нельзя с этим согласиться, правда, нельзя и принять этот вывод в полном его объёме. Ведь интерес к эпохе Римской империи, о чём говорилось в предыдущих параграфах, был связан ещё и с появлением массового эпиграфического материала именно этого времени.

С начала 60-х гг. в русской науке актуальными стали и исследования по определению всемирно-исторического значения Рима и его цивилизации. Это было продолжением давней европейской традиции. В трудах Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Э. Гиббона, Б. Нибура выяснялись проблемы национальности, форм правления, значения аристократии и демократии, равенства сословий, идеи братства народов²¹³. Эти вопросы в российском обществе второй половины XIX в. привлекали особое внимание мыслящей интеллигенции, что актуализировало такие исследования и в отечественной историографии Рима.

Именно под влиянием всех этих обстоятельств В.И. Модестов писал, что изучение таких «... проблем, которые стоят на первом плане перед каждым политическим мыслителем, - решение, которое должно сделать из истории науку». При этом он высказал мнение о необходимости «примирить крайности» партийных и классовых оценок. Для учёного, считал он, первое дело - истина, а не политические привязанности²¹⁴.

По тем же причинам в отечественной романистике стали актуальными и труды о братьях Гракхах²¹⁵, первым из которых стала работа В. Запольского «Братья Гракхи и их законоположения», изданная в 1871 г. в Москве. Н.Н. Зворыкин свою монографию по этой теме прямо связал с событиями первой российской революции, заметив: «Переживаемые нами тревожные события и нависшая над ними грозная туча в области землеустройства обязывают нас искать выход из этого тяжёлого положения; иначе нам угрожает разрушение самых драгоценных устоев социального строя нашего дорогого отечества»²¹⁶.

Основным и чаще всего применявшимся в отечественной романистике методом стал сравнительно-исторический. Примеры этого мы находим в работах всех исследователей Рима в России. Сравнительно-исторический метод, считал М.П. Драгоманов, наилучшим

образом воплощает идеи позитивистского направления о систематическом, социологическом изучении общественных исторических явлений. При этом он связывал сравнительно-исторический метод непосредственно с социологическим. «Новое направление, - писал он о позитивизме и его социологическом методе, - делает этот труд более систематическим, а потому более плодотворным»²¹⁷. Постоянное обозрение римской истории, по его мнению, должно расширить предмет труда историка, вобрав в себя частично то, чем занимается политэкономия, право, статистика. Только такие труды, дадут "... прочный материал для выводов о развитии человеческого общества вообще»²¹⁸. Целью систематического, социологического подхода он считал познание законов. Это позволит отвергнуть теории о безусловном прогрессе, согласно которым исторические явления не повторяются, следовательно, утверждается отсутствие каких-либо законов исторического развития²¹⁹. Пионерами такого подхода на Западе М.П. Драгоманов называл англичан Г. Бокля, Тейлора и Герберта Спенсера²²⁰.

Он был убеждён в том, что социологический метод не должен отрицаться и теми, кто считает "... целью исторической науки собирание и восстановление достоверности фактов. Историческая критика получает в социологическом методе помощь в таких случаях, когда не существует ровно никаких данных для проверки известных показаний об историческом явлении. Эта помощь состоит в сравнительном методе, который есть неизбежное последствие логической, а не топографическо-хронологической системы изложения»²²¹.

Сравнительно-исторический метод на завершающей стадии исторического исследования использовал и И.М. Гревс. В основном труде о римском землевладении он писал, что основные элементы исторического явления или института, поставленного объектом наблюдения, необходимо подробно анализировать порознь и тщательно сравнивать между собой. А уже после этого, «не теряя из виду общей концепции темы», выделить для специального изучения ту сторону вопроса, которая оказывалась в одно время и особенно существенной, и наименее выясненной»²²².

Сторонником сочетания сравнительно-исторического и социологического методов был и Д.М. Петрушевский. Он считал, что исследование "... должно идти рука об руку с самым тщательным изучением каждого из сравниваемых явлений во всей индивидуальности его конкретного бытия, в контексте тех специальных условий, которые породили каждое из этих явлений»²²³. Д.М. Петрушевский поставил вопрос об условиях плодотворного применения сравнительного метода изучения сходных явлений и процессов. К научным результатам он может привести, утверждал он, в тех случаях, "... когда сравниваемые явления предварительно изучены во всей их индивидуальности каждое, в контексте породивших каждое из них конкретных индивидуальных условий»²²⁴.

Конкретные примеры применения сравнительно-исторического метода представлены также в работах В.И. Модестова, Ю.А. Кулаковского, И.В. Нетушила, М.И. Ростовцева, Э.Д. Гримма, П.Г. Виноградова, В.И. Синайского, других исследователей.

Применение сравнительно-исторического метода в ряде случаев сочеталось с методом аналогий. Их проводил уже Ю.А. Кулаковский. В «Коллегиях...» историк прослеживал аналогию между обществами навикуляров и писторес²²⁵. Близкое сходство он видел в организации коллегий последних веков императорского Рима и цехового строя, господствовавшего в городских общинах Западной Европы в средние века²²⁶. Исследование аналогичных явлений в области античного и капиталистического уровня развития экономики содержалось во многих трудах российских исследователей (подробнее об этом будет идти речь при рассмотрении проблемы «римского капитализма» в отечественной историографии).

Для многих работ (особенно всеобщих историков) социально-экономического направления важным было следование историко-генетическому подходу к проблемам древнеримской истории.

Так, И.М. Гревс, Д.М. Петрушевский, П.Г. Виноградов считали, что изучение феодализма должно начинаться с более раннего времени, чем традиционное хронологическое начало «средних веков». По словам И.М. Гревса, феодализм должен излагаться не статично, по признакам (представители школы «романистов» видели почти феодальное государство со всеми готовыми институтами в разлагавшейся римской империи), а по «принципу генетического изучения». Европейский феодализм, таким образом, должен трактоваться не как условно созданный германскими варварами, а как продукт римского общественного строя²²⁷.

Применял историко-генетический метод и В.И. Модестов. Он обратился к изучению доримскому периоду истории Италии, чтобы, завершив его изучение, войти, в город Ромула не с мифическими сказаниями, а с фактами последовательно развивавшейся культурной жизни в руках²²⁸. Такого же исторического подхода должна держаться и всякая политическая теория, основывающаяся на изучении хода истории, «... но особенно такого хода истории, где было бы видно не только начало явления, но и полное развитие его и конец»²²⁹.

Плодотворное применение историко-генетического метода мы видим в монографии М.И. Ростовцева «История государственного откупа в Римской империи», в «Очерке римских государственных древностей», в работах Ю.А. Кулаковского и др. Исторический метод, по убеждению М.И. Ростовцева, должен «... связать исторические процессы с прошлым и будущим и на этом фоне сгруппировать личности и факты, на этом фоне нарисовать политическую историю государства и эпохи»²³⁰.

Популярность историко-генетического метода в отечественной историографии Рима во многом обусловлена тем, что новые явления, возникшие во второй половине XIX - начале XX вв. в области источниковедения и идейно-теоретического осмысления исторического процесса, требовали обобщающих работ, в которых прослеживалось бы возникновение и развитие того или иного явления или института.

Оригинальным для отечественной науки о Риме стало применение биографического метода, основателем которого у нас стал И.М. Гревс. Приступив к изучению истории римского землевладения, он, вдохновлённый идеями Ф. Гизо²³¹, избрал в качестве метода познания изучение «экономических биографий» крупных земельных собственников (Аттик, Гораций и др.)²³². Важное место, считал учёный, в историко-экономическом исследовании мог бы занять и статистический метод. Однако сведения такого типа оказывались очень скудны, неточны или недостоверны. При этом по вопросу о способах использования статистического материала между самими историками-экономистами Отто Зееком, Юлиусом Белохом, Эдуардом Мейером, Робертом Пёльманом не существовало единого мнения. Именно поэтому И.М. Гревс считал, что «метод биографический» может стать некоторой заменой статистического метода, стать способом познания истории состояний и жизни отдельных представителей римской знати²³³.

Метод создания «экономических биографий» в те годы уже применялся в работе французского учёного А. Lichtenberger а «De cicerones re privata», вышедшей в 1895 г. Но И.М. Гревс был вдохновлён идеей создания новой «просопографии» римской знати. Приведём отрывок из его произведения, который ярко характеризует ему приёмы работы. «...Мы имели бы перед собою ряд индивидуальных образов, которые позволили бы воображению правильно представить себе общераспространённый в римском мире приблизительный размер типичного крупного земельного богатства, определяемый, правда, не числом югеров владений, но достаточно отчётливым общим контуром их»²³⁴. В качестве основного в своих трудах И.М. Гревс выработал биографический метод. Кроме того, он использовал для более глубокого раскрытия вопроса сопутствующие ему исследовательские методы - описание, сравнительно-исторический, социально-психологический, историко-генетический. Большое влияние на его методологию как, пояснял он сам, оказало научное направление Фюстель де Куланжа и его собственная практика в Риме²³⁵. Для описания «организма латифундии», существовавшего в начале II в. н. э., он отыскивал с у щ е с т в е н н ы е д е т а л и из всего огромного масштаба разрозненных источников, отрывков.

«Очерки из истории римского землевладения» - это и пример «социально-психологического наблюдения», в котором автору важно было "... констатирование того, в каких образах рисовалась в сознании Г о р а ц и я (разрядка автора.- В.Л.) картина зе-

мельного строя римского государства». Заметим, что о важности психологического метода писали ещё П.И. Аландский, и Ф.Г. Мищенко²³⁶. Попытки реконструировать элементы психологических свойств давно ушедших народов мы находим и у В.И. Модестова во «Введении в римскую историю»²³⁷. Между тем в целом психологический метод в русской романистике применялся крайне редко и не стал широко распространённым.

Остановимся на небольшой практике применения и статистического метода. И.М. Гревс, как уже говорилось, не видел возможностей применения этого метода в исследованиях по интересующей его теме ввиду разрозненности источникового материала. М.И. Ростовцев считал, что статистический метод когда-нибудь, когда появится в большом количестве эпиграфический материал, обещает дать в области изучения политической, экономической и социальной истории Рима много крупного и хорошего, как это наблюдается при изучении современной истории²³⁸. Статистический метод получил широкое применение в работе В.И. Синайского «Подушный надел в Древнем Риме», вышедшей в Юрьеве в 1907 г., и в его монографии «Очерки из истории землевладения и права в Древнем Риме», вышедшей с 1908-1915 гг. в VI томах²³⁹. В первой из указанных работ автор, приводя статистические данные, объединённые им в таблицы, анализировал количество югеров в земельном римском наделе. Во второй работе им было продолжено использование этого метода. Так, он исчислял величину хлебного пайка, необходимого для пропитания солдата, чтобы определить, из какого количества югеров состоял солдатский надел.

Как уже отмечалось, наиболее часто использовался в русской романистике метод описания. Он выступал как подготовительный этап для сравнения явлений и институтов, как составная часть сравнительно-исторического метода. Плодотворность этого метода оказывалась в зависимости от работы с комплексом источников.

Таким образом, в отечественной романистике исследуемого периода отчётливо прослеживается использование при традиционном преобладании описательного метода, а также историко-генетического, сравнительно-исторического, аналогий, статистического, социологического, биографического. Их применение находилось в зависимости от теоретико-методологических и политических позиций авторов. Анализ исследовательской практики русских учёных-антиковедов показывает, что ими была разработана плодотворная научная методика, направленная против недостаточно критичного отношения к источнику, посредством которой отечественная наука того времени преодолевала субъективизм в области изучения Древнего Рима.

ГЛАВА 2. ВКЛАД РОССИЙСКИХ РОМАНИСТОВ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ДРЕВНЕГО РИМА.

2.1. Признание достижений российской науки в области собирания источников о римской истории.

Во второй половине XIX - начале XX вв. в российской историографии античности происходят настолько важные изменения, что они позволяют считать отечественную науку по-настоящему общеевропейской. Достижения российских ученых стали признаваться в европейских университетах. А начало было положено благодаря тому, что во второй половине XIX - начале XX вв. появились многочисленные и совершенно новые виды источников, которые стали вводиться в научный оборот. Свой вклад внесла и Россия. К тому времени в русских университетах появились ученые нового поколения, прошедшие обучение как в отечественных университетах, так и в знаменитых европейских научных школах. На русскую науку, едва замечаемую на Западе, стали обращать пристальное внимание, с ее достижениями стали считаться. Возникновение в этот период многих и качественно новых видов источников, введение их в научный оборот потребовало от российских учёных изменения методологии обращения со всеми имевшимися тогда в распоряжении науки источниками. В связи с этим исключительное значение приобретает выяснение вклада российских ученых в источниковедение Древнего Рима. Проводимый автором анализ процесса сбора источников, их критики, позволяет составить представление о важнейших процессах, происходивших тогда в изучении Рима на уровне творческой лаборатории исследователей. Это позволяет выявить насколько основательным был вклад отечественной науки в историографию изучения Древнего Рима. Проведенный автором анализ процесса собирания источников представляет возможность выявить творческую лабораторию исследователей, на что прежде недостаточно обращалось внимание.

Обратимся вначале к творчеству П.М. Леонтьева и В.И. Модестова. Они представляют в отечественной науке о римской античности два поколения российских классических филологов. Их отношение к источниковой основе научных исследований отразило то переходное состояние, которое сложилось в 60-е гг. XIX в. в российском источниковедении Древнего Рима. Первый из них продолжал традиционно использовать только нарративный материал. Второй, прошедший германскую научную школу, - в значительной мере стал привлекать рукописные и эпиграфические источники.

Имя П.М. Леонтьева было хорошо известно в России тем, кто изучал историю и культуру античного мира. Провозглашенный им и Н.М. Благовещенским в 40-е гг., историко-литературный подход к изучению классического мира, в противоположность грамматическому, нашёл много последователей. В 1861 г. им была произнесена в Московском университете речь «О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме» (впоследствии опубликованная). Её появление, как заметил сам автор, было обусловлено обострением крестьянского вопроса в России. Эта работа углубила зарождавшийся в русской науке интерес к социально-экономическим вопросам, который проявился ещё у Д.Л. Крюкова и А.П. Куницына. Основу указанного труда П.М. Леонтьева составили произведения античных писателей. Однако автор, отбирая материал из повествовательных источников, сосредоточил основное внимание на введении в научный оборот социально-экономической информации, ранее не привлекавшей исследователей. Таким образом, его монография позволяет судить о том, что в 60-е гг. XIX в. ещё в рамках традиционной источниковой базы начинался поиск новых научных возможностей и подходов, на который значительное влияние стала оказывать и социально-политическая ситуация в стране.

И всё же, несмотря на плодотворность этих научных поисков, отрыв русской романистики от передовых научных центров в Западной Европе стал сказываться не только на методологии, но и, в первую очередь, на источниковой основе исследований. Популярно-компиляционные традиции в отечественном антиковедении всё ещё были сильны, и изменить их в силу отсутствия устойчивых историко-критических основ отечественной науки могло только взаимодействие с европейскими антиковедами. В то самое время, когда в России основным видом использовавшихся источников оставался нарративный, в Западной Европе в течение нескольких десятков лет в журналах, музейных коллекциях собирался, систематизировался и включался в научный оборот массовый археологический, эпиграфический материал из Италии.

Возобновление в начале 60-х гг. XIX в. заграничных научных командировок молодых русских учёных, выпускников отечественных университетов, изменило сложившуюся ситуацию, началось привлечение к исследованиям все больше разнообразных источников, что сразу же сказалось на уровне научных работ. Это особенно было заметно в трудах, выполненных выпускниками С.-Петербургского университета: Ф.Ф. Соколовым, И.И. Шиховским и В.И. Модестовым.

В 1865 г. Ф.Ф. Соколов по возвращении из-за границы опубликовал представленную им к защите в С. - Петербургском университете магистерскую диссертацию «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии». Оно представляло собой цельное исследование этого малоизученного периода на основании всего того материала, который тогда был в распоряжении науки. Главное содержание диссертации - “...

разбор некоторых мифов, исследование происхождения туземцев сицилийских и исследование религии сикулов»²⁴⁰.

Молодой русский учёный тогда впервые проиллюстрировал некоторые свои выводы надписями на монетах и уникальной Парижской рукописью Макробия. Он стремился использовать вещественные источники, но по его теме исследования их было ещё недостаточно. Так, писал он, не сохранилось сицилийских надписей от VI в. Кое-какие сведения между тем ему оказалось возможным почерпнуть из древних развалин, селинунтских храмов, остатков статуй и барельефов, древних медалей и монет города Занклы, может быть, Сегесты²⁴¹.

Через год после выхода в свет труда Ф.Ф. Соколова, в 1866 году, появляется работа И.И. Шиховского, представленная в С. - Петербургский университет как *pro venia legendi*, посвящённая изучению представительных учреждений в древнем мире²⁴². Оригинальным в этом исследовании, кроме самой постановки темы, впервые представленной в русской историографии, было привлечение, кроме нарративных источников, еще и римских кодексов, эпитафии. Работа И.И. Шиховского содержала уже в несколько раз больше, чем в книге Ф.Ф. Соколова, ссылок на эпитафические памятники. И всё же их было ещё мало, всего шестнадцать.

Самым основательным трудом, представленным в 60-е гг. XIX в. с использованием эпитафических (и рукописных) источников, стала докторская диссертация В.И. Модестова «Римская письменность в период царей»²⁴³. В своей магистерской работе, посвященной Тациту²⁴⁴, этот учёный, известный впоследствии не только в России, но и в научном мире всей Европы, обратился к изучению единственной рукописи Тацитовой «Летописи» и других списков этого произведения в знаменитую *Biblioteca Laurentiana* во Флоренции²⁴⁵. Это значительно повысило научный уровень его труда: однако он был выполнен ещё в традиционных подходах с использованием только нарративных источников. Во втором его диссертационном исследовании - о царском периоде истории Рима - особенно сказалось влияние его учителей Боннской школы: знаменитого эпитафиста и филолога Ф. Ричля и археолога и филолога О. Яна. Благодаря этой школе, были продолжены и значительно обогащены замечательные европейские традиции в области источниковедения, идущие от итальянского ученого Марини.

Научную школу Фридриха Ричля прошли в те годы многие известные учёные Европы. Из русских, как уже говорилось, его учениками стали В.И. Модестов, И.В. Помяловский, И.В. Цветаев. Характеризуя методику Ф. Ричля в части сбора эпитафических памятников, его русский ученик И.В. Помяловский отмечал, что "... приём слепков как единственно верный источник для наблюдения над языком и как данное, на котором

основываются истинное чтение надписи, её интерпретация и, где необходимо, восполнение лакун...»²⁴⁶. Ф. Ричль считал, что необходимо иметь не только точное описание памятника, но и самую совершенную копию. При этом, в зависимости от материала памятника, копия должна была носить различный характер: бумажные снимки, гипсовые слепки, гуттаперчивые оттиски, гальванопластические отпечатки и т.п.²⁴⁷ Эту методику н а и б о л е е п о л н о применяли в своей исследовательской практике И.В. Помяловский, И.В. Цветаев, а позднее и М.И. Ростовцев.

В.И. Модестов пользовался эпиграфическим материалом, уже опубликованным в европейских научных журналах. Во время своей заграничной научной командировки в Италию в 1863 г. он лично убедился в необходимости привлечения к исследованию тех вещественных источников, которые он здесь непосредственно наблюдал. «... Изучение древностей и топографии, - писал он в отчете для Министерства народного просвещения, - одинаково существенно важное, ключ для разработки истории, так и при чтении авторов требует не только посещения Рима, римской Кампаньи и Неаполя, но и очень многих других, содержащих в себе остатки древней жизни. Я имею большую потребность именно в изучении древностей и топографии»²⁴⁸.

Исследование проблемы римской письменности царского периода было начато В.И. Модестовым ещё в России. Здесь им была выполнена половина всей возможной работы, однако завершение исследования было возможно тогда только за границей. Об этом он и писал в ходатайстве к руководству историко-филологического факультета Новороссийского университета 14 января 1867 г. «Я имею крайнюю нужду для окончания своего труда поработать несколько месяцев при старинных библиотеках, где сочинения приобретались с давних пор и потому доставляют возможность вести занятия правильным образом ... при библиотеках Венской и Берлинской я надеюсь найти многое, чего мне недостаёт для окончания своей диссертации. Свойство других моих занятий, тесно связанных, впрочем, с темой диссертации, таково, что требует и поездки в Италию...»²⁴⁹.

В библиотеках Вены, Гейдельберга, городов Италии им был собран недостающий материал и при этом одновременно исправлялся подготовленный ранее текст²⁵⁰. Благодаря возникшему тогда же близкому знакомству с профессорами Гейдельбергского университета Г. Кёхли и Х. Бэрм, он получил возможность пользоваться и их личными собраниями. Главным образом в Гейдельберге В.И. Модестов обратился к изучению эпиграфических сборников, выходивших в разное время за границей и бывших довольно редкими, по крайней мере в России. Изучение надписей в римском издании 1795 г. сборника Марини, было настолько необходимым, что уже только это дало ему основание написать в своём отчёте, что эта командировка стала «решительно удавшеюся». Ибо изучение вопроса, «...будучи

основано на подлинных документах, не возбуждает никаких споров, что хорошо известно занимающимся римской древностью»²⁵¹.

Тогда для своей докторской работы им было привлечено, кроме исчерпывающего нарративного материала, восемь сборников надписей, изданных Ричлем, Моммзенем, Бонаротти, Ланци, Орелли, Гензенем, Марини и Росси. По существу оценить эту его работу мог бы только учёный, владевший такими же познаниями в области римской эпиграфики и палеографии. В русской науке тогда ещё была мало таких специалистов. Во многом именно с этим связана резкая полемика В.И. Модестова с Н.М. Благовещенским по поводу этого труда²⁵².

Совершенно новый подход к пониманию источниковой базы науки о Риме в России был заложен уже в 1873 г. исследованиями И.В. Помяловского, а позднее И.В. Цветаева. Самым значительным научным трудом И.В. Помяловского, стали его «Эпиграфические этюды», для которых им было собрано свыше трёх тысяч надписей из частных и общественных коллекций, посвящённых древним наговорам и римским колумбариям. При этом он не ограничился использованием только опубликованных эпиграфических данных. «Приводимые нами эпиграфические данные,-писал он, - или списаны нами с подлинников или извлечены из других сочинений. Все относящиеся к первому отделу /древние наговоры - В.Л./ тщательно скопированы с оригиналов и неоднократно проверены; с некоторых по возможности сняты и эстампажи. Пользование памятниками, которые сообщаются в печатных сочинениях, было несравненно труднее и постоянно требовало приложения известных приёмов...»²⁵³. Эта работа И.В. Помяловского была посвящена тому предмету, который в т о м о б ъ ё м е, какой был придан данному исследованию, ни в отечественной, ни в западной науке тогда не был исследован. И.В. Цветаев позднее заметил, что под скромным заглавием «Эпиграфических этюдов» был создан большой и первый по времени в русской научной литературе эпиграфический труд²⁵⁴. Им была проделана огромная подготовительная работа: древнелатинские надписи копировались со всей территории Италии, начиная с Вероны и Венеции и заканчивая Неаполем и Помпеями. Римские собрания надписей, в частности из Gallerea Lapidaria Ватикана, доставили ему особенно большой материал²⁵⁵. Кроме того, автор привлёк и архитектурные источники, с целью дать описание внешнего вида римского колумбария. А также он использовал для сравнения опубликованные археологические данные.

Процесс собирания эпиграфических источников очень подробно представлен и в книге выдающегося русского эпиграфиста И.В. Цветаева «Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг.». Собирая материал для своего сборника оскских надписей в 1874 г., он в течение 15 месяцев объездил древние области Самния, земли рентанов у Адриатического моря, Апулии,

Кампании и части Сицилии²⁵⁶. Возникновение его интереса к языку осков, объяснял И.В. Цветаев свежестью и прозрачностью форм, «...принадлежит в ряду всех италийских языков, бесспорно, первое место, а потому ознакомление с ним настоятельнее, чем с другими, носящими на себе отпечаток более позднего образования». Не случайно и то обстоятельство, что надписями осков интересовались ещё Моммзен, Корссен, Кирхгоф, Бюхелер, Бугге, Рабастэ и др. учёные²⁵⁷. Однако после Т. Моммзена никто из германских, французских или итальянских учёных не пытался знакомиться с текстом надписей в оригиналах или даже кальках. Исключение составило только издание Корссена 1873 г., которое, однако, как отмечал И.В. Цветаев, не удовлетворило учёных²⁵⁸.

Задумав собрание оскских надписей, И.В. Цветаев обратился к большому авторитету в области эпиграфики - директору Неаполитанского музея Дж. Де - Петре. По истечении семи месяцев основательного обучения техническим приемам работы с надписями, выполненными на различных материалах, русский учёный уже смог самостоятельно приступить к собиранию и составлению этого уникального сборника.

«С надписей, вырезанных на камнях, - описывал И.В. Цветаев технику своей работы, - обыкновенно снимались бумажные слепки (calco, Abklatsch), с дипинт были делаемы возможно тщательные снимки (lucido), где было удобно, и фотографии. Надписи на бронзе и свинце, не поддававшиеся этим способам, копировались рукою нашего друга г. Honore-Muller или под нашим личным наблюдением или по отношению к двум-трем надписям под руководством Giulio de Petra, директора национального музея в Неаполе и Antonio Sogliano, заведовавшего раскопками в Помпеях. Местами, где копировались надписи, были: Pietrablondante, Molise, Isernia, Benevento, Vasto, Неаполь, S. Maria di Capua Vetere, Capua, Cutri, Nola, Pompei, Palermo²⁵⁹.

В собирании надписей, находящихся в других странах, И.В. Цветаеву тогда оказали помощь профессор А.В. Прахов (Эрмитаж), А.С. Мургау (Британский музей), профессор Мюнхенского университета Н. Brunn и секретарь Мюнхенской королевской библиотеки Wilhelm Meyer (Берлинский Antiquarium), магистрант В.Г. Зубков, изготовивший кальки надписей из Лувра и описавший их²⁶⁰. И.В. Цветаев вспоминал, что Де - Петра лично ездил с ним в Помпеи, помогая в поисках следов каких-либо самнитских надписей. Именно он указал ему тогда на те надписи, которые должны были быть обследованы подробнее других, по несколько раз и при разном освещении²⁶¹. Он помогал И.В. Цветаеву во время путешествия по Германии, а также и после возвращения последнего в Россию. По его просьбе де - Петра пересылал ему факсимиле недостающих надписей, за изготовлением которых итальянский учёный лично наблюдал и даже взял на себя их редакцию²⁶².

Большую помощь в собирании фалисских надписей И.В. Цветаеву оказал и Р. Гарруччи, один из наиболее видных представителей итальянской археологии. Именно этому исследователю принадлежала честь их открытия. Обратившись к нему за помощью по совету немецких археологов, русский учёный узнал, что Р. Гарруччи, как оказалось, хорошо знаком с трудами Московского археологического общества, исследованиями графа А.С. Уварова и его учеников²⁶³. Эти научные связи оказались очень плодотворными. Учёный из Италии щедро делился с И.В. Цветаевым советами и книгами из своей библиотеки, которому была предоставлена возможность изготовить копии надписей, находившихся в личной коллекции Р. Гарруччи²⁶⁴, но и повсюду в Италии ему оказывалась помощь в собирании надписей. С теплотой отзывался о члене Германского археологического института, сотруднике Главного Управления по делам раскопок Ф. Барнабеи, о Генрихе Дресселе²⁶⁵. Нередко в отыскании каких-либо следов надписей И.В. Цветаеву помогали совершенно случайные люди. «Это чисто народное руководство, - отмечал русский исследователь, - приводит в Италии нередко к поразительным результатам»²⁶⁶. Сожалел он только о том, что не имел возможности поработать в этой стране более продолжительное время.

Впоследствии, уже будучи директором Музея изящных искусств, профессор И.В. Цветаев стремился обогатить московское музейное собрание эпиграфическим материалом. Его личные связи в научном мире помогли ему получить от директора Музея Ватикана профессора Оразию Марукки нескольких эпиграфических памятников²⁶⁷.

И.В. Цветаев вёл, начиная с середины 70-х гг., переписку со многими ведущими учёными Западной Европы, такими, как: Л. Аве, Ф. Барнаби, Бертолиус, Бюхелер, Н. Гельбиг, В. Генцен, В. Декке, Дрессель, А. Мартинелли, Овидио, Дж. Де - Петра, А. Фабретти²⁶⁸.

Подвижническая деятельность русских учёных по собиранию надписей до сих пор по достоинству не оценена в науке. И.В. Помяловский писал: «Чтобы достать самую совершенную копию надписи, «...нередко с памятников, почти никому недоступных, необходимо было иметь громадное знакомство с учёными во всех странах Европы; кроме того, надобно было обращаться за копиями и описаниями лишь к лицам компетентным в этом деле..., требовать от них нередко двойных, тройных снимков...»²⁶⁹. Таким образом, эпиграфические наследия русских учёных не только вносили существенный вклад в историю науки, но и благодаря учёным из разных стран, углубляли возникающий в европейской романистике интеграционный процесс. Труды И.В. Помяловского и И.В. Цветаева 70-х гг. XIX в., ставшие явлением в мировой эпиграфической литературе, вывели исследования Древнего Рима в России на новый уровень их источникового оснащения.

В эти же годы русские учёные стали обращаться и к археологическому материалу, который в большом количестве появился к этому времени в Италии. Возможности для привлечения этих, а также топографических источников предоставлялись за счёт средств, выделяемых университетам для научных командировок за границу. Так, запрашивая у историко-филологического факультета университета св. Владимира командировку за границу в 1870 г., профессор В.И. Модестов писал: «Для меня некоторые из открытых памятников, например, вновь открытые и постоянно теперь открывающиеся протоколы духовной коллегии братьев Арвальских, имеют особое значение, что ближайшим образом связано с теми научными вопросами, которые меня особенно занимают в последние четыре года». Читая в университете курс римских древностей, он испытывал необходимость также «... исследовать некоторые вопросы, требующие личного осмотра местности»²⁷⁰. Трудность заключалась ещё и в том, что отчёты о массовом археологическом материале печатались в местной итальянской археологической литературе и не были доступны русским учёным. Необходимо было знакомиться с ними непосредственно в Италии. «После многих размышлений, возникших во мне в особенности в бытность мою в Риме, - писал В.И. Модестов, - где я собственными глазами всматривался в памятники архитектуры давно минувшей эпохи, из которых некоторые относятся ещё к периоду римских царей, равно как и после внимательного изучения преданий, относящихся к первоначальной римской истории, я стал убеждаться всё более в том, что история эта хотя и не совсем чуждая вымыслов, как и первоначальная история всякого народа, но она опирается на источники иногда весьма красноречивого свойства»²⁷¹.

Изменения в области методологии источниковедения, личное ознакомление с техническими приёмами сбора вещественных памятников влияло не только на уровень конкретно-исторического исследования, но и на основательность историографического анализа, которому русская наука подвергла тогда труды западноевропейских учёных. Привлекая внимание русских молодых филологов к значительному расширению круга источников, В.И. Модестов заметил, что передовые научные школы Запада решают свои последние задачи теперь через изучение надписей, рукописей, памятников архитектуры, ваяния, живописи и т.п. При этом каждое десятилетие значительным образом меняет археологическую картину, без учёта которой теперь было невозможно движение науки о римских древностях²⁷².

Историографический анализ, проводившийся в конкретно-исторических работах В.И. Модестова, содержал много заметок и о технических приёмах, применявшихся известными немецкими, итальянскими и французскими учёными. Исследователь указывал на необходимость личного осмотра памятника как обязательной составляющей эпиграфического

или археологического анализа. Анализируя ошибку берлинского профессора Иордана, допущенную в работе с эпиграфическим источником, В.И. Модестов заметил, что причина её - в доверии учёного к опубликованному факсимиле надписи. Не увидев памятника лично, он поэтому сделал неправильный вывод²⁷³. В другом случае, подчёркивая важность в исследовательском процессе его первого этапа, В.И. Модестов высоко оценивал работу французского археолога Лабланшера по сбору источников: «... Он, имея в руках лично добытые на месте данные, подвергает сомнению то, что до него казалось установленным»²⁷⁴. В.И. Модестову принадлежит несколько исследовательских статей по римской и греческой эпиграфике, но они остались единичными. А последние его работы позволяют говорить о нём именно как об историке.

В.И. Модестов длительное время находился в Италии, куда он выехал в 1891 г. с целью сбора материала для серии своих работ по периоду истории этой страны. Большая часть источников добывалась им посредством личного посещения музеев, топографических экскурсий по всей территории Италии, осмотра мест археологических раскопок и остатков архитектурных сооружений древности. Частично материал собирался и анализировался им в выходивших в Италии периодических изданиях археологических учреждений.

Интерес к современным археологическим данным Рима и Италии проявлял и Ю.А. Кулаковский, который также выезжал в Италию для личного осмотра памятников и чтения археологической литературы. Рассуждая в своей монографии «К вопросу о начале Рима» об археологической реконструкции ромуловой стены, он, в частности, заметил, что «несогласие наше с общепринятым мнением основано на знакомстве с этими памятниками и многократном их личном осмотре весной 1887 г.»²⁷⁵. То же можно сказать и о И.М. Гревсе. В фундаментальном труде «Очерки...», основанном на богатейшем нарративном материале, он неоднократно упоминал также топографические, эпиграфические и археологические источники²⁷⁶. Между тем М.П. Драгоманов, интересуясь археологической хроникой Рима, в своих трудах о нём опирался на традиционные источники.

Для нового поколения исследователей, пришедших в науку в 90-е гг. XIX в., привлечение к историческому исследованию новых видов источников было уже характерным. Ярким представителем его был М.И. Ростовцев. Относительно римской истории и её источниковедения он опубликовал три наиболее значительных работы: о римских свинцовых тессерах, римском колонате и об истории государственного откупа в Римской империи. Все они были основаны на тщательно собранном богатейшем материале.

Ученик Т. Моммзена, М.И. Ростовцев при сборе источников исходил из методологии принципа, апробированного в науке ещё Б. Нибуrom: «... первым делом историка является собрать возможно большее количество материала»²⁷⁷. В процессе подготовки М.И.

Ростовцевым «Истории государственного откупа в Римской империи» у него возникла необходимость поездки в северную Африку, во владения Франции в Тунисе и Алжире. Обосновывая её необходимость перед Министерством народного просвещения, он писал, что «там, в Музеях, - пломбы (драгоценный материал для изучения таможен римской империи), особенно для разрешения спорного вопроса о транзите, интересные материалы для истории таможенного управления и для понимания загадочного выражения «*III publica Africae*»²⁷⁸. Ещё в Париже он узнал о разрытии археологами ряда вилл в Тунисе. Они представляли собой сельскохозяйственные фермы, малоизученные и редко находимые. М.И. Ростовцев считал, что «необходимо их изучить, а плодотворно это может быть только на месте и теперь же, так как Африка известна недолговечностью своих руин ввиду трудности их охранения от местных метелей»²⁷⁹.

Приступая к изучению основ государственного откупа в Римской империи, М.И. Ростовцев заметил, что недостаток всех предшествующих работ, в том, что не привлекались эпиграфические источники. Исключением тогда была только книга Кнiera (Iena, 1896) *Societas publicanorum*²⁸⁰. Обширность материала, имевшегося в наличии, отличала его монографию «Римские свинцовые тессеры». Именно поэтому, как объяснял он сам, «проверка и собирание материала и играют такую важную роль, и вот почему она должна была неминуемо принять характер связного комментария к собранным и проверенным памятникам»²⁸¹. Этот труд был опубликован М.И. Ростовцевым в 1903 г., что вызвало особый интерес исследователей римской старины во Франции, Германии и Италии. Необычным был уже сам источник. Русский учёный использовал тогда богатейший материал из музеев Лондона, Парижа, Берлина, Рима, Афин, Лиона, Марселя, Лейдена, Копенгагена, а также Северной Африки, Италии, Испании²⁸². За это фундаментальное исследование ему и М. Prou Парижская Академия наук присудила нумизматическую премию²⁸³.

Русский учитель М.И. Ростовцева Ф.Ф. Зелинский, высоко оценивавший все этапы исследовательской работы своего ученика, относительно сбора материала заметил: «Насколько полно собран нашим автором инвентарь его работы, то есть римские свинцовые тессеры, об этом в состоянии судить только тот, кто пойдёт по его следам обыскивать те музеи и частные коллекции Европы, Азии и Африки, которые обыскал он, и прибавить к ним те, которые он не обследовал. Полагаю, однако, что и этот последователь г. Ростовцева... отзовется с полным одобрением и сочувствием к этой работе...»²⁸⁴.

М.И. Ростовцев в своих работах привлекал внимание исследователей и к таким источникам, как архитектура и изобразительное искусство соответствующего времени.

Интерес к использованию эпиграфики в русской романистике поддерживали и другие исследователи. Такой же характер имели работы П.Ю. Куля «Провинциальные собрания...»,

Г. Пригоровского «Развитие колонатных отношений в римской Африке», И. Турцевича «Orbis in Urbe». Центры и общества земляков и иноверцев в императорском Риме I - III веков», статья Ф.М. Нахман «Об историческом развитии мелкоарендных отношений в северной Африке в первые три века империи», Л.Н. Беркут «Устройство и управление городских общин в римском государстве преимущественно в эпоху империи».

Ссылки на опубликованные эпиграфические, археологические, нумизматические источники встречаются и в работах И.В. Нетушила, но у него они носят единичный, иллюстративный характер. В своей исследовательской практике он опирался в основном на сочинения античных авторов и данные сравнительного языкознания. Однако в ряде случаев, как отмечали ещё С.А. Жебелев и В.П. Бузескул, по темам, избираемым И.В. Нетушилом, не было вещественных источников. Приводя в качестве примера его статью «Первый римский диктатор», они отмечали, что в связи с отсутствием в ней анализа надписей в его построениях не всё может быть признано убедительным²⁸⁵.

Таким образом, традиционное использование российской романистикой только нарративного материала для своих исследований, в связи с возобновлением заграничных научных командировок с начала 60-х гг. XIX века, стало дополняться привлечением оригинальных рукописных собраний из западноевропейских библиотек (В.И. Модестов, И.В. Помяловский, И.В. Цветаев). Под влиянием научных школ Ф. Ричля, О. Яна, Т. Моммзена, Дж. Де - Петра, исследований других учёных, работавших на Западе с эпиграфическим материалом, в отечественные труды по Риму стали включаться эпиграфические, археологические, нумизматические источники, тессеры, папирусы, произведения искусства. Новые источники также издавались и в виде отдельных сборников (например, сборники надписей видного отечественного эпиграфиста И.В. Цветаева).

Из представителей старшего поколения исследователей второй половины XIX в. традиционно придерживались только нарративного материала, как правило, П.М. Леонтьев, П.И. Аландский, М.П. Драгоманов, из младшего - А.Ф. Энман.

Из молодого поколения наиболее значительных результатов в оснащении исследований новыми видами источников достиг М.И. Ростовцев, значительное внимание уделивший самостоятельному поиску материала. Надписи стали использовать П.Ю. Куль, Г. Пригоровский, И.Г. Турцевич, Ф.М. Нахман, Л.Н. Беркут. Они, в отличие от М.И. Ростовцева, использовали уже опубликованный эпиграфический материал. Плодотворное использование источников разных видов представлено у В.И. Модестова, который разыскивал их по частным собраниям и музеям, привлекая также и опубликованную их

часть. Использование источников в трудах В.И. Модестова, Ю.А. Кулаковского, М.И. Ростовцева носило комплексный характер.

Вместе с тем значительная часть романистов, работавших в социально-экономическом направлении, отбирая материал из повествовательных источников, сосредоточилась на введении в научный оборот почерпнутой из них социально-экономической информации, ранее не привлекавшей внимания исследователей. Особенно показательны в этом плане труды И.М. Гревса.

Отмечается увеличение как количества, так и разнообразия привлекаемых источников, расширение географического ареала их поисков, сотрудничество учёных разных стран в сборе источников, и, что особенно важно, - происходило личное наблюдение памятников, снятие с них факсимиле, оттисков и т.д.

Таким образом, те важные изменения, которые произошли в эти годы в российской романистике на этапе собирания источников, значительно способствовали прекращению изолированности российской науки от европейской, возникновению оригинальных отечественных трудов в этой области научных знаний, а в конечном итоге способствовали единству с европейской наукой²⁸⁶.

2.2. В единстве с европейской наукой: приемы российских ученых в части внутренней и внешней критики источников о Древнем Риме.

Исключительно важное значение для отечественного антиковедения имело возобновление во второй половине XIX века заграничных научных командировок для ученых российских университетов. Наряду с обучением в известнейших научных школах Германии и Италии молодые русские ученые активно включились в европейские научные дискуссии. Они обратились к исследованию гносеологических возможностей эпиграфических, археологических, папирологических и других источников, знакомились с ранее малодоступными собраниями знаменитых европейских библиотек и музеев. По словам киевского филолога-классика П.И. Аландского, русская наука, находившаяся в положении начинающего ученика у западной, преимущественно германской науки, на каждом шагу должна была "... обращаться к учителю за разъяснениями и указаниями и в своих первых трудах, естественно, склонна подражать ему. Общее направление и общий характер германской филологии отражается и на преподавании в русских университетах, и на русской филологической литературе»²⁸⁷. Вместе с тем молодые русские ученые уже в 60-е XIX века стали критически пересматривать некоторые ставшие уже привычными традиционные западные теоретико-методологические стереотипы в отношении к источнику. Они

предприняли даже переисследование некоторых исторических проблем. Правда, это относилось прежде всего к русским исследователям древнегреческой истории. Из романистов такой смелостью отличался В.И. Модестов, один из первых стипендиатов Министерства народного просвещения²⁸⁸. Так, он уточнил определение роли эпиграфического источника, данное такими выдающимися немецкими учёными, как Ф. Вольф и А. Бёк. В отличие от Ф. Вольфа, определявшего специфические особенности эпиграфического памятника только из материала письма, В.И. Модестов представлял эпиграфический источник с точки зрения его информативности, выраженной в письменной форме. Он считал уязвимой и точку зрения А. Бёка, видевшего в эпиграфике только факт исторической литературы. По мнению В.И. Модестова, понятие эпиграфического источника сложнее и определять его необходимо с учётом всех его признаков²⁸⁹.

Одним из символов европейского антиковедения XIX века было творчество немецкого историка и правоведа Т. Моммзена. В.И. Герье писал, что научное движение, мощный импульс которому дал этот немецкий учёный, «должно было вращаться около трёх задач: ему предстояли: 1) разработка итальянской археологии и приведение её в связь с римской историей; 2) более глубокое изучение вопроса о происхождении и развитии римской историографии; 3) извлечение из сравнительного языкознания новых и более точных данных по отношению к происхождению и состоянию первобытной культуры римского народа»²⁹⁰. Немецкие учёные практически и теоретически стали осмысливать весь процесс исследовательской работы с эпиграфическим памятником, начиная от сбора разрозненных источников и заканчивая изданием эпиграфических корпусов, включением данных эпиграфики в конкретно-историческое исследование. В России тоже стали появляться работы, которые в методологическом плане демонстрировали немецкую научную школу работы с источником. Ярко выделялись среди отечественных классических филологов российские ученики немецкой школы Фридриха Ричля и Отто Яна Василий Модестов и Иван Помяловский. В магистерских диссертациях - первых работах В.И. Модестова, И.В. Помяловского, Ф.Ф. Соколова, М.П. Драгоманова, выполненных еще на нарративном материале, - ясно прослеживаются новые принципы источниковедения, усвоенные ими в Германии и Италии.

Рассмотрим принципы критики сочинений античных авторов, выработанные В.И. Модестовым:

- прочное установление подлинности древнего текста;
- исследование истории данного текста с использованием его печатных изданий, рукописей;
- палеографический анализ;

- определение возраста памятника;
- знакомство с особенностями языка и стиля писателя;
- твёрдое знание эпохи, в которую жил писатель (литературная, культурная обстановка)²⁹¹.

Следование этим ориентирам в источниковедческом анализе должно было способствовать, по его мнению, более точному определению фактов и явлений, а именно этого прежде всего требует наука²⁹².

И.В. Помяловский обратился к критике традиционно используемых методов работы с источниками: конъектурального (предположительного - относительно текста) и субъективного (относительно комбинации отрывков) уже в своей магистерской диссертации. Конъектуральный метод западной науки, писал он, оказывается ныне шатким, он «... нередко совершенно отвергает единогласно установленное рукописное предание»²⁹³. Так, по его мнению, западные исследователи Теренция зачастую подгоняли восстанавливаемый текст под метрические схемы текстов этого писателя. Поэтому он предлагает «... метод скептический, требующий осязательности доводов...»²⁹⁴. Исходя из этого, молодой филолог пересмотрел не гипотезы учёных, а большую часть произведений писателей, пользовавшихся сочинениями Теренция - знаменитого полигистора. Эта основательная для того времени работа, содержащая тщательно составленный научно-справочный аппарат (1 395 ссылок на 304 стр. текста), ставила задачу привлечь внимание русских филологов к проблеме отношения к источникам²⁹⁵.

В статье «Филологическая семинария...» И.В. Помяловский дал следующее определение «критики писателя». Она должна была состоять из последовательной связи трёх приёмов:

- 1) проверки чтения рукописи на основе законов языка, так называемых реалий и логики;
- 2) привлечение литературы исправителей, если исследователя не удовлетворяет рукопись;
- 3) если он не удовлетворён и ею, только тогда ему следует вернуться к первому приёму и предложить своё исправление, основанное на наблюдениях в области языка, реалий и логики.

Но, чтобы быть готовым к применению третьего приёма, необходимо, считал он, предварительно выяснить общие сведения, обуславливающие готовность исследователя для подобных критических работ, наличие в его творческом арсенале других сведений из самых разнообразных областей науки. Это давало возможность широкого взгляда на предмет критики через побочные реальные и грамматические изыскания. С помощью критики, по мнению И.В. Помяловского, развивается кругозор исследователя, его самостоятельное мышление. Преимущества филологической критики перед «исторической» или «реальной» -

ограниченность области исследования, и в этом - большая её доступность для начинающих²⁹⁶.

Сходных критических принципов держался и И.В. Цветаев: «Основной приём, которого держались мы при выборе чтений текста, был почти повсюду консервативный: редакция лучших рукописей Понтана (P) и Ватиканских № 1862 (Ra) и № 1518 (Rc) почти везде, где только представляла она соответствующий смысл и таковую же грамматическую форму, предпочиталась многочисленным исправлениям издателей и комментаторов, вышедших только из своих личных соображений»²⁹⁷.

Основатель русской школы греческой эпиграфики Ф.Ф. Соколов стал известен науке по изучению ранней истории Сицилии. В своей магистерской диссертации, отдельные положения которой и сохранили своё значение до сих пор, молодой учёный писал о том, что авторитетность сообщений древних писателей должна быть проверена документальными актами и свидетельствами очевидцев, современников или тех, кто слышал свидетельства последних²⁹⁸. Ф.Ф. Соколов, высоко отзываясь о немецких филологах нового времени, считал себя представителем немецкой филологической школы.

Вопросам источниковедческой критики сочинений античных авторов значительное место уделено в монографии П.И. Аландского «Древнейший период истории Рима и его изучение». Эта работа была выполнена преподавателем латинского языка, истории римской литературы и древностей университета св. Владимира, в 1874 г. прошедшего филологическую школу в Германии у профессора Г. Штейнтала²⁹⁹. Анализируя труд К. Петера, посвященный обзору источников древнейшей римской истории, П.И. Аландский отметил, что «для успешного разрешения этой историко-литературной задачи требуется совместное применение различных приёмов и помощь разнородных дисциплин. Основую всего служит критическое установление текста, свободное или, по крайней мере, неподдавленное предвзятыми мнениями о том, каков должен быть стиль и язык данного писателя... Вслед за установлением текста необходимо полное и точное изучение языка и слога и систематический подбор материала в виде словарей и указателей. Далее необходим историко-литературный анализ каждого автора, выполненный при свете общей теории литературного творчества и с помощью данных, полученных при изучении его языка и стиля»³⁰⁰. П.И. Аландский важную роль в критике традиции отводил топографии, в связи с чем высоко оценивал труды Цёллера³⁰¹. Однако другие виды источников с этой целью он не использовал.

В историко-юридическом исследовании Д. Азаревича «Патриции и плебеи в Риме», которое вышло немного ранее работы П.И. Аландского, в 1875 г., его автор изложил такой же метод критической проверки источников по древнейшему периоду римской истории. «В

преданиях об этой эпохе, - писал он, - могут быть искажены факты, но не общий характер, выяснить который будет дело уже метода исследования»³⁰². Поэтому "... мы полагаем, что в тех вопросах, по которым мы находим следы в достоверные времена римской истории, или которые только обуславливаются причинной связью вопросами историческими, следует выходить из этих позднейших данных, строить на них представление, а затем, по мере возможного, приближаться до крайнего рубежа достоверной истории, оставляя, разумеется, за собою право и на предположение о том, что находится за этим рубежом, как умозаключение от известного к неизвестному»³⁰³. Т.о., автор объективно продолжал скептическую традицию в исторической литературе, подвергающуюся активной критике В.И. Модестов и И.В. Помяловский. А в это время в научный оборот всё интенсивнее вводились новые виды источников в качестве информативной и критической основы исторических исследований. В трудах известных российских романистов во второй половине XIX века уже сложилась по отношению к нарративному источнику плодотворная критическая традиция, в основу которой была положена источниковедческая методика германских научных школ. Вместе с тем в этих работах отразилась и ещё традиционная ориентация классической филологии только на нарративный источник - труды античных авторов. А германские школы открывали и другие возможности - использование нетрадиционных видов источников.

Особый интерес в 60-х - 70-е гг. в России вызывали эпитафические памятники. Этим отличались работы представителей старшего поколения российских романистов XIX века: В.И. Модестова, И.В. Помяловского, И.И. Шиховского, И.В. Цветаева, Ю.А. Кулаковского, А. Стрельцова, И.И. Холодняка. Между тем внимание русских антиковедов эпитафический материал стал привлекать ещё в первой половине XIX в. Так, при посредстве графа С.С. Уварова, президента Петербургской Академии наук, начали разрабатываться археологические материалы Северного Причерноморья. В этом русле развивались научные интересы таких крупных учёных-классиков Академии наук, как Е.Е. Кёлера и Л.Э. Стефани. Интересовался также вещественными памятниками в связи с изданием сборника «ПроPILEИ» П.М. Леонтьев, преемник Д.Л. Крюкова в Московском университете³⁰⁴. Однако основной формой освоения эпитафического материала тогда было всё же «любительство», подробный анализ которого уже был сделан в диссертационном исследовании Т. Моисеевой³⁰⁵.

Во второй половине XIX в. освоение новых видов источников осуществлялось в следующих формах:

- издание отдельных сборников италийских надписей (И.В. Цветаев);
- очерки или этюды по конкретной теме, основанные целиком или главным образом на эпитафических источниках (И.В. Помяловский, М.И. Ростовцев, Ю.А. Кулаковский, А.

Стрельцов);

- наблюдения над одной или несколькими надписями (В.И. Модестов, Ю.А. Кулаковский, М.И. Ростовцев, И.В. Помяловский, А. Энман);
- описание лично наблюдаемых археологических раскопок или археологической литературы (М.И. Ростовцев, Ю.А. Кулаковский, В.И. Модестов, Д. Нагуевский, О. Базинер);
- переисследование уже включённых в научный оборот эпиграфических, археологических источников (М.И. Ростовцев, Ю.А. Кулаковский, В.И. Модестов);
- конкретно-исторические труды, основанные на комплексном анализе источников (В.И. Модестов, Ю.А. Кулаковский, М.И. Ростовцев);
- иллюстративное использование (здесь легче назвать тех, кто не использовал ни разу эпиграфику).

И.В. Помяловский, отмечая заслуги немецкой филологической школы своего учителя Ф. Ричля, писал, что до него эпиграфические исследования состояли только в том, чтобы издать эпиграфические памятники, сделав для этого их точную копию. Ф. Ричлю принадлежала постановка вопроса об эпиграфике как средстве изучения языка³⁰⁶. Главным исследовательским методом работы с эпиграфическим источником он считал метод п а л е о г р а ф и ч е с к о г о наблюдения. В это же время его коллеги - Марини, Орелли, Келлерман - в своих исследованиях стали рассматривать надписи и как источники для римской истории³⁰⁷.

«Эпиграфические этюды» самого И.В. Помяловского - первое, самое крупное, самостоятельное эпиграфическое исследование в российской науке. Однако, не изданное на европейских языках, оно осталось практически неизвестным европейским учёным. В этом произведении получили значительное развитие, по сравнению с традициями европейской науки, вопросы внешней и внутренней критики эпиграфических памятников, а также истории языка и конкретных явлений римской истории. Кроме того, этот труд - опыт комплексного источниковедческого анализа, где автор за основу своего исследования взял эпиграфический подлинник, привлекая, кроме этого, и выдержки из произведений древних авторов, археолого-архитектурное описание открытых остатков колумбариев. Надписи для этого издания им были списаны самостоятельно, изготовлены также эстампажи; часть надписей извлечена из других сочинений. Более того, исследование было иллюстрировано факсимиле привлеченных им надписей.

Ещё при отборе источников И.В. Помяловский применил метод сопоставления надписей по их содержанию, объединив надписи, несущие информацию об однородных явлениях. Дальнейшее развитие этот метод затем получил в творчестве М.И. Ростовцева.

Используя приёмы внешней критики источника, И.В. Помяловский вначале отделял поддельные или интерполированные надписи от подлинных, затем восстанавливал правильное чтение и выбирал «более верную и примитивную редакцию». Затем следовало сопоставление древних наговоров по форме начертания надписей. Таким образом, наблюдались палеография и орфография памятника. Наблюдение над языком и правописанием позволяло определять хронологию надписи.

Обращаясь к внутренней критике надписей, И.В. Помяловский прежде всего интересовался её авторством, которое определялось им при помощи двух приёмов: а) по особенностям написания и языку (например, выяснялась степень образованности автора); б) по другим особенностям, в частности, именам (тем самым выяснялась даже принадлежность к социальной группе). При выяснении содержания таких надписей «истинный смысл», считал И.В. Помяловский, мог быть определён путём сопоставления с однородными памятниками³⁰⁸. Их однородность выяснялась через сравнение формы и содержания надписи. Вместе с тем ряд надписей сочетался только по содержанию. Это - надгробные памятники, содержавшие мольбу к богам об отмщении за того, кто покоем под ними³⁰⁹.

Примеры комплексного источниковедческого анализа, разработанные И.В. Помяловским, содержатся также и в некоторых рецензиях. Так, в рецензии на книгу Канья, говоря о месте археологических памятников, оставленных римской армией, он заметил, что они служат «превосходным комментарием к эпиграфическим данным»³¹⁰. Оригинальным самостоятельным трудом об истории коллегии флейтистов на основе сравнительного анализа нарративного, топографического, эпиграфического и археологического материалов выросла рецензия И.В. Помяловского на монографию «Коллегии...» Ю.А. Кулаковского³¹¹.

Элементы комплексного подхода мы находим и в исследованиях В.И. Цветаева. Авторитет собранных им надписей, в частности по оскам, обуславливался той тщательностью, с которой русский учёный подходил к подготовке их к изданию и реконструкции на их исторической основе морфологии и фонетики латинского языка. Исторический метод, приложенный им к изучению латинского языка, предполагал ряд критических приёмов, при помощи которых и создавались его уникальные собрания:

- получение оригинала надписи;
- сличение оригинала с его изданиями;
- обращение к спорным местам;
- возвращение к морфологии и фонетике латинского языка³¹².

На этой основе И.В. Цветаев анализировал палеографическую основу надписей. Он указывал время находки, материал, состояние памятников. А затем обращался к тексту, его редакциям, грамматическим формам, месту находки, авторству³¹³.

Эпиграфические работы И.В. Цветаева получили признание в европейской научной литературе. Так, известный французский лингвист академик Мишель Бреаль заметил качество и профессионализм этого труда: «Учёные, занимавшиеся оскскими надписями, знают, что сборник подобного рода давно уже сделался необходимостью потому, что книга Т. Моммзена издана тому назад почти тридцать лет, *Corpus Fabretti* двенадцать лет, а раскопки последующего времени обнаружили множество новых эпиграфических текстов. Последние годы были особенно обильны находками. Г. Цветаев издал с чрезвычайной тщательностью на основании новых копий все надписи, давая в каждом отдельном случае полное перечисление предшествующих ему издателей, переводчиков, комментаторов, так что его книга будет самою удобною и наиболее полною, какую только можно рекомендовать. Без этой книги нельзя будет впредь и шагу ступить при изучении оскского языка и археологии». М. Бреаль заметил также, что работа И.В. Цветаева произведёт эпоху в истории италийских исследований³¹⁴.

Однако в русской науке труды на основе эпиграфических источников, подобные работам И.В. Помяловского и И.В. Цветаева, были всё же редки. Несмотря на то, что эпиграфический материал в 60-е - 80-е гг. уже получил распространение в отечественных научных трудах, в работах других авторов эпиграфические памятники не выполняли функцию основного источника, к которому прилагались методы внешней и внутренней критики; их использование носило чаще иллюстративный характер.

Как уже говорилось, одним из первых эпиграфические памятники стал использовать В.И. Модестов в своей монографии «Римская письменность в период царей». Здесь также имело место использование эпиграфики в качестве иллюстраций³¹⁵. Видимо, следует согласиться с замечанием и М.И. Ростовцева, знатока римской эпиграфики, сделанным им в 1907 г. в статье, посвящённой памяти В.И. Модестова. Он отметил то обстоятельство, что В.И. Модестов не чужд был эпиграфики и археологии в этот период своей деятельности, но... дальше заметок, не всегда удачных, и популярных статей он в этой области не пошёл»³¹⁶.

Особое место в обосновании комплексного источникового подхода принадлежало Ю.А. Кулаковскому. Ученик эпиграфической школы Т. Моммзена, часто выезжавший для работы в заграничные научные командировки, он в введении монографии «К вопросу о начале Рима» отметил, что стремится поставить критику литературного предания на уровень современных археологических данных Рима и Италии. Эта задача решалась им несколькими

способами. Так, у него часто встречается сочетание методов первоначального описания археологических и нарративных сведений, а затем критического сравнения этих данных. Описывая литературное предание об этрусках из Ливия и Дионисия и одну из фресок в Цере, он заметил, что имена героев на ней и данные литературного предания «... возводят это заключение на степень несомненного положения»³¹⁷. А сравнивая описание некрополя у Эсквилинских ворот, сделанное Ланчани, с описанием некрополей из Этрурии, Ю.А. Кулаковский заметил, что этим была подтверждена его гипотеза об этруском присутствии в Риме, представленная в его исследовании как исторический факт³¹⁸.

Ю.А. Кулаковский использовал метод непосредственного наблюдения археологических памятников. «Несогласие наше с общепринятым мнением, - рассуждал Ю.А. Кулаковский об этом, - основано на знакомстве с этими памятниками и многократном их личном осмотре весною 1887 г.»³¹⁹. Учёный считал, что археологам зачастую не хватает исторического кругозора, чтобы использовать метод сравнения археологических памятников и литературной традиции.

Таким образом, можно прийти к заключению о том, что метод непосредственного наблюдения надписи, других вещественных источников, точное воспроизведение античного подлинника можно назвать одним из основных источниковедческих принципов русской романистики второй половины XIX века.

Используя данные из разных видов источников, Ю.А. Кулаковский применял с и с т е м а т и з а ц и ю извлекаемой информации по в н у т р е н н е м у с м ы с л у и з н а ч е н и ю, по и х и с т о р и ч е с к о й п о с л е д о в а т е л ь н о с т и³²⁰. Изучая историю Рима, Ю.А. Кулаковский использовал уже опубликованные эпиграфические памятники, сочетая их в критическом плане с античной традицией и археологическими данными. При этом отмечал, что единичная надпись, чтобы стать источником, должна быть сопоставима с другими надписями³²¹.

Соответствие сообщений истине, считал он, может быть доказана и топографическими источниками. Он приводил свои статистико-топографические подсчёты, свидетельствующие о факте гегемонии Рима в его начальный период³²².

Критика Ю.А. Кулаковским сочинений античных авторов на основе привлечения других видов источников давала ему аргументы, благодаря которым русский исследователь спорил с такими видными представителями западноевропейской науки, как Л. Ранке, Т. Моммзен, Иордан. Критикуя скептический метод Л. Ранке, Ю.А. Кулаковский писал о нежелании последнего восстанавливать «... достоверную историю путём критики данных традиции»³²³. Он считал, что сейчас в изучении ранней римской истории главная задача - не

упрощать текстов в угоду априорным соображениям, как это встречалось у Т. Моммзена или у Иордана, когда последний отстраняется от критики источника, заявляя о несостоятельности предания, и в то же время “... привлекает свидетельства в виде топографических наименований для утверждения основной данной нашей традиции о палатинском городе и пришествии Сабин». Археология, замечал Ю.А. Кулаковский, заставила отказаться от этих гипотез³²⁴.

Заметное место в источниковедении римской истории принадлежало М.И. Ростовцеву, чьи труды отличались комплексностью их источниковой базы, тщательностью и репрезентативностью. Критические принципы, с которыми он вошёл в науку, впервые были выработаны в области изучения римской истории Б. Нибуром. Этой же точки зрения придерживался и его учитель Т. Моммзен, у которого он прошёл подготовку в Берлинском университете. М.И. Ростовцев выделял четыре таких принципа:

- собрать возможно большее количество материала;
- рассортировать его по степени достоверности в зависимости от времени возникновения и большей или меньшей документальности;
- подвергнуть каждый факт ряду критических приёмов;
- сопоставить однородное³²⁵.

Он следовал этим критическим принципам во всех работах. В «Истории государственного откупа...» он, описывая свою методику, заметил, что стремился прежде всего собрать все разрозненные следы, затем сопоставить их, уловив в них различные стадии их постепенного развития³²⁶.

Во вступительном слове во время защиты своей диссертации «Римские свинцовые тессеры» М.И. Ростовцев отметил, что «наиболее правильным м е т о д о м исследования римских и других монетообразных свинцов следует считать метод выделения серий по характерным признакам, которыми должны быть и легенды и изображения. Легенды и изображения ни в коем случае не должны противоречить друг другу. Общий признак почти всегда даёт указания или намёки на назначение серии. Эти указания и намёки должны быть проверены путём исследования по возможности всего материала, касающегося той или иной стороны жизни государства, куда ведут указания изображений или легенд»³²⁷.

М.И. Ростовцев подходил к описанию живописного изображения как историк, он видел в нём полноценный исторический источник. И к литературному источнику он относился как к деривату определённой исторической эпохи, а не просто как к сборнику отдельных сведений. Он считал, что нельзя оценивать литературные мнения о факте, часто противоречивые, с точки зрения здравого смысла. Ведь они - части литературного

произведения, порождение художественной фантазии их автора, и излишнее доверие к ним может привести к ошибке или бесплодному скептицизму. Он считал, что необходима, во-первых, предварительная оценка традиции, а во-вторых, - выделение достоверного зерна (особенно по тем эпохам, о которых нет сведений у Полибия)³²⁸.

Эпиграфическим и археологическим источникам М.И. Ростовцев отводил важную роль в реконструкции фактической основы исторических явлений. Эпиграфика, неоднократно писал он, по-новому осветила политическую историю, традицию. Археологический материал также является большим подспорьем в работе "... тогда, - отмечал он, - когда мы научимся им пользоваться для исторических целей"³²⁹. В плане совершенствования критической работы он привлекал также историко-географический и топографический материалы.

Важный вклад в разработку приёмов критики источника занимают «Очерки по истории римского землевладения» И.М. Гревса. Сравнивая исследовательские подходы М.И. Ростовцева и И.М. Гревса, Ф. Зелинский заметил, что первый идёт от материала, а последний - от историографии³³⁰. Труд И.М. Гревса основан почти целиком на сочинениях античных авторов. Правда, встречались у него и замечания о том, что «эпиграфика подтверждает» те или иные факты (в частности, наличие колоната в I в. н. э. в Италии)³³¹.

И.М. Гревс много писал о методике интерпретации тех исторических фактов, которые он извлекал из античной традиции. Назвал он это филологическим методом. Для его применения необходимо:

- 1) толкование источника: юридического, литературного, эпиграфического;
- 2) централизация внимания вокруг проблемы, личности (яркой выразительницы социальной роли землевладения);
- 3) разъяснение какой-либо тёмной области в общей сумме вопросов, из совокупности которых складывается вся проблема;
- 4) подробный анализ какого-нибудь особенно сложного процесса, входящего в состав самого явления³³².

На критическом разборе какого-либо отрывка из произведений античных авторов И.М. Гревс останавливался мало, так как его целью было собрать как можно большее количество материала по своей теме. Не случайно М.И. Ростовцев заметил, что его метод - это систематическое изучение. Да и сам И.М. Гревс писал, что «настоящий этюд - уже в силу особенностей самого источника, на основе которого он составлен, - представляет работу преимущественно описательную»³³³. В этом труде мы находим размышления об особенностях произведений Горация как исторического источника по истории римского землевладения. Побывав в окрестностях Виковардо, где находилась усадьба этого

римлянина, И.М. Гревс заметил, что личный взгляд на описываемую местность хорошо иллюстрирует самого автора. Он привлёк и археологические данные локализации дома писателя по Компартэну и де - Санктису, отвергнув при этом наблюдения Пьетро Розы³³⁴.

В конце 90-х - начале 1900-х гг. в России публиковались труды, в которых часто стал использоваться эпиграфический материал. Это было связано с большим количеством подобных находок в те годы, особенно на территории бывшей римской Африки. В этом ряду исследований, основанных на эпиграфике, - монографии П.Ю. Куля «Провинциальные собрания древних римлян», Г.М. Пригоровского «Развитие колонатных отношений в римской Африке», И.Г. Турцевича «Orbis in Urbe . Центры и общества земляков и иноверцев в императорском Риме I - III вв.», Л.Н. Беркута «Устройство и управление городских общин в римском государстве преимущественно в эпоху империи», статья Ф.М. Нахман «Об историческом развитии мелко-арендных отношений в северной Африке в первые три века империи». В отличие от трудов И.В. Помяловского и И.В. Цветаева, в которых эпиграфический источник получал всестороннюю критическую проверку как на основе самой эпиграфики, так и с привлечением данных античной традиции, в вышеуказанных источниках его использование носило иллюстративный характер (при этом на основе уже опубликованных сборников надписей).

В 90-е гг. XIX в. у отечественных исследователей древнейшей истории Италии и Рима сложились разные мнения по вопросу об историчности этого периода. Одни учёные выражали скептическое отношение к его историчности (А. Энман), другие занимали «среднюю» позицию (И.В. Нетушил), третьи воссоздавали признаваемую ими историю по всем сохранившимся к тому времени историческим памятникам (В.И. Модестов). Этим определялось и их отношение к источникам.

Так, А.Ф. Энман основывался только на нарративном материале, хотя в статье «Могила Ромула» признавал важную роль эпиграфических и археологических источников. Но по существу он превратил вопрос о древнейшей истории Рима в критико-литературную проблему, находясь в сильной зависимости от взглядов Шwegлера³³⁵. Его исследование о римских царях - это труд по отысканию «этиологического» основания этого периода, который он назвал не вымыслом, но мифами³³⁶. А.Ф. Энман не находил в археологических памятниках того источника, с помощью которого можно было бы подвергнуть критике сочинения античных авторов. Он считал, что "... эти материалы слишком отрывочны, и мы лишены возможности подвергнуть их хотя бы приблизительно верному хронологическому определению. Мы этим не желаем отрицать, что на основании древнейших археологических остатков возможно установить известные отдельные факты, очень любопытные и ценные, но история царей из них не восстанавливается, а критической проблемы царской истории они

почти не касаются»³³⁷. В связи с этим ошибочным он считал соединение археологических и критических литературных подходов в работах Ю.А. Кулаковского, по его мнению, напрасно оставившего дорогу, «...проложенную его авторитетными предшественниками, особенно же глубокоуважаемым всеми Шwegлером»³³⁸. В таком же направлении была выдержана и статья А.Ф. Энмана о находке в Риме «могилы Ромула»³³⁹.

Обобщением накопленного в науке опыта освоения новых и традиционных источников стал ряд статей и две части монографии по доримской Италии В.И. Модестова. Ещё в 80-е гг. XIX в. он писал о возникновении тогда одной из ведущих научных тенденций в романистике - логической потребности исторической и филологической наук в интеграции со вспомогательными историческими дисциплинами. При этом он подчёркивал необходимость создания научных трудов, основанных на широком изучении «исторического, археологического, этнографического, статистического материала». В 90-е гг., выехав в Италию уже непосредственно для изучения источников на месте, он стал включать в критический оборот лингвистический, антропологический, этнологический материалы. Так, выясняя вопрос о происхождении латинян, он привлёк к критическому сопоставлению достижения археологии, этнологии, лингвистики, антропологии, заметив, что «там, где эти три или четыре отрасли знания могут быть приложимы вместе, они в состоянии привести к выводам, перед положительностью которых критика мифов и сказаний, хотя бы и подкрепляемая этимологическими соображениями, представляется детскою забавою»³⁴⁰.

Комплексность в критическом анализе источников, по мнению учёного, - основа нового направления в разработке древнейшей римской истории. В Италии, он оказался в центре научного движения, столкнулся с необходимостью самостоятельно разобраться в сложившихся в науках точках зрения. Во «Введении в римскую историю», анализируя труд профессора Пизанского университета Марианн, он так охарактеризовал свой метод поэтапного историографического анализа:

- 1) изучить все сведения из нарративных источников;
- 2) обратиться к вещественным памятникам;
- 3) изучить и дать оценку альтернативным мнениям учёных³⁴¹.

Таким образом, его метод предполагал глубокий анализ, начинавшийся с критической оценки всего комплекса источников и установления исторического факта и завершающийся стадией оценки научной концепции. В этой работе содержались его заметки о методах и технике исследования многих известных тогда западноевропейских учёных: Лабланшера, Гирардини, Белоха, Бёка, Моммзена, Нибура, Марианн, Пигорини, О. Де - Кары, Марукки, Жордана, Дж. Б. де Росси и др. Сейчас, писал В.И. Модестов, «лишь одно это направление (основанное на комплексном источниковом подходе - В.Л.) в состоянии поставить предел

тому безграничному произволу, с каким эпигоны критической школы, начатой так славно Нибуром и принесшей исторической науке огромные услуги, потеряв всякую реальную почву под ногами, превратили первые столетия римской истории в арену проявления самого необузданного субъективизма, называя его, как бы в насмешку, научной критикой»³⁴².

Таким образом, в области критической работы с источниками во второй половине XIX - начале XX вв. в российской науке произошли важные изменения, связанные с началом интенсивного использования рукописных, эпиграфических, археологических, папирологических и других источников. В области критики источников определились два подхода: традиционный, опирающийся на нарративный материал, и комплексный, при котором в той или иной мере в критический анализ включались как нарративные, так и эпиграфические, юридические, изобразительные, географические и прочие источники.

В трудах В.И. Модестова, Ф.Ф. Соколова, И.В. Помяловского, И.В. Цветаева, П.И. Аландского сложилась плодотворная критическая традиция по отношению к нарративному источнику, в основу которой была положена источниковедческая методика германских научных школ.

Особый интерес в конце 60-х - 70-х гг. стали вызывать эпиграфические источники, которым отечественными учёными отводилась важнейшая роль в области критики сочинений античных авторов. Эпиграфические исследования русских учёных И.В. Помяловского, И.В. Цветаева, М.И. Ростовцева, по отзывам зарубежных и отечественных специалистов, превосходили лучшие работы такого рода в западной науке.

Вместе с тем в трудах многих других исследователей эпиграфические памятники по-прежнему не выполняли функцию основного источника, к которому прилагались бы методы внешней и внутренней критики; их использование носило чаще иллюстративный характер.

Критика источников разных видов через сопоставление сведений из них, систематизацию по внутреннему смыслу, значению и последовательности усиливала степень достоверности исследований. Такие подходы отличали в особенности работы Ю.А. Кулаковского, В.И. Модестова, И.В. Помяловского, М.И. Ростовцева, И.В. Цветаева. Скептическое отношение к привлечению новых источников для критики сочинений античных авторов было характерно для А.Ф. Энмана, П.И. Аландского, отчасти И.В. Нетушила.

В целом в отечественной историографии Рима к концу XIX века стало утверждаться представление о том, что степень достоверности исторического факта находится в прямой зависимости от критической работы с комплексом источников.³⁴³

ГЛАВА 3. ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ РИМСКОЙ ИСТОРИИ В РОССИЙСКОЙ РОМАНИСТИКЕ

3.1. Всемирно признанный вклад российских ученых в исследование ранней истории Италии и Рима.

Российская наука приступила к изучению ранней истории Италии и Рима ещё в 30-е гг. XIX в. Так, первое археологическое описание Сицилии принадлежало ещё Александру Дмитриевичу Черткову. Он же по праву назван у нас и первым русским этрусковедом, начавшим подробное исследование этой проблемы в монографии «О языке пелазгов, населявших Италию, и сравнение его с древнесловенским», вышедшем в Москве в 1855-1857 гг.³⁴⁴ Правда, некоторые аспекты изучения этрусков уже были до этого подняты в первом профессиональном научном труде по истории Рима в России - в работе профессора Московского университета Д.Л. Крюкова «Мысли о первоначальном различии римских патрициев и плебеев в религиозном отношении», вышедшей в 1849 г. в Лейпциге.

И хотя научная ценность первых отечественных работ в области этрусковедения была невелика (это были этюды, в которых прослеживалось сходство этрусских и славянских языков), уже в них проявились элементы самостоятельных исследовательских подходов. Так, А.Д. Чертков доказывал происхождение этрусков из Малой Азии, отвергая нибуровскую концепцию их происхождения из Ретийских Альп³⁴⁵.

Во второй половине XIX - начале XX вв. интерес к ранней истории Италии, как известно, сохранялся. В это время появился фундаментальный труд по доисторической Италии В.И. Модестова, исследования А.Г. Бекштрема, Ю.А. Кулаковского, Ф.Ф. Соколова, И.В. Нетушила, П.И. Аландского, Е.Г. Кагарова, А.Ф. Энмана. Важным достижением отечественной романистики стало возникновение в ряде работ самостоятельных концепций о ранней истории Италии, на которые было обращено внимание и за рубежом.

Две крупные проблемы занимали во второй половине XIX - начале XX вв. отечественную историографию о Риме и Италии: проблема этногенеза на территории Италии и острове Сицилия и проблема выяснения достоверности царского периода Рима.

«Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии» Ф.Ф. Соколова - первое в России научное исследование, посвящённое этногенезу сикулов и

сиканов, а также истории этих народов. Его оригинальность и концептуальность и сейчас признаются в отечественной исторической литературе³⁴⁶. А в конце XIX в. его современник В.И. Модестов, высоко оценивавший вклад в изучение сикуло-сиканской проблемы Ф.Ф. Соколова, А. Гольма и Э. Фримана, сожалел только, что тогда этим исследователям не были известны археологические данные³⁴⁷.

Ф.Ф. Соколов на основе всего массива разрозненных отрывков из сочинений античных авторов и некоторых вещественных источников исследовал "... отношения и взаимное влияние греков и варваров сицилийских», на неизученность которых обращал внимание известный немецкий учёный О. Мюллер³⁴⁸.

Отмечая то обстоятельство, что в дошедших до нас известиях о Сицилии многое выдуманно, исследователь сделал ряд наиболее важных заключений, ставших вкладом в концепцию этногенеза народов Италии:

- сикулы и сиканы принадлежат к двум различным народностям;
- сикулы - италики, сиканы - иберийцы;
- элимы пришли в Сицилию из Эпира через Италию;
- финикияне не строили городов внутри Сицилии, но влияли на религию древних сикелиотов;
- греки до основания Накса имели торговые сношения с Сицилией;
- никакой критской колонии в Сицилии до основания Накса не было;
- сикелиоты, «как национальность», не произошли от смешения греков и сикулов и не отличались ни в чём существенном от греков Эллады;
- сикулы (и прочие туземцы) до прихода греков не были дикими, как это утверждал, в частности, О. Мюллер;
- сикулы имели свою мифологическую систему, но для нас она потеряна³⁴⁹.

Некоторые из выводов Ф.Ф. Соколова, сделанных им в этой работе, были впоследствии пересмотрены его соотечественником В.И. Модестовым. Но не подлежит сомнению факт, что этот фундаментальный труд своей основательностью, детальной критикой не только сочинений античных авторов, но и работ современных ему учёных предложил ряд концептуальных представлений, которые трудно было оспорить без привлечения не использовавшихся никем ранее источников.

В 80-е - 90-е гг. в отечественной историографии отмечается появление работ, посвящённых проблемам царского периода истории Рима. Среди них статьи и монографии

Ю.А. Кулаковского, П.И. Аландского, И.В. Нетушила, А.Ф. Энмана. Они неравнозначны как по источниковой их основе, так и по методам, по принадлежности к научным направлениям, о чём уже говорилось в предыдущих главах.

Между тем научный отклик эти работы нашли, по существу, только в России (исключение составляет, по нашим данным, лишь статья профессора Я. Квичалы из Пражского университета, посвящённая творчеству И.В. Нетушила, чеха по национальности, чья научная деятельность, однако, была целиком связана с Россией). Чтобы по-настоящему оценить заслуги этих ученых перед наукой, необходимо остановиться на следующем. Во-первых, это вклад в уточнение тех исторических фактов, которые уже существовали и стали появляться под воздействием введения в научный оборот вещественных античных памятников. Особенно это было характерно для монографии «К вопросу о начале Рима» Ю.А. Кулаковского и отдельных статей И.В. Нетушила. Как заметил Ю.А. Кулаковский, он «... старался поставить критику литературного предания в уровень с теми данными, которыми располагает современное археологическое исследование почвы Рима и Италии»³⁵⁰. Во-вторых, их заслуга в критике концепций крупнейших западноевропейских антиковедов, в том числе и своих учителей. Российским исследователям трудно было рассчитывать, что их статьи и рецензии, будучи опубликованными в России, на русском языке, дойдут до западных учёных, но они становились фактом отечественной историографии, неоднократно цитировались, влияли на формирование исторического и историографического сознания. Между тем есть сведения, подтверждающие, что, например, работы В.И. Модестова, опубликованные в 1868 г., читались некоторыми немецкими учёными на русском языке. О статье Ю.А. Кулаковского, посвящённой одному из международных исторических конгрессов в Риме, вышедшей на русском языке, было известно итальянскому учёному Пигорини³⁵¹.

Ю.А. Кулаковский, исходя из того, что всё современное исследование истории Рима зиждется на тех построениях, которые были заложены в работах А. Шwegлера и Т. Моммзена, выделил в качестве предмета своего изучения ряд недостаточно исследованных положений. Это теория синойкизма Рима, проблема палатинского города, взаимоотношений аборигенов и сабинов, происхождения этрусков³⁵².

По мнению Ю.А. Кулаковского, «... синойкизм Рима есть теория, а никоим образом не история начала римского государства, которая должна быть выяснена с привлечением вещественных памятников и данных традиции. А именно археология даёт факты исконности городского быта на территории древнего Лациума»³⁵³. Таким образом, он выступает против концепции Т. Моммзена, Иордана и других учёных о синойкизме на основе уточненного им исторического факта.

Ю.А. Кулаковский в вопросе об этногенезе римского народа придерживался точки зрения об археологическом родстве террамар и латинян³⁵⁴. Выступив против данных традиции о двойственном составе римского народа (латино-сабинском), Ю.Д. Кулаковский сослался на свидетельства латинского языка о племенном единстве Рима с латинами. «Это,- писал он,- даёт нам право видеть в истории латинского племени доримскую историю римлян»³⁵⁵.

Доказывая факты этрусского влияния в Риме, учёный приводил лично наблюдаемые им археологические свидетельства, подтверждавшие литературную версию³⁵⁶.

Оригинальны статистико-топографические наблюдения Ю.А. Кулаковского, позволившие ему сделать собственный вывод, что «... город Рим ещё до начала республики успел стать большим городом и занял пространство, которое во много раз превосходило пределы соседних общин»³⁵⁷.

Плодотворными стали его размышления о так называемой «Ромуловой стене» на Палатине. Непосредственно ознакомившись с этими археологическими памятниками весной 1887 г., учёный высказал своё несогласие с общепринятым в науке мнением, согласно которому на Палатине были найдены вещественные свидетельства, которые могут быть привлечены к разъяснению вопроса о померии древнего города. Его возражения состояли в том, что остатки туфовых квадратов не составляли системы, в то время как на Палатине находилось много зданий, состоявших из таких квадратов³⁵⁸.

П.И. Аландский, в отличие от Ю.А. Кулаковского, довольно скептически относился к историческим реконструкциям царского периода Рима. Известно его категоричное высказывание, подвергнутое в современной ему отечественной науке критике, о том, что «так называемый царский период уже исчез из внешней истории Рима; события, относимые к нему традицией, давно признаны делом вымысла. Нам кажется, что этот период должен исчезнуть и из истории политических учреждений римской общины»³⁵⁹. Скептицизм П.И. Аландского был связан с тем, что он не видел познавательных возможностей в вещественных памятниках. Однако, несмотря на это, в его работе «Древнейший период истории Рима и его изучение» содержалось интереснейшее наблюдение о четырёх слоях в сказаниях о древней римской истории:

- 1) сказочный - здесь события, противоречащие нашим сведениям о законах явлений, - невероятны (чудо Атта Навия);
- 2) былевой - событие возможное, но не соответствующее обстановке (похищение сабинянок);

- 3) бытовой - возможное, соответствующее обстановке событие, но не удостоверенное как отдельный случай (сведения о простоте, бескорыстии, самоотверженности первого римского диктатора и консулов);
- 4) исторический - удостоверенное для данного места и времени, являющееся единичным фактом событие³⁶⁰.

Ранней истории Рима и Италии посвящено несколько отдельных работ, а также глав в трудах крупного представителя российского антиковедения профессора И.В. Нетушила. Наиболее значительными стали «Очерк римских государственных древностей», «Обзор римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах».

Обозревая государственное устройство Рима в первой из них, И.В. Нетушила, ссылаясь при этом на работы Гельбига и Кулаковского, высказал свою приверженность той точке зрения, согласно которой латины - это строители террамар. Сикулов И.В. Нетушон, вслед за Т. Крудели и Лабланшером, считал автохтонным, до латинян, населением, о чём свидетельствовали приводимые им данные традиции и археологии³⁶¹. Он отметил также сильное влияние греческой культуры на население Италии - этрусков, римлян - и привёл факты финикийского влияния³⁶². В отличие от Ю.А. Кулаковского, он считал, что «начало Рима, как города в качестве палатинской крепости, без сомнения, исторический факт...». По мнению же самого Ю.А. Кулаковского, древнейшее население Рима надо искать на Эсквiline³⁶³.

Относительно Тарквиниев он писал, что их власть была основана не на правах победителей или завоевателей, а скорее была властью иностранных суверенов, приезжавших на жительство в столицу вассального римского государства. Местные же цари являлись носителями сакрального права; таким, в частности, был и Сервий Туллий³⁶⁴.

Говоря о проблеме Альба-Лонги, И.В. Нетушил высказал недоверие сообщению Тита Ливия об особом городе Альба-Лонге, подобном Риму, в связи с тем, что этому не найдено никаких археологических подтверждений³⁶⁵.

Многие факты, приводимые харьковским учёным, уже были введены в научный оборот другими исследователями. Однако ценность этих работ И.В. Нетушила состояла в их энциклопедичности. Относительно некоторых из приводимых им фактов он высказывал своё особое мнение, основываясь при этом на вещественные памятники. Так, данные античных писателей о сабинах и сабелло-самнитских племенах он подкрепил эпиграфической информацией о том, что «... письмо надписей латинское»³⁶⁶. Археологические свидетельства из сицилийских некрополей и данные эпиграфики дали ему основание стать на точку зрения

неиндоевропейского характера языка здешнего населения, микенского характера их культуры³⁶⁷.

Причины возвышения Рима И.В. Нетушил видел в том, что он "... вследствие благоприятных обстоятельств сделался центром отпора, оказанного маленьким латинским племенем экспансивному передвижению сабинян, направленному к распространению их племени в латинской области"³⁶⁸. Специально посвятив изучению основной территории римской общины статью, он определил её территорию в размере 15 сельских триб³⁶⁹.

В статье "По поводу вопроса о пифагореизме Нумы" И.В. Нетушил выдвинул положение о том, что «образ» Нумы примыкает к типу республиканских духовных царей³⁷⁰. В 1916 г. в новой своей работе, подытоживая прежние выводы, он сделал и несколько новых. В частности, таковыми были его заключения о том, что "... традиция о царях недостоверна"³⁷¹, и, по его мнению, именно «в условиях торговли солью и нужно искать причину проникновения сабинян на территорию Рима и образования там своего поселения с крепостью на Капитолии»³⁷².

Следует отметить, что И.В. Нетушил (ещё до выхода второй части известного труда В.И. Модестова об Италии) в рецензии на учебник древней истории Д. Иловайского предлагал изъять из него точки зрения Нибура-Мюллера о прибытии этрусков из Реции, так как эта теория сомнительна, особенно в связи с последними археологическими находками³⁷³.

Совершенно иная направленность была в творчестве А.Ф. Энмана. Он стал известен благодаря книге «Легенда о римских царях. Её происхождение и развитие», опубликованной в 1896 г., и статьям о могиле Ромула, выходявшим в 1900-1901 гг. По мнению А.М. Ловягина, монография А.Ф. Энмана была незамеченной в течение полутора лет³⁷⁴. Он утверждал, что царская легенда - произвольный вымысел. Поэтому главная цель учёного - выяснение этиологии этих мифов, а не историчности периода. Однако, что касается самих этиологических толкований, ещё его современники, в частности, И.В. Нетушил и В.И. Модестов, считали, что они в значительной степени фантастичны, что и затруднило введение их в научный оборот³⁷⁵.

Значительный интерес для исследователя ранней истории Италии могут представлять труды А.Г. Бекштрема. Он первым в России обратился к серьёзному изучению эпиграфического наследия этрусков³⁷⁶. Этрусские письмена привлекли его внимание ещё в 1891 г. после открытия текста на пеленах Загребской мумии³⁷⁷. Однако его произведение появилось уже после выхода работы В.И. Модестова по этногенезу этрусков. По мнению А.И. Харсекина, с которым нельзя не согласиться, основная работа А.Г. Бекштрема «Исследования в области этрускологии», посвящённая «будущим русским этрускологам»,

«... стояла на уровне лучших по тому времени достижений европейской науки. Тем более приходится сожалеть, что до сих пор она фактически неизвестна за пределами нашей страны»³⁷⁸. А.Г. Бекштрем составил историографический очерк развития этрускологии, провёл эпиграфическое исследование этрусских магистратуре. Достоинство всех его произведений - основательный научно-справочный аппарат. А.Г. Бекштрема привлёк и вопрос об этрусской. Им была поставлена задача - воссоздать лестницу чинов этрусской магистратуры. Используя надписи, содержавшие *cursus honogum* покойника, автор привёл следующую лестницу чинов: *zilx* как важнейший чин, и другие - *magu*, *macstrev*, *purđi*, *samđi*³⁷⁹. При этом А.Г. Бекштрем отмечал, что о функциях большинства из этих должностных лиц мы ничего не знаем, так как об этом нет литературных свидетельств, а вещественные памятники не дают прочной основы для возможных комбинаций³⁸⁰.

Но самых значительных результатов в области изучения ранней истории Италии и Рима в России этого времени добился В.И. Модестов. Ему принадлежит создание оригинальной научной концепции этногенеза народов, населявших Апеннинский полуостров в древности, культурных взаимодействий между ними. Рассмотрим ее основные этапы.

Интерес к проблеме этногенеза возник у него ещё во время его первого пребывания за границей в качестве стипендиата Министерства народного просвещения. Археологический пейзаж Рима, эпиграфические подлинники стимулировали его научные интересы к изучению царского периода вечного города. Уже в «Римской письменности в период царей» В.И. Модестов, оперируя сообщениями античной традиции о документах царской эпохи, стремился доказать, что у римлян в это время уже существовала письменность. Этим он стремился отвести основной довод «скептического направления», которое отрицало достоверность царской истории Рима³⁸¹.

В.И. Модестов считал, что существовавшими образцами такой письменности (сохранившимися только во фрагментах античной традиции), духовной и светской, были царские законы, союзные договоры, канонические и богослужебные книги и так называемые комментарии понтификов, церковный календарь, составлявшийся теми же понтификами, гимны братьев Арвальских и жрецов Салиев. Свидетелями этой письменности, считал учёный, служат сохранившиеся отрывки песнопений Салиев и гимн братьев Арвальских. Кроме того, по мнению В.И. Модестова, латинский алфавит образовался в Лациуме в эпоху, предшествовавшую основанию Рима³⁸². Интеллектуальный прорыв, нашедший выражение в этой работе, был основан главным образом на тщательном анализе информации из дошедших традиционных источников. Материальное, эпиграфическое подтверждение основных положений докторской диссертации российского учёного появилось только в 1899 г., когда был найден знаменитый «чёрный камень» (*lapus niger*) на римском Форуме с над-

писью «царь». Преувеличенным, правда, оказалось его утверждение об образовании латинского алфавита ещё в доримскую эпоху.

В начале 90-х гг. XIX в., когда наука стала располагать уже значительным материалом из новых источников, В.И. Модестов решил вновь обратиться к исследованию истоков Рима, написанию Римской истории. Выехав с этой целью в Италию, он прежде всего обратился к изучению результатов археологических раскопок на территории Рима, а затем и Аппенинского полуострова за последние двадцать лет. Историк подробно изучил деятельность, методику работы трёх римских научных учреждений: Академии Линчеев, Германского археологического института и Французской школы; он участвовал в заседаниях Германского археологического института. Его статья об «учёной жизни в Риме» нашла тогда отклик среди учёных России³⁸³.

Осенью 1894 г., выйдя на пенсию, В.И. Модестов снова выехал в Рим для изучения эсквилинских и квиринальских раскопок. Там он постепенно приходил к выводу, что «... древнейшую историю Рима надо начать с первых следов появления в долине Тибра человека, чтобы войти в город Ромула не с пустыми руками и не с мифическими и легендарными сказаниями, переданными или отчасти придуманными древними историками и на все лады толкуемыми новыми историками, а с фактами последовательно развивавшейся культурной жизни в руках»³⁸⁴.

И именно тогда В.И. Модестов заинтересовался этнологическими взаимосвязями латинян с другими племенами, которые могли прояснить происхождение самого латинского народа. Так, проблема исторического генезиса Рима дала импульс его исследованию этногенеза и культурных влияний во всей доримской Италии. Его интерес поначалу вызвали опубликованные в IV томе «*Monumenti Antichi*» Академии Линчеев материалы из земли фалисков, поскольку они могли выявить их родство с латинянами. В статье «Фалиски» В.И. Модестов отметил, что после публикации итальянским археологом Р. Гарруччи нескольких фалиских надписей удалось установить их близость к латинскому языку³⁸⁵. Автор выделил и то, что археологические материалы могут занять важнейшее место в изучении истории культуры фалисского народа. Античные писатели, по его словам, не описывают, «... как началось могущество города Фалерий, ни того, как развивалось оно, не видим народа, ни его промышленности и торговли, ни искусства, ни быта и обстановки»³⁸⁶.

Археологический материал по фалискам показал, что в древнейший период заселения юго-восточной части Этрурии этот народ находился под влиянием культуры Виллановы, а впоследствии всецело подчинился влиянию этрусков, сохранив при этом в существенных чертах общий с латинянами алфавит³⁸⁷. Изучение фалисков определило пути дальнейших исследований учёного. Так, сосуды с рогообразной ручкой, найденные в фалисской земле,

указывали на связь этого народа со строителями террамар долины реки По. Кроме того, в предании говорилось, что до латинян эти места заселялись сикулами. Подобные размышления привели В.И. Модестова к написанию статьи «О происхождении сикулов», материал для которой собирался им в Риме зимой 1896-1897 гг.

Примечательно, что ещё до выхода в 1896 г. вышеупомянутой статьи он видел в сикулах как народе ветвь италиков³⁸⁸. Однако затем, на основании только что опубликованных и никем ещё не использованных материалов П. Орси из некрополей восточной части Сицилии и антропологических данных Д. Серджи, В.И. Модестов сделал вывод о том, что сикулы не принадлежали к италикам, не были родственны латинянам, а относились к иберо-лигурийскому племени³⁸⁹.

В историографии тогда сложились три разные точки зрения на их происхождение. Причину этого историк видел в почти полном до этого отсутствии археологических свидетельств. Античная традиция, отождествлявшая сикулов и сиканов, достаточных доказательств этому, не давала. К началу 80-х гг. XIX в. археологическое подтверждение получила только иберийская версия античных писателей³⁹⁰. Не обнаружил он и археологических свидетельств, подтверждавших связи сиканов с италиками, ибо первые оказались представителями каменного века, а вторые - века металлов. Сикулы, пришедшие на остров, только прикоснулись тогда к бронзовой культуре, но не успели ещё освоить её³⁹¹.

Сопоставив археологические данные с лингвистическими, он впервые в филологической литературе высказал мысль, что италийские слова в языке сикулов возникли в результате длительного процесса их совместного обитания на территории Италии³⁹². Антропологические данные Д. Серджи он только принял к сведению, заметив, что его теория о средиземноморской расе является не более чем гипотезой³⁹³.

Выводы В.И. Модестова о происхождении сикулов вызвали огромный резонанс во всей Европе, что нашло отражение в многочисленных рецензиях, опубликованных в разных странах Европы. Приверженность им выразил и известный итальянский исследователь Сицилии, директор Археологического музея в Сиракузах Паоло Орси. К этой точке зрения присоединилось большинство археологов и историков; она продолжала разрабатываться и в последующее время³⁹⁴.

Прояснение проблемы происхождения фалисков, сикулов и сиканов позволило историку вновь обратиться к сложному вопросу о происхождении латинян. При этом он заметил, что его новый этюд не окончателен, для этого потребуется ещё много данных, которыми современная наука не располагает³⁹⁵. Из анализа данных разных научных дисциплин учёный увидел необходимость рассмотреть эту проблему в её взаимосвязи со

строителями террамар, умбрами, этрусками, не изолируя при этом проблему происхождения латинян от всей этнической ситуации в доримской Италии.

В результате он пришёл к оригинальному и важнейшему выводу о двух волнах италиков, распространявшихся по территории Апеннинского полуострова в разное время³⁹⁶. До этого преобладала в науке точка зрения Пигорини об одной волне италиков. С. Рейнак в рецензии на работу В.И. Модестова заметил, что Пигорини "... ошибался, видя в строителях террамар и умбрах один и тот же народ в разных фазах развития. В.И. Модестов полагает, что было два вторжения трансальпийцев... Этим объясняется огромная разница между латинским и умбрским языками...»³⁹⁷. Этот вывод оказался настолько важным, что он до сих пор в различных модификациях господствует в современной науке³⁹⁸.

Индоевропейский характер италиков, по мнению учёного, отразился на их материальной культуре и языке. Так, у этих двух народов обнаружился общий обряд погребения, язык³⁹⁹. Однако существенными были и различия: строители террамар - народ бронзовой культуры, а умбры - железной. Именно строители террамар вытеснили иберо-лигурийские народы, населявшие до тех пор полуостров и прилегавшие к нему острова.

В.И. Модестов, настойчиво доказывая индоевропейский характер умбров, выступил как против теории профессора Болонского университета Брицио об этногенезе этрусков из умбров⁴⁰⁰, так и против смешения умбров с кельтами⁴⁰¹. В отличие от мнений антрополога Д. Серджи и археолога Гельбига о тождестве латинян и умбров, он предложил своё понимание процесса происхождения латинян, выводя их из строителей террамар. Из долины реки По, строители террамар были вытеснены умбрами на левый берег Тибра. Культурные взаимосвязи этих двух народов возникли в процессе их столкновений между собой, а затем были прерваны этрусками⁴⁰² (К этому вопросу, а также к вопросу о сикулах он возвращался и в 1899 г., снова выехав в Рим на продолжительное время).

Разработка проблемы происхождения латинян долгое время оставалась в науке на уровне гипотез. Арианизм этого народа оспаривали Д. Серджи и О. Де-Кара. Основную трудность здесь В.И. Модестов видел в том, что данных для комплексного источникового исследования проблемы совершенно недостаточно. «Антропология..., - писал историк, - ничего не в состоянии сказать о разнице между умбрами и латинянами; археология же может сказать об этой разнице немного, но при этом ничего или почти ничего решительного»⁴⁰³. Исходя из этого, историк на основе филологического анализа смог сделать только один вывод: умбры и латиняне - разные народы, о чём свидетельствуют грамматические различия в их языках, причём реликтовыми памятниками как древнейшего умбрского, так и латинского языков наука не располагала. Поэтому и такие видные авторитеты, как Гельбиг,

Пигорини, Монтелиус и Брицио, на одном и том же археологическом материале приходили к противоположным выводам.

Дискуссионность сохранялась и по вопросу о происхождении сикулов и сиканов. Подтвердив своё прежнее мнение о прибытии синапов из Африки, он провёл археологическое разграничение. Сиканы - представители неолитической культуры, сикулы - энеолитической, затем бронзовой и железной⁴⁰⁴. «Как греки закрыли собой с течением времени сикулов, так и сикулы закрыли собой сиканов», - заключил он⁴⁰⁵.

В 1900 г. в своём выступлении в С. - Петербургском обществе классической филологии и педагогики В.И. Модестов, уже имевший широкую европейскую известность, сообщил о том, что приступил к созданию обобщающей монографии, ставшей главным итогом его научной деятельности. В книге «Введение в римскую историю. Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху и начало Рима» вся совокупность научных проблем по доримской Италии впервые в европейской науке получила синтетическое историческое, историографическое и источниковедческое осмысление. Есть все основания полагать, что в этом труде законченный вид получила его историческая концепция о доисторической этнологии и культурном влиянии в доримскую эпоху Италии. Как позволяет нам судить изложенный выше материал, эта концепция на материале всей доримской Италии складывалась не сразу. Ведь первоначально у В.И. Модестова возникла идея написать собственно «Римскую историю» от её истоков. А этому предшествовала высказанная им ещё в начале 80-х гг. XIX в. мысль о плодотворности именно цельного подхода к анализу эпохи на основе комплексного источникового подхода, необходимости познания исторических законов. А в начале 90-х гг. от изучения деятельности научных школ на территории Италии через анализ данных эскилинских и квиринальских раскопок он пришёл к выводу о необходимости изучения всей этнологической ситуации на территории Италии и Сицилии. Именно такой целостный и комплексный подход постепенно приводил учёного к представлениям об этногенезе целой группы племён. При этом в обеих частях его монографии появился и совершенно новый материал, были переосмыслены также и некоторые прежние его представления.

В первой части монографии рассматривался вопрос о возникновении и развитии материальной культуры на территории Италии и острове Сицилия от палеолита до железного века. Вторая часть была посвящена проблеме происхождения этрусков, вопросу о колонизации юго-восточной части Италии и происхождению мессапов.

Главной теоретической идеей, объединившей его историческую концепцию, стало представление историка о внешних культурных влияниях. Есть определённые основания видеть в этом взаимосвязь с высказанной им ранее приверженностью теории исторических и

неисторических народов. «Крупные перемены в культуре страны, - писал во «Введении...» В.И. Модестов, - всегда происходили и будут происходить под влиянием двух причин:

- 1) вследствие внешних влияний, приходящих в страну, главным образом, путём торговых сношений;
- 2) вследствие иммиграции в неё народа с другой культурой, которая водворяется в ней или путём мирной колонизации, или путём завоеваний»⁴⁰⁶.

Рассмотрение археологической панорамы каменного века автор начал полемикой с Т. Моммзеном. Представление этого учёного о недостоверности ранней истории Италии, отсутствии на Апеннинском полуострове следов первобытного человека без изменений переходило во все издания его знаменитой «Римской истории». Ссылаясь на материалы сорокалетних раскопок и исследований итальянских археологов и палеоэтнологов, В.И. Модестов привёл факты, свидетельствовавшие об ошибочности этих выводов Т. Моммзена.

Прослеживая характер и особенности археологических культур на Апеннинском полуострове на протяжении всего каменного века, историк отметил единство обитавшего там населения. Археологически на это указывала сходная форма хижин⁴⁰⁷, антропологически - долихокефальный тип черепов, свойственный населению всей Италии с её островами⁴⁰⁸. Внешние культурные влияния историк обосновал фактами торговых сношений с Востоком⁴⁰⁹. Единство населения Апеннин он продолжал отстаивать и для энеолита, называя его иберо-лигурийским (антрополого-археологические данные)⁴¹⁰. Панораму этой культуры он рассмотрел на широком фоне внешних влияний. Он зафиксировал ранние торговые сношения с Востоком, в частности, с островом Кипр, центром распространения медной и бронзовой культуры⁴¹¹.

В известном смысле продолжением ранее начатого исследования стал материал по сиколо-сиканской проблеме. Выступая против мнения о родственности сиколов и латинян, В.И. Модестов привёл археологические свидетельства совершенно отличной от латинян погребальной культуры сиколов (ингумация, окрашивание скелетов и т.п.)⁴¹².

Переходя к рассмотрению культуры бронзового века на территории Италии, В.И. Модестов подробно изложил сущность тех аргументов и выводов, к которым он пришёл ранее, проанализировал все точки зрения, сложившиеся в науке относительно террамар (Кьеричи: строители террамар - италики; Брицио: террамары - это лигуры; Дж. Серджи - это кельты; О.Де-Кара не признавал за ними предков латинян). В анализе материальной культуры террамар В.И. Модестов опирался главным образом на труд Пигорини. Возражая Брицио, В.И. Модестов выделил разнообразие бронзовых изделий из их поселений: кинжалы и обоюдоострые бритвы, характерная черта террамар – копья, мечи, булавки. При этом отсутствие у некоторых поселений бронзы историк объяснил бережным отношением к этим

изделиям⁴¹³. В споре с Дж. Серджи он, кроме обычая свайных построек, привёл как аргумент и возникновение, по существу, религиозных верований этого народа: кремация, как обычай арийских народов (за исключением персов, которые поклонялись огню, но не сжигали мёртвых), а также индоевропейский характер языка⁴¹⁴.

Доказательства прибытия террамар в долину Тибра В.И. Модестов приводил также в V и VI главах «Введения...». Он проследил взаимовлияние на территории Лациума трёх культур: неолитической (могилы Канталупо-Манелы и Сгурголы), террамар и Виллановы; большое внимание уделил психологическим факторам близости террамар и латинян⁴¹⁵.

Однако для концепции В.И. Модестова самым уязвимым местом было отсутствие в Лациуме следов таких же свайных построек, как в долине По, о чём писал ещё Д. Анучин. Последний высказал мысль о возможности появления здесь бронзовых предметов торговым путём⁴¹⁶. Вместе с тем этот рецензент искал и аргументы в пользу теории В.И. Модестова, ибо, писал он, «она основана на связи бронзовой культуры Лациума с бронзовой культурой террамар» и вообще она даёт во многих отношениях наиболее вероятное и простое истолкование целому ряду фактов⁴¹⁷. С критическими замечаниями Д. Анучина был согласен и профессор С.-Петербургского университета М.И. Ростовцев. «Почему же арийцы воздвигли террамару около Тарента, а в Лации нет,- задавал он вопросы, - и почему здесь только неолитическая культура так основательно проникла во все поры культуры террамар, что у каждого внимательного наблюдателя является впечатление, будто культура террамар только лёгким слоем покрыта неолитическою. И неужели этот лёгкий слой мог дать основательные черты латинского и римского характера, как того хочет автор?»⁴¹⁸.

В современной науке эта точка зрения В.И. Модестова осталась лишь гипотезой, ибо позднее были обнаружены факты, свидетельствующие, что одни и те же элементы культур террамар и Альбанских гор характерны и для Апеннинской культуры Италии⁴¹⁹.

Первый железный век в Италии представлен в монографии описанием культуры Виллановы. Индоевропейские племена умбров, носители этой культуры, по мнению В.И. Модестова, прибыли в Италию и впоследствии распространились. Разобравшись в её происхождении, о чём высказали своё мнение девять крупнейших специалистов - Пигорини, Кьеричи, Брицио, Пинца, Гельбиг, Рейнак, Бертран, Бреаль, Серджи, - он поддержал аргументы Брицио, показав на различиях в материальной культуре несостоятельность одной из самых популярных теорий - Пигорини - о происхождении Виллановы из террамар⁴²⁰. Представив весь имевшийся тогда в распоряжении науки материал о Вилланове, много места уделил фактам внешних влияний (этрусков и греков - в погребениях)⁴²¹; при этом отверг сильное влияние финикийцев.

Вторая часть монографии В.И. Модестова была посвящена главным образом вопросу об этрусках и частично мессапах. Исследователь начал свой труд с признания ошибочности трактовки происхождения народа, которая была дана Т. Моммзеном в его «Римской истории». Немецкий учёный отвергал значимость их культурного влияния, а искусство этрусков вообще ставил на последнее место среди италийских народов⁴²². В.И. Модестов считал, что эту запутанную проблему можно разрешить на основании тех данных, которыми тогда располагала наука. Это возможно, писал он, если проверить три точки зрения древних писателей (Гелланик: этруски - пелазги; Геродот - лидяне; Дионисий: этруски - это туземный народ Италии), что подтверждается археологическими и лингвистическими данными⁴²³. Археология, в данном случае, дала убедительные аргументы:

- 1) ближайшие связи этрусских могильных склепов с малоазийскими;
- 2) отсутствие эволюционной и других связей этрусских склепов с погребальными искусственными гротами предшествовавшего им населения;
- 3) восточный стиль в искусстве украшения этрусских гробниц;
- 4) восточный характер этрусской архитектуры⁴²⁴.

Таким образом, факты из новых видов источников убеждали В.И. Модестова в малоазийском происхождении этрусков. Это мнение высказывалось и ранее, но, как заметил Д. Анучин, «... Модестов подтверждает его рядом новых данных и тем утверждает его на более солидных основаниях»⁴²⁵.

В.И. Модестов отрицал факт привнесения стиля могильных склепов торговым путём, так как народ, не меняя религии не может заимствовать форму погребений⁴²⁶. Кроме того, благодаря анализу трудов одиннадцати крупнейших лингвистов он сделал вывод о не принадлежности этрусского языка к индоевропейской семье.

Отдельную главу автор посвятил критике двух теорий - о происхождении этрусков из Ретийских Альп и о тождестве их с италиками. Основательная аргументация В.И. Модестова неприемлемости «северной версии» надолго составила контраст теориям автохтонизма и индо-германизма как в итальянской, так и в германской науках. Только в 1939 г., писала И.Л. Маяк, «... вместе с трудом П. Дукати «Как возник Рим» наметился в итальянской историографии отход от крайностей автохтонизма и индогерманизма. А в современной историографии работы М. Паллотино продолжают полемику по этногенезу италийских народов с теорией Пигорини - Модестова»⁴²⁷.

Вопрос о мессапах завершил вторую часть «Введения...». Происхождение этого народа историк связывал с островом Крит⁴²⁸. Археологически он установил время их прибытия: «около 1 000 лет до н. э., - отказавшись при этом от своего прежнего мнения об их

поселении в этих местах уже в эпоху арийцев⁴²⁹. Сложность была в том, что оставался не-дешифрованным мессапский язык, ощущался недостаток археологических данных.

Третью и четвертую, задуманные им части «Введения...», В.И. Модестову так и не удалось опубликовать. В 1907 г. внезапная кончина в Риме этого уже широко известного в Европе учёного прервала его планы. Однако в процессе подготовки третьей части ряд статей он всё же опубликовал в нескольких номерах Журнала министерства народного просвещения, которые были посвящены процессу расселения «арийского (италийского) племени» по Италии. В них поднят вопрос о происхождении вольсков и эквов, осков и аврунков, сабелльских народов, венетов, говорится о греках в Италии.

Рассмотрим основные достижения В.И. Модестова, опубликованные им в этих статьях.

Так, вольски, не принадлежали ни к латинскому, ни к сабелльскому племени. Их язык, как показала бронзовая надпись из Велитр, был умбрским. О связи с умбрами свидетельствовал также обряд трупосожжения и урна-хижина⁴³⁰.

В тесную этническую связь с вольсками он поставил эквов, отметив однако, малую вероятность данного вывода ввиду скудости источников⁴³¹. В современной историографии отмечалось, что предпринятый им тогда обстоятельный анализ этого вопроса не утратил своего значения⁴³².

В.И. Модестов отнёс осков к местному неолитическому населению, о чём свидетельствовали остатки их похоронного обряда в могильнике Стриано. Остатки лигурийского племени, к которому принадлежали оски, существовали вплоть до первого железного века включительно⁴³³. Историк проследил факты внешних влияний на них со стороны Виллановы (керамика, бронзовые топоры, но со свойственным Вилланове орнаментом). Вместе с тем, ссылаясь на П. Орси, В.И. Модестов подчеркнул то обстоятельство, что ни Террамары, ни Вилланова на юге Италии существенного влияния не оказали. Главным образом влияние здесь было с юга - из Сицилии (бритвы, ножи, фибулы), с Востока⁴³⁴. Факты связи с Виллановой В.И. Модестов не затушёвывал, но уточнил, что заимствованная форма керамического оссуария Виллановы занесена была оскам с вторжением арийцев. Этими арийцами стали аврунки, фактически поглотившие осков. Отрицая кампанское происхождение аврунков (по Ю. Белоху), историк высказал предположение об их связи с Лациумом⁴³⁵.

Благодаря лингвистическому анализу оскских и самнитских надписей на монетах и другом материале из Лукании и Бруттия подтвердилось мнение В.И. Модестова о самобытности оскского языка и о существовании письменности ещё до вторжения в земли

осков самнитов. Оски, считал он, имея приобретённые в столкновениях с самнитами сходства в языке, не были «единомышленниками». Эта мысль была противоположным заявлению О. Мюллера, повторяемому в германской науке Ю. Белохом, Ниссенем, Гюльзенем⁴³⁶. В современной науке самнитов относят к центральной группе осков⁴³⁷.

Исследуя расселение сабелльских народов, историк поставил их в один ряд с самнитами, герниками, пицентами, луканцами, мамертинцами, бруттийцами, марсами, пелигнами, маруцинами и вестинами. На основе известных ему тогда данных он не признавал за умбрами и сабеллами принадлежности к одному племени. Между тем отметил наличие у них языковой и религиозной общности. История же и культура у них разные. Сабелльские народы, заключал он, отличал в целом неарийский характер⁴³⁸; правда, им было высказано предположение, что сабелльская ветвь отделилась от умбров, но неизвестно где⁴³⁹.

Обратившись в 1906 г. к проблеме происхождения венетов, В.И. Модестов связал этот вопрос, опираясь на труды Т. Ливия, с происхождением эвганеев⁴⁴⁰. Этот близкий к италийской культуре народ - венеты - прибыл либо из Малой Азии (как считали римские авторы), либо из Иллирии (по мнению Геродота). Добытые археологией данные об эвганеях как об отдельной этнической общности историк считал еще недостаточными для выводов, ибо наука не располагала по этому вопросу целостными археологическими комплексами. Историография же вопроса, к которой он обратился, представила ему, конечно, много разных точек зрения. Основанием для его мнения о происхождении венетов стало сопоставление им данных литературной традиции с археологическими данными из Агестинского некрополя. Оно и определило отнесение им венетов и эвганеев к лигурам⁴⁴¹.

Интересные размышления о культурных влияниях греков на население Италии, о времени их прибытия на Апеннинский полуостров легли в основу последних статей В.И. Модестова по этой проблеме⁴⁴².

Подытоживая рассмотрение концепции В.И. Модестова, подчёркиваем, что она - результат его убеждения о необходимости цельного изучения исторического периода на основе комплексного источникового подхода. Можно заметить также и влияние известной идеи Г. Гегеля об «исторических и неисторических народах».

Основной структурообразующей категорией его концепции стало рассмотрение взаимосвязи материальной и духовной культуры в процессе этногенеза населения Италии, что дало ему основание сделать выводы о единстве этого населения в каменном веке и энеолите, двух волнах распространения металла, связанных с иммиграцией двух разных индоевропейских племён, торговых и других влияниях этрусков, греков, финикийцев.

Его труд, по отзыву С. Рейнака, "... не имеет аналогов ни в какой другой европейской литературе..."⁴⁴³. По мнению чешского историка Прашека, монография В.И. Модестова - "... важное явление»; русский учёный "... проложил новую дорогу для понимания древнейших италийских деяний, которая в общем богатой немецкой литературе была прослежена неправильно»⁴⁴⁴. «Новостью» в области изучения римской истории, писал другой чешский учёный Е. Пэроутка, было искать здесь первобытного человека⁴⁴⁵. Важным явлением считал эту монографию немецкий учёный М. Гёрнес⁴⁴⁶.

В отечественной историографии В.И. Модестова принято считать родоначальником исторического изучения этрусской проблемы, аргументированно обосновавшим «восточный тезис»⁴⁴⁷. Важен его вклад в концепцию идентификации сикулов и сиканов, к которой присоединились многие археологи и историки⁴⁴⁸.

Считаю, самым важным достижением В.И. Модестова является создание им собственной исторической концепции этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху Италии на основе комплексного источникового подхода. Эволюция взглядов учёного по конкретным вопросам его концепции была связана прежде всего с появлением новых археологических данных.

Концепция В.И. Модестова, между тем, имела и свои уязвимые места.

Во-первых, это наличие противоречий между теоретическим объяснением и фактическим материалом. Так, признавая определяющее место в перемене культуры за внешними влияниями, В.И. Модестов, выявив сходство материальных культур Пиренейского полуострова, Сардинии, южной Франции и Лигурийских пещер, о д н а к о писал, что "... тому в древнейшее время причины были особые, г о р а з д о более сильные, чем торговые сношения, - племенное родство населения э т и х с т р а н (разрядка моя - В.Л.),- как мы увидим ниже. Но что в начале эпохи металлов между Испанией и Сардинией происходил торговый обмен, это отчётливо доказывается сходством керамики этого периода в Испании и на острове Сардиния»⁴⁴⁹.

В статье «Фалиски» независимость его концепции от фактического материала видна в том, что причина раннего развития Нарче, фалисского города, "... д о л ж н а б ы л а быть скорее внешняя, чем внутренняя (разрядка моя - В.Л.), как и причина, остановившая или, правильнее, прервавшая рост его жизни»⁴⁵⁰.

Преувеличивая значение психологических методов идентификации террамар и латинян, в непреодолимом желании доказать свою правоту учёный, в частности, писал: «Если бы не было никаких археологических доказательств ближайшей связи населения Лациума с террамарами, мы и тогда с неменьшим убеждением выводили бы предков римлян,

этих *prisci Latini*, из террамар в силу психических свойств, проявленных обоими населениями»⁴⁵¹.

Во-вторых, гипотетичность определения «раса», его зависимость от идеалистических рамок философских воззрений Гегеля. «Ясно, - писал В.И. Модестов, - что народ, которому выпало на долю играть такую колоссальную роль в истории, был особенный, представлявший собой какую-то избранную расу в роде человеческого»⁴⁵². Это убеждение привело учёного к утверждению прямой связи расовых свойств народа с его историей. «Ничто так сильно не определяет будущего характера истории народов, как его расовые свойства...»⁴⁵³. При этом термины «племя» и «раса» трактовались им только в рамках этнической общности как тождественные.

Подытоживая сказанное, отметим, что отечественная историография особенно активно включилась в это время в исследование проблем достоверности царского периода Рима и этногенеза на территории Италии и острове Сицилия.

В работах Ф.Ф. Соколова, Ю.А. Кулаковского, И.В. Нетушила, А.Г. Бекштрема были сделаны уточнения к ряду исторических фактов, собственные исторические представления. В них была подвергнута тщательной критике западная историография этих проблем.

Первым в отечественной историографии к основательному изучению этрусков на основе эпиграфики обратился А.Г. Бекштрем, исследовавший «лестницу чинов» магистратуры у этого народа.

Самых значительных результатов в области изучения ранней истории Италии и Рима добился В.И. Модестов. Ему принадлежит создание оригинальной концепции «доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху Италии». Концептуальному оформлению его представлений предшествовало сложившееся ещё в 1880-е гг. убеждение в плодотворности целостного анализа эпохи на основе комплексного подхода, в необходимости познания исторических законов как основной цели исторической науки.

Главной теоретической идеей, объединившей его историческую концепцию, стало представление историка о внешних культурных влияниях, изложенное им в монографии «Введение в римскую историю». Основными структурообразующими категориями в ней стали «материальная» и «духовная» культуры, рассмотренные в их взаимосвязи, в процессе этногенеза населения Италии. Это дало ему основание сделать выводы о единстве населения Апеннинского полуострова в каменном веке и энеолите, о двух волнах распространения металла, связанных с иммиграцией двух разных индоевропейских племён, о торговых и

других влияниях этрусков, греков, финикийцев. Эволюция отдельных положений его концепции была связана прежде всего с появлением новых археологических данных. Исследования В.И. Модестова явились значительным вкладом в европейскую историографию, получили широкое признание.

3.3. Социально-экономическая проблематика - один из императивов российской историографии второй половины XIX - начала XX вв.

Среди всех проблем, к которым обратилось социально-экономическое направление в изучении Рима (землевладение, колонат, аграрные реформы, римский капитализм), вопрос собственности, прежде всего земельной, стал центральным. Он постоянно поднимался историками. И это уже в середины XIX века связывалось, главным образом, с обострением в общественной жизни России «крестьянского вопроса», с задачами буржуазных преобразований, реформ. Между тем исследования в этом направлении развивались тогда и в других странах Европы, имея свою обусловленность. Однако как на Западе, так и в России этому направлению в немалой степени способствовало введение в научный оборот новых видов источников, свидетельствовавших о социально-экономической истории, материальной культуре, а также исторический интерес к этой проблематике у юристов. Но для российских учёных всё-таки общественно-политический фактор (при всей важности внутренней логики развития науки) был определяющим, и поэтому использование достижений западноевропейской науки определялось для них, по словам Б.Г. Могильницкого, тем, «... насколько созданные ею теории применимы к решению тех задач, которые ставила перед ними русская действительность, насколько они способствовали решению этих задач»⁴⁵⁴. Этот вывод, сделанный на материале отечественной медиевистики, применим и в данном случае.

Проблемы рабства, история патрициев и плебеев начали изучаться ещё в первой половине XIX в. Интерес к этому поддерживался и позднее, в 60-е - 70-е гг. XIX в. Но уже в 80-90-е гг. работ о социальных, экономических отношениях в Риме публиковалось больше нашего. На этом же уровне держалась эта динамика и в 90-е гг. Но уже в 900-е гг. количество публикаций возрастает более чем в два раза, по сравнению с 90-ми гг. Однако в 10-е гг. XX в. (по 1917 г.) этот показатель уменьшился снова в два раза. Таким образом, наивысший интерес к указанной тематике отмечен в 1900-е гг. (см. Приложение на стр.)

Какие научные проблемы обсуждались в эти годы?

Обратимся к «реформе» и поддерживающим её общественным движениям, которая относится, пожалуй, к числу «вечных», волнующих общество и науку, на каждом новом витке исторического развития. Интерес объясняется как потребностями эпохи, так и логикой развития науки, стремящейся по-новому взглянуть на прежние проблемы, выявив при этом общие, типические черты, выводящие на теоретический уровень обобщения.

Интерес к изучению истории реформаторского движения в Риме в эпоху Гракхов на протяжении всей второй половины XIX - начала XX вв. обуславливался, главным образом, обострением «крестьянской проблемы» в России, что признавали и сами авторы работ.

Этот вопрос был затронут ещё в 1861 г. учеником Д.Л. Крюкова П.М. Леонтьевым в работе «О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме». В 1871 г. уже специально к нему обратился В. Запольский, в 1884 г. - Ф. Дадынский, в 1894 г. - Э. Гримм, в 1895 г. - Н. Лятошинский, в 1905 г. - С. Русова, в 1906 г. - Н. Зворыкин, в 1909 г. - Г. Квасницкий, в 1910 г. - Э. Фельсберг, в 1913 г. - Э. Штерн, в 1917 г. - Е. Звягинцев. Наиболее основательной из всех вышеперечисленных авторов стала монография учёного из Юрьевского (Тартуского) университета Э. Фельсберга «Братья Гракхи». Многие другие работы носили по преимуществу научно-популярный характер, хотя всем им была присуща яркая обусловленность общественно-политическими взглядами их создателей. Так, прямо или косвенно на идейно-методологических основах указанных трудов отразились идеи российского либерализма, буржуазного демократизма, реформаторские устремления. Наиболее характерно своё беспокойство за судьбы России выразил Н. Зворыкин. В разгар первой российской революции в 1906 г. он писал: «Переживаемые нами тревожные события и нависшая над нами грозная туча в области землеустройства обязывают нас искать выхода из этого тяжёлого положения; иначе нам угрожает разрушение самых драгоценных устоев социального строя нашего дорогого отечества»⁴⁵⁵.

В целом надо отметить, что при описании исторического опыта Гракхов ставились задачи прежде всего его популяризации, но одновременно выяснялись причинно-следственные связи в этом движении и его уроки, пропагандировались реформы как эволюционной формы исторического процесса, исследовались и историографические проблемы, обусловленные внутренней логикой науки.

П.М. Леонтьев считал, что аграрные законы не спасли государства, потому что носили паллиативный характер⁴⁵⁶; государственный интерес пришёл в столкновение с имущественными интересами аристократии (это и точка зрения В. Запольского)⁴⁵⁷. Гай Гракх, писал П.М. Леонтьев, был истинный патриот, но, «... время было дурное; время было революционное»⁴⁵⁸.

Э. Гримм, а также и П.М. Леонтьев считали, что при тех условиях римской жизни без войска невозможно было упрочить положение реформаторов; этим средством впоследствии воспользовались другие, например, Цезарь. П.М. Леонтьев заметил, что такую поддержку могли бы оказать и провинции⁴⁵⁹.

Подробный анализ движения Гракхов, а также предыстории аграрного движения содержала работа Э. Фельсберга, основанная на большом и разнообразном источниковом материале (нарративные, эпиграфические, папирологические источники); проанализирована в ней и история изучения проблемы в мировой историографии. Э. Фельсберг скептически оценил работы таких отечественных исследователей этой проблемы, как В. Запольский, Э. Гримм, Н. Зворыкин; он сделал также обзор западной литературы⁴⁶⁰. Историк все законы Гая по социальному признаку тех, кто выступил (за личную безопасность, в интересах бедных граждан, в пользу «класса капиталистов» и т.д.⁴⁶¹

По мнению харьковского учёного Э. Штерна, Э. Фельсберг здесь был близок к точке зрения Р. Пёльмана, высказанной ранее. Сам Э. Штерн пытался в статье о деятельности Тиберия Гракха объединить точки зрения Шварца-Моммзена и Пёльмана-Фельсберга⁴⁶². По его мнению, Тиберий шёл путём «социал-реформатора», впоследствии вступив на путь «социал-революционера»⁴⁶³. Революционером Т. Гракха считал и варшавский историк Ф. Дадынский⁴⁶⁴. С момента «вступления на революционный путь» от Тиберия отвернулись прежние друзья и сторонники, писал Э. Штерн⁴⁶⁵. Это, на его взгляд, наиболее наглядно проявилось так и в России в 1905-1906 гг.

Подытоживая сказанное об изучении реформаторского движения Гракхов в российской историографии Рима, констатируем, что обращение к этой теме во второй половине XIX - начала XX вв. обуславливалось, главным образом, потребностями в изучении исторического опыта решения аграрного вопроса, который мог бы пригодиться в ходе буржуазных преобразований в России.

Другой проблемой, также непосредственно связанной с аграрным вопросом в Риме и вызвавшей значительный интерес в российской историографии, стал вопрос о колонате. Отечественная историография достигла здесь значительных результатов. Работы о колонате таких авторов, как П.Г. Виноградов и М.И. Ростовцев, по их выходе становились явлением в мировой историографии. Монография М.И. Ростовцева сразу вышла на немецком языке в Берлине-Лейпциге, хотя основное её содержание нашло отражение в нескольких статьях учёного о колонате в журналах «Современный мир», «Филологическое обозрение», в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона⁴⁶⁶. Основываясь на новые источники, были выполнены следующие работы: Г. Пригоровского «Развитие колонатных отношений в римской Африке», вышедшая в 1909 г. в Москве, ученицы М.И. Ростовцева Ф.М. Нахман

«Об историческом развитии мелкоарендных отношений в северной Африке в первые три века империи» (ЖМНП, 1909 г.), статья П. Бицилли «Colonus et conductor в свете новейших исследований» (ЖМНП, 1913 г.). Менее самостоятельным был труд М. Белоруссова «Колонат», вышедший в 1903 г. в Варшаве, в котором по большей части излагались сложившиеся в науке мнения по этому вопросу.

Обратимся вначале к некоторым представлениям П.Г. Виноградова. Изучая социальное устройство Римской империи до периода её завоевания, он выделил три главные признака видоизменений или «превращений» этого устройства: образование колоната, установление патроната для защиты и покровительства частным лицам в дополнение и даже наперекор государству, распространение договоров вечной и долгосрочной аренды⁴⁶⁷. Уже в работе «Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии», опубликованной в 1880 г., где ещё не вводились в научный оборот эпиграфический, папирологический материалы, П.Г. Виноградов сделал важные выводы о двух видах колоната и о причинах развития процесса закрепощения в Римской империи (аграрные и фискальные отношения), которые затем получили развитие в работах М.И. Ростовцева и Д.М. Петрушевского⁴⁶⁸. Плодотворной оказалась и постановка проблемы о договорах арендных отношений, поднимавшейся в работах М.И. Ростовцева, Ф.М. Нахман и других.

В статье «Аграрный кризис в Римской империи», опубликованной в 1904 г., П.Г. Виноградов уже на основе привлечения надписей продолжил рассмотрение этой проблемы и также пришёл к важным теоретическим выводам. Он не согласился с утверждением о том, что феодальная система уже по существу сложилась в поздней империи. Это был поспешный, на его взгляд, вывод «Одновременно с усилением политического влияния вельмож замечается, - писал он, - характерная беспомощность их в экономическом отношении»⁴⁶⁹. Для империи, выходом из кризиса в эту эпоху был начавшийся рост хозяйственного самоуправления в виде аренды и рост политического патронажа вельмож⁴⁷⁰.

Самая важная сторона в этом процессе, по убеждению учёного, - образование колоната. До этого неизученным оставался вопрос о роли колоната как средства поддержания и усовершенствования земледелия империи. П.Г. Виноградов, обратившийся к этой проблеме, пришёл к следующим выводам: «Низкая арендная плата, хозяйственное самоуправление и помощь в случаях нужды были главными силами, которые прикрепляли людей к земле сильнее, чем политические и уголовные меры»⁴⁷¹. Таким образом, он выделил экономическую заинтересованность в колонате. Историк считал, что почвой общинных связей становились умеренные условия аренды и соединение отдельных арендных держаний в сельские общества с определёнными правовыми и хозяйственными обычаями⁴⁷². В них П.Г. Виноградов в противоположность школам «романистов» и «германистов» доказывал,

что феодализм в Италии создавался как на римской (колонат, рост хозяйственной и политической самостоятельности), так и на германской почве (община лангобардов).

С основными выводами П.Г. Виноградова согласился и И.М. Гревс в статье «Новое исследование о колонате», посвящённой анализу трудов Ф. де Куланжа и других исследователей, выводя в ней колонат из свободной аренды (когда эти арендаторы вследствие задолженности попадали в крепостное состояние). Здесь, высоко оценивая заслуги Ф. де Куланжа, И.М. Гревс одновременно критически отозвался о теориях «романистов» и «германистов»⁴⁷³.

Тему органического развития колоната из свободной аренды в крупных государственных и частных имениях продолжил М.И. Ростовцев, выступивший за «эволюционный», а не «механический» генезис колоната, в чём его незаслуженно обвиняли⁴⁷⁴. Впервые к проблеме колоната он обратился в 1900 г. на материале новых, только что опубликованных надписей из Милета. То были акты продажи участка земли Антиохом II Селевкидом в 253 г. до н. э. На их основании он выделил сходство и различие в эллинистических и римских земельных отношениях. Общим была домениальная организация, экстерриториальность доменов, аренда, прикрепление к земле...⁴⁷⁵ М.И. Ростовцев считал, что в связи с поглощением в ходе римского завоевания территорий других государств, включая домены эллинистических царей, Рим унаследовал эти древневосточные формы, а также и колонат. «Империя застаёт, таким образом, - писал учёный, - на Востоке два основных принципа земельных отношений: экстерриториальность и зависимую аренду. Она переносит оба эти принципа на запад сначала в домены, лично принадлежавшие императорам, примыкая по отношению к аренде к эллинизму и староиталийским традициям в противоположность латифундиальному принципу, пришедшему из Карфагена и получившему полное признание в Римской республике»⁴⁷⁶.

В 1910 г. в результате большой исследовательской работы учёный опубликовал в Лейпциге-Берлине на немецком языке большой труд о колонате. По отзыву его современника А. Вольдемара, эта проблема впервые была поставлена М.И. Ростовцевым «во весь рост в мировой историографии»⁴⁷⁷. Материал для написания работы давал большой массив новых источников из Египта, Малой Азии, Месопотамии. Их изучение дало следующие представления: весь эллинистический Восток не знает широкого применения рабского хозяйства, нет оснований предполагать его и для значительной части Запада (исключение - Италия, Сицилия, Африка); весь Восток жил в условиях хозяйства за часть продукта⁴⁷⁸.

На широком историческом и географическом фоне учёный выявил глубокое отличие экономической и социальной жизни Запада от Востока и начавшееся их

взаимопроникновение с периода эллинизма. Эти точки соприкосновения различных укладов на Востоке и Западе, писал он, значительно способствовали амальгаме⁴⁷⁹. Так, вопрос о колонате у М.И. Ростовцева распался на ряд вопросов об аграрной эволюции отдельных частей Римской империи в доримский и римский периоды. При этом он заметил, что в этом вопросе возможны только исследовательские попытки ввиду относительности характера самих источников.

Рассмотрев аграрные отношения в Египте и Малой Азии, М.И. Ростовцев на новом источниковом материале отметил прикрепление к земле в тех или иных формах и арендную плату уже как факты древнеримской жизни⁴⁸⁰.

Он обратил внимание только на некоторые явления аграрного развития Италии, поскольку этот вопрос к тому времени получил рассмотрение в других работах. Рассмотрев проблему концентрации земли в руках крупных капиталистов⁴⁸¹, учёный пришёл к выводу, что «государственных земледельцев» Италия не знает, в отличие от Востока. В Италии прослеживается явная зависимость от господина (исключение - колонны Гракхов, колонны императорских имений)⁴⁸², но со времени Септимия Севера стало ощущаться сильное влияние Востока в лице «императорских земледельцев»⁴⁸³.

Характерную черту Карфагена М.И. Ростовцев видел в помещичьем хозяйстве, которое велось при помощи рабского труда, а также колонов⁴⁸⁴.

Причину прикрепления колонов М.И. Ростовцев видел в необходимости предотвращения их бегства. «В интересах государства, - писал он, - было остановить это бегство, остановить же его можно было только насилием. Мера насилия была всё та же: выработанное ещё эллинизмом «учение о приписке», о «родине» (по лат. *origo*, по греч. *idia*), учение, которое было в силе во всей античности и применение которого в крайних размерах было только логическим из него выводом»⁴⁸⁵. Ибо юридически в IУ в. н.э. это было ещё трудно зафиксировать, так как существовали принципы гражданского права.

В русле научных интересов М.И. Ростовцева была статья его ученицы, слушательницы Высших женских курсов Ф.М. Нахман «Об историческом развитии мелкоарендных отношений в северной Африке в первые три века империи», опубликованная в 1909 г. в Журнале министерства народного просвещения. На основании надписей, а также разбора *Lex Manciana* в работе доказана ошибочность некоторых теорий об обработке мелкими арендаторами плодородных земель. По мнению автора, развитие мелкоарендных отношений находилось в зависимости от плодородия почвы и юридического обоснования пользования этой землёй⁴⁸⁶.

В этом же направлении, при использовании новых источников, была выполнена и монография Г. Пригоровского о колонатных отношениях в римской Африке. Автор её не поддержал точку зрения М.И. Ростовцева о происхождении колоната, считая этот институт результатом развития аграрных отношений в Римской империи, а не заимствования, из крепостных отношений на царских доменах Малой Азии⁴⁸⁷, как считал М.И. Ростовцев. Анализируя надписи, найденные в Тунисе, он утверждал, что «... африканские колоны не временные съёмщики, а постоянное население поместья... Итак, задолго до официального закрепощения создаётся фактическое прикрепление колонов к земле»⁴⁸⁸. Колоны в Африке, считал он, это мелкое зависимое население, работающее на кондуктора и прокуратора, отдавая ему часть урожая, отрабатывая барщину, неся сторожевую службу в поместье⁴⁸⁹. А арендаторы выплачивали, в отличие от них, денежную арендную плату⁴⁹⁰. Земледельческое население вотчин в Африке состояло из местного берберского населения и переселившихся на пустующие земли⁴⁹¹.

Вопрос об аренде государственных земель в III - V вв. занимал и П. Бицилли, опубликовавшего в 1913 г. статью о колонах и кондукторах в свете новейших исследований. Хотя это была в большей степени историографическая статья, автор её анализировал также эпиграфические, юридические, нарративные источники. Высоко оценивая наблюдения М.И. Ростовцева, исследователь, однако, больше придерживался точки зрения П.Г. Виноградова, отмечавшего определённую специфичность западного колоната. Так, ссылаясь на работу этого историка о средневековом поместье, П. Бицилли отметил тот факт, что «наличность свободного крестьянства в ту эпоху всеобщего закрепощения - факт, всё более находящий себе признание в настоящее время. Встречая в источниках слово *colonus*, нельзя обязательно переводить его термином «крепостной человек»⁴⁹².

Размышления об этом же аспекте процесса закрепощения в Римской империи содержались и в фундаментальной работе Д.М. Петрушевского «Очерки из истории средневекового общества и государства», первое опубликование которой состоялось в 1907 г., затем переиздававшейся как в СССР, так и за рубежом на английском, немецком, итальянском языках⁴⁹³. Идеино-методологические основы творчества Д.М. Петрушевского применительно к истории средних веков получили глубокое рассмотрение в статьях А.И. Данилова и Б.Г. Могильницкого⁴⁹⁴.

В статье о Д.М. Петрушевском как историке Римской империи Н.А. Машкин отмечал, что у него история римских городов - это социальный процесс, тогда как у его предшественников - история управления. «... Прикрепление к государственному тяглу куриалов,- писал Д.М. Петрушевский, - путём постепенного превращения их в наследственно несущее бремя муниципальных повинностей и фискальной ответственности сословие представляет собою

лишь один из элементов общего процесса закрепощения, которому постепенно подверглось римское общество в течение четвертого и пятого веков под всё возрастающим бременем требований, предъявлявшихся ему государством»⁴⁹⁵.

Говоря о колонате, Д.М. Петрушевский видел в этом социальном явлении процесс постепенного закрепощения⁴⁹⁶. Особую роль в хозяйственной жизни поздней империи он отводил крупному поместью, представлявшему своеобразную систему мелких хозяйств, тянувшихся к одному центру в связи с потребностями натурального хозяйства поместья и императорского фиска⁴⁹⁷.

Очень важно и то, что Д.М. Петрушевский, анализируя базисные отношения, констатировал изменение роли рабского труда, уменьшение их числа и характера эксплуатации. При этом он особое внимание уделил роли политического воздействия на социальную жизнь со стороны государства, что стало своеобразием этого труда⁴⁹⁸. Внося принцип принуждения во все сферы социальной жизни, превращая государство в крупный ойкос, империя тем самым, считал историк, убивала основы хозяйственного и общего культурного развития, несовместимого с подавлением личной и общественной энергии и инициативы⁴⁹⁹. Финансовому и хозяйственному развитию Рима было посвящено кандидатское сочинение Л. Комаровского, но оно фактически представляло собой компиляцию из сочинений античных авторов и трудов западноевропейских исследователей, на что указывал сам автор⁵⁰⁰.

Новые наблюдения содержались и в работе В.И. Синайского «Подушный надел в Древнем Риме» и «Очерки из истории землевладения и права в Древнем Риме». Учёный из Юрьевского университета выдвинул идею о древней вооружённой гражданской общине в противоположность общинно-родовой или религиозно-родовой. В основании организации таковой общины он видел её самозащиту при помощи военной силы. Автор также высказался в пользу воинского надельного землевладения, которое он считал исконной формой хозяйственного быта Древнего Рима⁵⁰¹.

И.М. Гревс, обратившись к изучению роли крупного сельского поместья в аграрной истории Рима во время империи, заметил, что все последние труды по истории римского земельного строя сосредоточивались на выяснении развития крупной собственности и организации большого поместья, подтверждая, таким образом, что в этом состоит кардинальный пункт всей проблемы⁵⁰².

Тщательно проанализировав поместье Горация, сравнив эти данные с другими, он пришёл к выводу, что «главными господствующими формами земельного строя, определявшими отношение свободного человека к земле, были следующие:

латифундиальная собственность и мелкое фермерство (разрядка автора В.Л.); крестьянское же и мелкопоместное землевладение не имело рядом с двумя названными формами в римском мире при утверждении империи самостоятельной силы, достаточной, чтобы успешно бороться с первой или свободно развиваться параллельно с нею»⁵⁰³. Рабское плантационное производство, считал он, лишало крестьян нужного для них места, ставило их в колеблющееся положение⁵⁰⁴.

И.М. Гревс был согласен с Т. Моммзеном в том, что ветеранское землевладение не утвердилось в Риме (ветераны разорялись, продавали свои участки или теряли их в результате участия в политических заговорах)⁵⁰⁵.

Много места в своём исследовании И.М. Гревс посвятил изучению «экономической биографии» П. Аттика, в которой «... отразились особенности крупных землевладельцев», «капиталистов», отстранившихся от политической жизни и покорных всякой власти, лишь бы она охраняла их блага⁵⁰⁶. Он был в большой степени сторонником бюхеровского понимания аграрного устройства Рима в его ойкосности. «Капиталистический строй», считал он, не мог прочно утвердиться в римском мире, как на том настаивал Э. Мейер⁵⁰⁷. Своим исследованием российский учёный убедительно доказал тезис Плиния «латифундии покрывали Италию даже в начальный период империи»⁵⁰⁸. Основная причина упадка империи, считал он, «... слишком сложна, чтобы её назвать экономической. Это - социальная причина. Мы формулировали её как возрождение и торжество крупных ойкосов внутри римского общества»⁵⁰⁹. Историк провёл исследование преемственности между «ойкосом» и «феодализацией». При этом он высказался в пользу того, чтобы «феодализм» изучался не статично, по признакам, как в школе «романистов», а по генетическому изучению, «по слоям». «Европейский феодализм, таким образом, он выводил не из условий, созданных германскими варварами, а из разложения римского общественного строя»⁵¹⁰.

Развитие капитализма в Западной Европе и России вызвало особый интерес к изучению этого типа экономического развития в политэкономии, истории, философии... Постепенно в науку стали вводиться новые термины, связанные с экономическими категориями капитализма, отразившие, с одной стороны, изменения в социально-экономической жизни, а с другой - поиски генезиса этих категорий во всемирно-историческом процессе. И это был естественный процесс развития науки, когда на новом историческом этапе стали выявляться те черты уже прошедших эпох, которые ранее не привлекали внимания. Так, К. Маркс, внесший выдающийся вклад в изучение политэкономии капитализма, специально исследовал вопросы древней экономики. Во «Введении к экономическим рукописям 1857-1858 гг.» он, говоря об особенностях своего подхода, писал, что буржуазная экономика «... есть наиболее развитая и наиболее

многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникнуть в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой ещё не преодолённые остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т.д. ... Буржуазная экономика даёт нам, таким образом, ключ к античной и т.д.»⁵¹¹. Применённый К. Марксом исторический подход, сочетавший исследование генезиса, сравнение, аналогии, позволил ему сделать концептуальные обобщения о типичных чертах во всемирно-историческом процессе и конкретно-историческом своеобразии его отдельных эпох.

Российская наука с учётом новых социально-экономических и научных реальностей также включилась в углубленное изучение экономических процессов в Древнем Риме. Экспансия капитализма на российской почве второй половины 19 - начала 20 века совпала с началом употребления в исследованиях об античном мире некоторых новационных терминов, популярных в то время, которые можно объединить в понятие «римский капитализм».

Впервые в российских исследованиях термины «капиталисты» и «пролетариат» применительно к греческой и римской античности используются М.П. Леонтьевым, в работе, опубликованной в 1861 г. В дальнейшем о «заводах», «классе капиталистов», «пролетариате» в античном мире мы читаем в работах Ю. Кулаковского 1881-1882 гг. Э.Д. Гримм пишет в 1894 году о «капиталистическом строе» в Сицилии и Карфагене. М. Кречмар в 1905 году исследует «капиталистический строй», «фабрики и заводы» в Древнем Риме. К.М. Смирнов в 1909 году публикует свою работу о «банках и банковском депозите» в древнем мире. У Ф. Дадынского встречается выражение «безземельный пролетариат» (в 1884 г.), у «А.Ш.» - «пролетариат» (в 1900 г.), у П.Г. Виноградова - термин «капиталисты» (в 1880 г.), у И.М. Гревса в работе 1899 г. читаем о «капиталистах», «капитале», «торговой и промышленной буржуазии», у Д. Петрушевского в работе 1907 г. - о «капитализме», «капиталистическом строе», у М. Белоруссова в исследовании 1903 г. - о «капитализме», часто в трудах М. Ростовцева говорится о «мелкой и средней земледельческой буржуазии», «крупных капиталистах», «мелких капиталистах», «капитале», - применительно к античному миру. А.И. Бибиков вводит в 1917 г. понятие «древнеримский капитализм».

Это указывает на широкое распространение указанной терминологии среди исследователей античного мира.

Являлось ли введение новых терминов отражением нового уровня познания античности или модернизация терминологии имела только внешнюю мотивацию, была

связана с желанием придать актуальность знаниям об античном мире? Прослеживается ли в данном случае взаимосвязь этой проблемы с развитием европейской науки? Таким образом, ставится проблема репрезентативности понятия «римский капитализм», использовавшегося в текстах дореволюционных исследователей.

Рассмотрим эту методологическую проблему через изучение того понятия, которое вкладывалось в исходный и ведущий, в данном случае, термин «капитал».

В российских дореволюционных исследованиях под термином «капитал» понималось денежное, земельное богатство, товары в широком смысле слова. Поэтому «капиталистом» назывался человек, обладающий капиталом. Это было подмечено и в работе А.И. Бибикова о римском капитализме, опубликованной в 1917 г., где он писал, что в современной ему науке термин «капитал» употребляется в двух значениях: во-первых, как запас благ, предназначенных для дальнейшего производства, а во-вторых, в качестве общественно-экономического уклада. Использование этого термина в связи с античной экономикой он объяснял отсутствием более подходящего аналога. «Римский капитализм, - подчёркивал А.И. Бибикив, - есть своеобразное явление в области хозяйственных отношений, есть порождение своеобразных экономических, естественных и исторических обстоятельств в пределах определенного места и определенного времени. Это своеобразие, делающее римский капитализм нетождественным с нашим, заключается, как мы указывали выше, не только в условиях, но и в средствах и методах... Законы современного капиталистического производства к Риму неприменимы, и нужно признать оригинальность формы римского капитала, управляемого ему только присущими законами производства, обмена и распределения»⁵¹².

Д.М. Петрушевский понимал римский капитализм как общественно-экономический уклад при определяющей рабовладельческой тенденции. «Конечно, нет надобности, - писал он, - отождествлять капиталистический строй древних обществ с нашим... разница лишь в степени, разница лишь количественная...»⁵¹³. Особенностью капитализма эпохи римской республики считал он, было то, что он «...не поднимал и не развивал промышленность и не создавал новых ее отраслей, а сам жил за счет продуктивности провинций, истощая хозяйственные силы и убивая хозяйственную жизнь провинций»⁵¹⁴. Вместе с тем, основной особенностью римского хозяйства по его мнению были натуральность, ойкосность. Он был согласен с М. Ростовцевым в том, что расцвет «капитализма» в последние века республики вызван был не экономическими, а чисто политическими причинами: «...завоеванием и своеобразной эксплуатацией провинций...»⁵¹⁵.

Понимание «римского капитализма» как общественно-экономического уклада встречается и в западноевропейской историографии 19 века, например, в «Истории Рима» Т.

Моммзена, в «Капитале» К. Маркса, в трудах Родбертуса и Бюхера. Так, К. Маркс находил в Риме денежно-торговый и ростовщический капитал. Он писал, что «в Древнем Риме со времени последних лет существования республики, где мануфактура стояла ниже среднего уровня развития в античном мире, купеческий капитал, - денежно-торговый капитал и ростовщический капитал достигли - в пределах античных форм - высшего пункта развития»⁵¹⁶. Родбертус и Бюхер в полемике с Э. Мейлером отстаивали свое понимание римского капитализма как уклада. Первые настаивали на признании патриархальности, ойкосности древней экономики в целом. А Э. Мейер, напротив, считал, что древний мир достиг развитых форм капиталистических отношений⁵¹⁷.

Российские исследователи, оказавшись вовлеченными в эту дискуссию, выразили свое отношение к наличию капитализма в Риме. Эта проблема получила подробное исследование в трудах И. Гревса, М. Кречмара, М. Ростовцева, Д. Петрушевского, А. Бибикова.

Больше всех взглядов К. Бюхера придерживался И. Гревс, основательно изучивший проблему. Значительное место он уделил в своем исследовании «экономической биографии» Помпония Аттика, в которой «...отразились особенности крупных землевладельцев», «капиталистов»⁵¹⁸, отстранившихся от политической жизни и покорных всякой власти, лишь бы она охраняла их блага. В большой степени учёный был сторонником бюхеровского понимания аграрного устройства Рима в его ойкосности. «Капиталистический строй», считал он, не мог прочно утвердиться в римском мире, как на том настаивал Э. Мейер. Он убедительно доказал тезис Плиния - «латифундии покрывали Италию даже в начальный период империи»⁵¹⁹. Основная причина упадка империи, считал он, «...слишком сложна, чтобы ее назвать э к о н о м и ч е с к о ю. Это - социальная причина. Мы формулировали ее как возрождение и торжество крупных ойкосов внутри римского общества»⁵²⁰.

Противоположную точку зрения в российской науке отстаивал М. Кречмар. Он внимательно изучил источниковую базу выводов К. Бюхера и, опираясь на нее, сформулировал иные выводы. Так, он доказывал наличие в императорских доменах фабрик и заводов, капиталистического производства, при этом замечая, что «промышленная деятельность государства была исключительно направлена на удовлетворение внутренних потребностей, носила характер домашнего производства»⁵²¹. В этой работе он открыто встает на сторону Э. Мейера, признав наличие развитого капитализма в древнем мире.

В изучение проблемы «римского капитализма», финансовой системы Римской империи значительный вклад внес фундаментальный труд М. Ростовцева «История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)», опубликованный в С. - Петербурге в 1899 г. Ученый пришел к выводу, что в римской

практике сбора податей несомненны следы эллинистической практики. «Как в Сицилии, так и в Азии, - отмечал он, - основой обложения служила городская территория, и сбор в пределах ее совершался при посредстве откупа»⁵²². Уже в республиканском Риме откупщики сделались «капиталистами», т.е. владели большими капиталами. Откупщики облегчали государству сбор податей, поэтому были ему выгодны⁵²³.

Другой причиной особого интереса российских ученых к «капитализму» в Риме стало интенсивное развитие современного капитализма в Западной Европе и России. Этот интерес охватил представителей разных отраслей научного знания: историков, юристов, экономистов, философов и т.д. В научный оборот стали вводиться новые термины, связанные с экономическими категориями капитализма, отразившие, с одной стороны, изменения в социально-экономической жизни, а с другой – поиски генезиса этих понятий и категорий во всемирно-историческом процессе. Это было естественным следствием развития науки, когда на новом историческом этапе стали выявляться те черты уже прошедших эпох, которые ранее не привлекали внимания. Так, К. Маркс, внесший выдающийся вклад в изучение политэкономии капитализма, специально исследовал вопросы древней экономики. Во «Введении к экономическим рукописям 1857-1858 гг.» он, объясняя особенности своего подхода, писал, что буржуазная экономика, «...есть наиболее многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникнуть в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влечь за собой еще неопределенные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т.д.»⁵²⁴.

Поэтому и российская наука, с учетом новых социально-экономических и научных реальностей, также включилась в углубленное изучение экономических процессов в Древнем Риме. Употребление современной (модернизированной) терминологии не сопровождалось, за некоторыми исключениями (М. Кречмар), «введением» для Древнего Рима развитых капиталистических отношений уровня способа производства.

Таким образом, российская дореволюционная наука в исследованиях об античности развивалась в единстве с европейской. Материалистический характер русского позитивизма в сочетании с введением в XIX веке в научный оборот нового круга источников (вещественных) и поиска генезиса современного капитализма, выдвинуло социально-экономическое направление. Этим был обусловлен интерес и к изучению экономического развития Древнего Рима.

Введение в словарный оборот научного исследования популярной в российском обществе XIX века терминологии имело именно методологическое объяснение, являлось

отражением нового уровня познания античности. Мнение А.И. Бибикова о том, что понятие «древнеримский капитализм» стало использоваться из-за отсутствия более подходящего для античной экономики аналога, представляется убедительным. Проблематика социально-экономического направления может быть объяснена более основательными причинами, чем примитивная актуализация знаний об античности.

Понимание «римского капитализма», сложившееся в русской дореволюционной историографии, выявляло его как общественно-экономический уклад в римской экономике, обусловленный своеобразием рабовладельческой эпохи, специфическими средствами и методами функционирования античной экономики, управляемой присущими этому этапу законами производства, обмена и распределения.

Специфика римского капитализма, подмеченная Д. Петрушевским, - в его спекулятивном характере, истощавшем, в основном, натуральное хозяйство римского ойкоса.

Особая позиция русского ученого Михаила Кречмара, на наш взгляд, также представляет существенный интерес, хотя и не нашла последователей в то время. Его концепция, основанная на глубоком анализе массива разнообразных исторических источников, незаслуженно была обойдена вниманием специалистов и ждет не менее глубокого исследования.

Следует отметить также публикацию во второй половине XIX - начале XX вв. ряда работ о рабстве. Выходившие в разное время, они были обусловлены различными причинами и представляют разную научную ценность. Первой работой стала докторская диссертация М.М. Вольского «Рабская обработка земли», вышедшая в 1869 г. Её автор впоследствии стал профессором политической экономии и статистики Новороссийского университета⁵²⁵. Обширное сравнительно-историческое исследование учёного было предпринято, как он сам отмечал, из интереса к тем последствиям, которые несло с собой рабство, а также из потребностей «... практической пользы, касающейся жизненных вопросов»⁵²⁶.

Изучая древнее и южноамериканское рабство, М.М. Вольский пришёл к выводу, что положение рабов и здесь и там было одинаково тяжёлым⁵²⁷. Он проанализировал источники рабства, подсчитал количество рабов, описал виллы, где они работали, связал замену свободных собственников рабами с началом упадка величия Римской республики, рассмотрел отношение христианства к рабству⁵²⁸.

В 1900 г. в Москве вышла небольшая научно-популярная компилятивная статья под инициалами «А.Ш.» «Рабство в Древнем Риме», в которой интерес к этой проблеме

связывался с выходом книги Г. Спенсера «Основания социологии», к которой автор и адресовал читателей, интересующихся рабством⁵²⁹.

В 1916 г. была опубликована книга Н. Мухина, доктора церковной истории Киевской духовной академии⁵³⁰. Эта работа носила описательный характер и по сравнению с трудом А. Валлона о рабстве, на наш взгляд, вносила мало нового. В изменении отношения к рабству он большую роль отводил христианству, которое произвело в этом вопросе «величайшую социальную реформу, какую только знает мировая история»⁵³¹.

Самыми значительными в российской историографии стали работы Ю.А. Кулаковского о рабстве, не потерявшие своей ценности до сих пор благодаря тщательному анализу привлечённых эпиграфических источников. Первая его статья - «Коллегии в среде рабов в Римской империи», опубликованная в ЖМНП в 1882 г., - свидетельствовала о том большом значении, какое автор придавал рабству в Риме. Говоря о том, что рабство процветало в поздней Римской республике, исследователь заметил, что «рабство было главным фактором в процессе разложения римских социальных отношений. Оно убило свободного мелкого землевладельца на полях Италии»⁵³². Ю.А. Кулаковский описал факты наличия в Риме рабских коллегий, возникших из необходимости организации погребений, выделил категории рабов, входивших в них, на эпиграфическом материале.

Эта тема была продолжена им и в фундаментальном труде «Коллегии в Древнем Риме. Опыт по истории римских учреждений», опубликованном в 1882 г. в Киеве. Правда, эта работа в основном была посвящена изучению коллегий в среде свободного населения на основе эпиграфики. Так, он исследовал коллегии в сфере сакральной, в экономической жизни Рима, коснулся системы откупов.

Указанное исследование Ю.А. Кулаковского было важным вкладом в изучение социальных отношений в Риме. Кроме уяснения фактической стороны вопроса, автор поставил проблему: в какой степени ремесленные общества римлян могут иметь общее со средневековыми цехами. Проанализировав обстоятельства возникновения, функционирования корпораций, он отметил два пути их возникновения среди промышленного населения Рима: добровольное соединение и потребности государства⁵³³. Автор выявил также тенденцию к монополизации промыслов через коллегии⁵³⁴. В заключение В.А. Кулаковский признал, что в последних веках империи ремесленные корпорации оказались прототипами цехового строя, господствовавшего в городских общинах Западной Европы в средние века⁵³⁵. Подчеркнём, что этот труд после его публикации получил высокую оценку И.В. Помяловского⁵³⁶.

Отметим также публикацию трудов о различных обществах. Наиболее ценными из них стали те, которые основаны на вещественных источниках. Таковой, в частности, стала работа П.Ю. Куля «Провинциальные собрания у римлян. Их организация и функции в век принципата», вышедшая в 1898 г. в Харькове, а также И. Турцевича «Orbis in Urbe. Центры и общества земляков и иноверцев в императорском Риме 1-III вв.», опубликованная в 1902 г. в Нежине. Менее основательной была работа Л.Н. Беркута «Устройство и управление городских общин в римском государстве преимущественно в эпоху империи. Историко-юридический очерк», опубликованная в 1912 г. в Варшаве. Она работа вышла практически без ссылок.

Таким образом, исследование социально-экономической проблематики обнаруживает очевидную зависимость от общественных, экономических процессов в самой России того времени, идейно-теоретических позиций учёных, при этом на российскую историографию оказала влияние и внутренняя логика изучения этих проблем в западной науке.

Наибольшую актуальность имели проблемы, связанные с изучением реформаторских социальных движений в Риме (деятельность Гракхов), римского землевладения, в частности колоната, финансовой стороны римской экономики, рабства и рабских коллегий.

Интерес к изучению причинно-следственных связей движения Гракхов, его уроков обуславливался остротой «крестьянского вопроса» в России, потребностью в исследовании исторического опыта реформаторских движений как эволюционной формы исторического процесса.

Значительных результатов достигла отечественная историография в изучении колоната. П.Г. Виноградов исследовал взаимосвязь этого института с социальным устройством Римской империи, виды колоната, его роль как средства развития, поддержания и усовершенствования земледелия. На материале всех известных к тому времени источников из Египта, Малой Азии, Месопотамии, Карфагена и Италии М.И. Ростовцев пришёл к оригинальному выводу о возникновении колоната из свободной аренды в крупных государственных и частных имениях. Он поднял вопрос о роли эллинизма в происхождении колоната, взаимодействия социально-экономической жизни Востока и Запада, о причинах прикрепления колонатов. Оригинальными были и труды о колонате Г. Пригоровского и Ф. Нахман, выполненные на основе новых видов источников.

Подходы И.М. Гревса к изучению римского землевладения были нетрадиционными: это создание «Экономических биографий» крупных земельных собственников посредством

которых он доказал, что господствующими формами земельного устройства в Римской империи были латифундиальная собственность и мелкое фермерство.

Значительное продвижение российской историографии Рима произошло в области изучения финансовой стороны римской экономики. На богатейшем источниковом материале М.И. Ростовцев исследовал откупную систему в римских провинциях, которая, по его мнению, составляла основу городского хозяйства и имела влияние эллинистической практики.

Употребление терминов «древнеримский капитализм», «капиталисты» и т.п. у русских историков было связано в основном с понятием «капитал», под которым подразумевалось денежное, земельное богатство. В целом, в отечественной историографии Рима этого времени употребление модернизированной терминологии не сопровождалось «введением» для Древнего Рима капиталистических производственных отношений как определяющих для этой стадии социально-экономического развития.

Самый значительный вклад в решении проблемы римского рабства внесла работа Ю.А. Кулаковского о рабских коллегиях, выполненная на эпиграфическом материале, в которой он исследовал категории рабов, возникновение и функционирование их коллегий.

3.4. Государственно-политическая история Рима, как актуальный для буржуазно-демократического развития России объект исследования.

Пристальное внимание к государственной и политической истории античности длительное время уделялось не только в российской, но и в мировой историографии. Для этого были разные причины, что было замечено ещё В.П. Бузескулом: раньше привлекала внимание история внешняя, военная, дипломатическая, затем - история государства, государственных учреждений и политических партий, отчасти история культуры, а в век капитализма и рабочего движения - вопросы и отношения социально-экономические⁵³⁷. Между тем и в этот период интерес к традиционной тематике сохранился. К этому следует добавить воздействие самой античной историографии, её приверженность именно государственно-политической истории, что в преобладающей мере определялось тематикой сочинений античных авторов.

М.П. Драгоманов в исследовании об императоре Тиберии писал, что римские историки дают больше всего материала для характеристики двора и сената: «Примем историю двора при некоторых императорах за историю народа в целый период времени, и

мы назовём время римской империи временем окончательного развращения и поблагодарим варваров, уничтоживших этот позор человечества»⁵³⁸.

Динамика изучения государственно-политической истории Рима в России прослеживается не столько в тематике, сколько в методологии. Так, включение в исследовательский процесс новых видов источников в работах Ю.А. Кулаковского, И.В. Нетушила, Э.Д. Гримма создало почву для полемики на новом источниковом материале с зарубежной историографией по широкому спектру проблем, усилило научную ценность их трудов. Новые познавательные возможности давало и усвоение политических, философско-исторических идей Ш.Л. Монтескье, Н. Макиавелли, Г.В.Ф. Гегеля, позитивизма, отличавшее труды В.И. Модестова («Тацит и его сочинения»), М.П. Драгоманова («Император Тиберий», «Государственные реформы Диоклетиана и Константина», «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит»), что углубило теоретическое осмысление истории Рима, а также отразило и влияние западной философско-исторической мысли.

Что касается развития самой тематики, то здесь обнаруживается скорее традиционализм. Таково неизменно на всём протяжении второй половины XIX - начала XX вв., привлекавшей внимание отечественной историографии, была тема Тацита. К ней обращались В.И. Модестов, М.П. Драгоманов, Ю.А. Кулаковский, Э.Д. Гримм, П. Бицилли. Традиционным было обращение к теме императоров и императорской власти (М.П. Драгоманов, И.В. Нетушил, Ф. Дадынский, Э.Д. Гримм, А. Мартов, Ю.А. Кулаковский, Е. Черноусов, П. Бицилли). Через всё научное творчество Ю. Кулаковского проходит тема армии. В 60-е - 80-е гг. сохраняется относительная стабильность в публикации работ по этой тематике. Но уже с 90-х гг. их количество возрастает, достигнув неаибольшего подъёма в 900-е гг., отразив тем самым общую тенденцию. Наиболее значительный вклад тогда внесли исследования И.В. Нетушила, Э.Д. Гримма, Ю.А. Кулаковского, о чём свидетельствовали отклики на их работы.

Обратимся к теме Тацита. Первым трудом по этой теме в русской историографии стал «Тацит и его сочинения» В.И. Модестова 1864 г. Позднее, в 80-е гг., В.И. Модестов издал полный собственный перевод всех произведений этого историка⁵³⁹. А затем последовали «Заметки по Тациту» и «Вопрос о Dialogus de Oratoribus», опубликованные в ЖМНП, и статья «Страница из Тацита», напечатанная в «Нови»⁵⁴⁰. Таким образом, явно чувствуется интерес исследователя к творчеству римского историка, что было подчёркнуто ещё А.С. Шофманом⁵⁴¹. Частично этот вопрос затрагивался в работах и других советских исследователей⁵⁴². Много рецензий на перевод В.И. Модестовым Тацита вышло в дореволюционной литературе, причём, в разных изданиях: в ЖМНП, «Историческом вестнике»,

«Нови», «русской мысли», «Филологических записках», «Русском богатстве»; наиболее основательными были рецензии И.В. Помяловского и И. Турцевича⁵⁴³.

В личной библиотеке В.И. Модестова из всех римских классиков наиболее полно были представлены издания Тацита (для сравнения заметим: книг греческих классиков в библиотеке В.И. Модестова - 87, римских - 249), что, конечно, свидетельствовало об особом почитании этого древнего историка⁵⁴⁴. 30 октября 1886 г. в письме к Л.Ф. Пантелеву он писал, что, судя по уведомлению И.В. Помяловского, "... учёный комитет Министерства народного просвещения одобрил моего Тацита для фундаментальных библиотек гимназий и реальных училищ»⁵⁴⁵, признавая тем самым значение его работы.

«Образ Тацита, страстного республиканца, бичевавшего пороки императорского режима, - писал А.С. Шофман, - и должен был привлечь внимание оппозиционно настроенного по отношению к царскому правительству учёного. К тому же научный перевод Тацита диктовался потребностями времени, так как сделанные ранее в России переводы были недостаточно квалифицированными»⁵⁴⁶. Подчёркивая общественную потребность в таких переводах, высоко оценивая работу В.И. Модестова, И.В. Помяловский заметил, что их появление - «свидетельство поднятия умственного уровня общества»⁵⁴⁷.

В.И. Модестов подробно проанализировал «Историю», «Агриколу», «Германию» Тацита, исследовал политические, философские, религиозные и нравственные убеждения историка. А.С. Шофман, посвятивший этому блестящему дореволюционному автору большую статью, особенно выделял сделанный В.И. Модестовым анализ таких качеств Тацита, как отсутствие у последнего симпатий к принципату Августа, но понимание необходимости принципата; глубокая симпатия Тацита к тем людям, которые возмущались самовластием; общественные добродетели Тацита (любовь к отечеству, предпочтение общественного блага частному, активная деятельность, любовь к правде, твердость, умеренность и воздержание)⁵⁴⁸.

Определяя свои задачи в этом сочинении, В.И. Модестов писал, что его очень беспокоит современная ему "... запутанность в понятиях, убеждениях, принципах, (которая - В.И.), кажется, уже переходит свои границы»⁵⁴⁹. А между тем, замечал он, «сочинения Тацита принадлежат к числу тех великих произведений духа человеческого, изучение которых воспитывает, развивает и укрепляет ум, склонный к размышлению о делах человеческих»⁵⁵⁰.

К творчеству Тацита неоднократно обращался и М.П. Драгоманов. В в работе «Император Тиберий» он часто использовал его труды, давал оценку творчеству. Из римских историков, по его мнению, нет того, кто бы лучше Тацита изобразил Римскую империю⁵⁵¹. В

1869 г. он представил к защите в Киевский университет магистерскую диссертацию «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит». Это сочинение носило в большей степени историографический характер. Здесь развивались идеи о необходимости «полной независимости нового исследователя древней истории от приговоров древних писателей; необходимость изучения её сравнительно с новой, по одним с последнею приёмам и понятиям»⁵⁵². Что же касается вклада в собственно изучение Тацита, то эта работа была отрицательно оценена в тогдашней историографии за слабую источниковую базу, социологизацию, априорность многих выводов⁵⁵³.

Теме «Тацит и Римский империализм» была посвящена статья всеобщего историка П.М. Бицилли, вышедшая в 1912 г. Исследователь особенно выделял стремление римского историка к «просвещённому абсолютизму»⁵⁵⁴. Тацитом руководило «национальное чувство», когда он писал о покорённых народах. «... [Тацит - В.Л.] исходит только из того соображения, что эти интересы совпадают с разумно понятыми интересами господствующей народности. А в этом отношении его взгляды могут быть поучительны и в наше время»⁵⁵⁵. Так взгляды Тацита связывались с идеологическими потребностями эпохи.

Значительное место в творчестве российских историков отводилось изучению системы римской государственной власти, её институтов, в особенности в императорский период. Первым стало уже упоминавшееся сочинение М.П. Драгоманова «Император Тиберий». Профессор Киевского университета В. Бильбасов писал, что «эта монография была тогда же осуждена как плагиат. Небольшой труд Сиверса и брошюра известного публициста Ад. Штара послужили г. Драгоманову основой для его рассказа»⁵⁵⁶. Основная идея его работы в том, что римская империя - не падение римского мира, а прогресс, если не политический, то социальный, культурный.

Государственным реформам Диоклетиана и Константина была посвящена в 1865 г. пробная лекция М.П. Драгоманова в университете Св. Владимира для получения звания приват-доцента по теме, предложенной историко-филологическим факультетом. Претендентом была выработана здесь своя периодизация римской истории: I период - Римское государство городское, II период - Римское государство территориальное⁵⁵⁷. Кроме того, были высказаны соображения о том, что исследователю государственной истории народа прежде всего необходимо изучать государственную систему, идеальные общественные порядки, потом условия, которые вызвали к жизни этот идеал, средства, какими приводился этот идеал в действительности⁵⁵⁸. Описав характерные черты реформ, их влияние на современное европейское право, М.П. Драгоманов вывел «доктрину»: «... равенство, мир, общее преуспевание (подчеркнуто автором. - В.Л.) - вот цель и основа римской империи»⁵⁵⁹. Но на практике, заметил он, система была хуже, чем в доктрине⁵⁶⁰. В

работе «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит» учёный продолжал отстаивать прогрессивный характер Римской империи. По его мнению, империя явилась отражением законных потребностей обширной страны, а не была результатом воздействия более или менее испорченных лиц, порчи римского народа⁵⁶¹. Сравнивая конституции римской республики и империи, М.П. Драгоманов бесосновательно заключал, что конституция последней была прогрессивнее, ибо заключала в себе единство верховной власти и ставила целью государства общее благо всех, без привилегий⁵⁶². Он был противником тех представлений, в которых защищалась благодетельность варварского вторжения. Так, несостоятельным считал он мнение о том, что варвары принесли нравственное возрождение исторического мира, что они способствовали поддержке и распространению христианства (оно распространялось и до них), что именно варвары уничтожили рабство, дали развитие национальностям⁵⁶³.

Отличительная особенность этого исторического сочинения М.П. Драгоманова - его философский, политический, публицистический характер. Как он сам заявил на своей защите, «... диспутант писал для большинства публики и не имел ввиду учёного исследования»⁵⁶⁴. Этим во многом объясняются и возражения его оппонентов в слабом научном уровне сочинения, в котором, на наш взгляд, отсутствовала именно научная историческая концепция.

В 1894 г. начал публиковать «Очерк римских государственных древностей» И.В. Нетушил. Сочинение энциклопедического, а также справочного характера, оно было основано на огромном источниковом материале разных видов и типов, большом массиве историографической литературы. Работа носила ярко выраженный исследовательский характер. Тщательно, с мелкими подробностями описал учёный систему правительственной власти (магистратуру и сенат), её происхождение, функционирование. Говоря о народных собраниях, компетенции комиций, он подчеркнул их важнейшую особенность: «Несмотря на то, что ещё со времён индоевропейской старины собственным носителем государственной идеи является *populus*, народные собрания сперва занимали лишь второстепенное место сравнительно с прочими факторами правительственной власти. Комиции издавна представляют суверенное начало в государственном быту постольку, поскольку *populus* является источником всякой власти в государстве (вышей - непосредственно)»⁵⁶⁵. Отдельный большой отрывок у И.В. Нетушила был посвящён провинциям: основным данным о них, общинам, роли италиков, представителям государственной власти в провинциях. Имелся специальный раздел о чужестранцах.

Эта работа И.В. Нетушила отличалась тщательностью в разработке, интерпретации исторических терминов, таких, например, как *imperium*, *orbis*, *civitas*, *urbs* и т. д. Приоритет

он отдавал античной традиции. Вместе с тем он применял при объяснении этих терминов и исторический метод. Так, писал он, «... в развитии понятия об *ager Romanus* нужно различать три периода: древне-республиканский, средний и, наконец, период после Союзнической войны»⁵⁶⁶. Термин «*populus*» он трактовал как «народ», целое в политическом и территориальном отношении, отождествляя его с «нацией». При этом у него «*populus*» отождествлялось и с «*πολις*»⁵⁶⁷.

Столь же тщательным стал и его «Обзор Римской истории по лекциям, прочитанным в Императорском Харьковском университете и на Харьковских высших женских курсах», вышедший вторым изданием в 1916 г. Размышляя о государственной реформе Сервия Туллия, он обнаружил сходство её с Афинской конституцией Солона⁵⁶⁸. Углубляя свои предыдущие представления о государственном устройстве Рима, он заметил, в частности, что «в основе республиканских порядков лежит городской строй (*πολις*)...»⁵⁶⁹.

Анализируя гибель республики, исследователь выделил две основные причины: 1) легальное, законное оформление с помощью народа всяких чрезвычайных полномочий на верховенство власти (от Гракхов к Сулле); 2) выдвижение полководцев как главного политического фактора в республике (Марий)⁵⁷⁰. Успех монархии при Августе он связывал с социальной поддержкой этой власти⁵⁷¹. Однако реальную опору императорской власти И.В. Нетушил видел уже не в законе, а в силе, представляемой войском, что, по его мнению, отразили уже события 69 года⁵⁷². Почву бюрократизации в Римской империи он видел в дворцовом хозяйстве и управлении императорскими финансами и имуществами⁵⁷³.

Исследование по истории римской императорской власти предпринял в 1900 г. Эрвин Давидович Гримм в магистерской диссертации на эту тему, защищённой в С. - Петербургском университете. Хронология работы простиралась от времени Августа до Нерона. Это сочинение получило положительные отзывы и одобрение двух видных отечественных романистов - Ю.А. Кулаковского и М.И. Ростовцева⁵⁷⁴. В труде молодой петербургский учёный отразил возросший уровень отечественных работ по государственно-политической истории как с точки зрения источниковой их основы, так и в теоретическом плане.

Э.Д. Гримм, используя в основном исторический метод, предпринял концептуально иное освещение истории императорской власти, а не то, которое доминировало в европейской науке («догматическая» теория Т. Моммзена о «диархии»). Не умаляя заслуг выдающегося немецкого учёного, Э.Д. Гримм выступил против выведения аналогий между конституционными положениями первых трёх веков - от Августа до Диоклетиана. Его задачей стало исследование хода и фазисов развития императорской власти вплоть до начала V века⁵⁷⁵. «... Ни один источник, - полемизировал с Т. Моммзеном Э.Д. Гримм, - нигде не

говорит о диархии... Это понятие установлено лишь учёной теорией XIX века: при таких условиях мы должны быть вдвойне осторожны, вводя в обращение не встречающиеся в памятниках понятия»⁵⁷⁶.

Концепция Э.Д. Гримма о характере развития римской императорской власти складывалась у него не столько в результате формирования отдельных представлений, сколько как следствие применения им исторического метода. Важное место здесь занял именно теоретический анализ взаимодействия двух исторических категорий: «власти» и «общества». Поэтому историческая концепция Э.Д. Гримма есть одновременно результат исторического анализа и категориального синтеза. В связи с этим такое внимание у историка к терминам, понятиям. Не случайно М.И. Ростовцев отмечал в своей рецензии на этот труд, что «... в высшей степени важно знать, как относится общество к власти, облегчает ли оно действия власти или ставит ей преграды»⁵⁷⁷. В данном случае его рецензия превратилась в небольшое теоретическое исследование вопроса, прояснившее его существо. «Законные, - писал он, - а особенно узурпированные полномочия действуют не сами по себе, а в зависимости от объектов действия, то есть от общества...»⁵⁷⁸. Поэтому М.И. Ростовцев, характеризуя программу Э.Д. Гримма как «широко и правильно задуманную», увидел в изучении взаимодействия цезаризма и оппозиции «... возможность судить о фактическом содержании власти»⁵⁷⁹.

Опираясь на эти принципиальные соображения, Э.Д. Гримм смоделировал механизм изменения государственного устройства, законов. «Сам по себе, - писал он, - каждый отдельный факт, видоизменяющий прежний обычай и создающий новый, решающего значения не имеет: для того, чтобы он приобрёл значение, необходимо, чтобы он вытекал не из случайного проявления личного произвола, а из общих социальных или политических условий данного времени, соответствовал бы социально-политической тенденции общественного развития и в силу этого комбинировался с другими аналогичными фактами, создавая вместе с ними базис для нового понимания старых законов, учреждений и отношений»⁵⁸⁰. Исходя из этого, он сделал следующее методологическое замечание: для понимания принципата в разные времена надо исходить не из грамматического анализа смысла текста закона, а из того, как его в данное время в действительности понимали⁵⁸¹.

В результате своего исследования Э.Д. Гримм пришёл к концептуальному определению: «Принципат Августа не есть результат соглашения двух равных сил (как считал Т. Моммзен - В.Л.), а результат уступок фактического властелина, Августа, цель которых заключается в примирении общественного мнения с новым положением дел и в освящении последнего законным сувереном, народом»⁵⁸².

Против теории диархии выступил и Ю.А. Кулаковский, подтвердив своё мнение греческими надписями, в частности присягой на имя Августа. «С присягой лицу, - пояснял он эти находки Ю.А. Кулаковский, - входит в жизнь начало монархии, каковой и была римская империя»⁵⁸³.

Э.Д. Гримм описал также отличительные черты принципата при разных императорах. Так, время трёх последних Юлиев, включая время Калигулы, он назвал «эпохой терроризма»⁵⁸⁴, что, по отзыву Ю.А. Кулаковского, было по существу неверно⁵⁸⁵. В эпоху Клавдия он отметил нарастание потребности в развитии центральных учреждений и умаление роли комиций⁵⁸⁶. Примечательно и то обстоятельство, что в движении 68 г. за низложение Нерона он выделил «преобладающую роль» социально-экономического порядка»⁵⁸⁷.

Исследованию политических портретов императоров были посвящены труды Ф.М. Дадынского и Е.А. Черноусова. В теоретических взглядах первого автора прослеживается зависимость от теории диархии Т. Моммзена. Во второй работе продолжалось изучение' проблемы, поднятой Э.Д. Гриммом: соотношение власти и общества⁵⁸⁸. В теоретическом же плане обе эти монографии неравноценны. Труд Е.А. Черноусова, насыщенный нарративным материалом, носил в большей степени описательный характер. Общий вывод его исследования: «насилие, тирания или неспособность правителей, озлобление и революционное настроение управляемых в связи с бессилием сената и распушенностью армии - вот те факторы, которые сделали эту смуту неизбежной, а потрясения, связанные с нею, тем более тяжёлыми»⁵⁸⁹.

И, наконец, значительная группа отечественных работ посвящена взаимоотношениям государства и армии в римской истории. Чаще всего к этому вопросу обращались Ю.А. Кулаковский и И.В. Нетушил. Своим новаторским подходом отличалось от всех работ по этой теме, вышедших когда-либо в России, небольшое эпиграфическое исследование Ю.А. Кулаковского «Надел ветеранов землёй и военные поселения в римской империи»⁵⁹⁰. Следует отметить, что в этой работе были использованы цитаты из ещё не изданных X и XI томов С.I.L., впервые полученных автором от своего учителя Т. Моммзена в августе 1881 г.⁵⁹¹ Ю.А. Кулаковский определил следующие концептуальные положения о роли армии в Риме:

1) «Армия создала империю. Перенесение центра тяжести государственной жизни с римского форума и сената - в римский лагерь создало ту единую центральную власть в государстве, которой не суждено было продолжить римскую историю»⁵⁹².

2) «... Армия играла важную роль в процессе романизации разных народностей, вошедших в пределы империи»⁵⁹³.

3) «Связь земельного надела с военной службой стала осуществляться при новых условиях жизни и под влиянием потребностей настоящего (со времени Августа - В.Л.) - в иной форме: а именно - охраны границ военными поселениями»⁵⁹⁴.

Свой анализ Ю. А. Кулаковский начинал с выяснения значения ключевого здесь термина «*praemia militae*». Его составляющими были: 1) денежная награда или земельный надел; 2) гражданские права⁵⁹⁵.

Проведя исторический анализ отношений солдат - полководец на основе найденных эпиграфических памятников и нарративных источников, учёный пришёл к выводу, что, когда эти отношения приобрели характер контракта за надел землёй, военная служба стала зависеть от личности, а не от государства. Именно в механизме получения земельной собственности заложены были причины перехода от республики к империи⁵⁹⁶. Это был важнейший теоретический вывод для российской историографии Рима.

В последующих статьях Ю.А. Кулаковский в различной форме пояснял полученный им в этой работе исследовательский результат⁵⁹⁷.

Причинам и обстоятельствам военной политики раннего Рима было посвящено и несколько статей И.В. Нетушила⁵⁹⁸. Они в целом были основаны на большом фактическом материале и имели описательный характер. Таким же характером отрицали и некоторые другие работы, вышедшие в это время⁵⁹⁹. И.В. Нетушил считал, что причины возвышения Рима в ранний его период возникли «... вследствие благоприятных обстоятельств (благодаря тому, что он - В.Л.), сделался центром отпора, оказанного маленьким латинским племенем экспансивному передвижению сабинян, направленному к распространению их племени в латинской области»⁶⁰⁰.

Подытоживая сказанное, отметим, что изучение государственно-политической проблематики, отражая потребности исторического сознания общества, следуя одновременно и внутренним потребностям развития науки, достигло значительного подъёма в изучении этих вопросов в 1900-е гг.

Во второй половине XIX - начале XX вв. исследователи чаще всего обращались к темам, связанным с изучением творчества Тацита, государственного устройства Рима, идеологии, проблемы взаимоотношения общества и власти, армии, что объяснялось политической актуальностью этих тем. Высокую оценку получил тогда полный перевод

сочинений Тацита с комментариями, сделанный В.И. Модестовым, энциклопедическое издание о римских государственных древностях И.В. Нетушила.

Плодотворной стала аргументированная критика Э.Д. Гриммом и Ю.А. Кулаковским теории «диархии» Т. Моммзена, создание в Российской историографии теории принципата, основанной на изучении категорий «власти» и «общества» на материале истории Римской империи. Э.Д. Гримм исследовал механизм изменения государственного устройства и законодательства в Риме.

На основе изучения эпиграфических памятников и нарративных источников Ю.А. Кулаковским был сделан важный вывод о том, что именно в механизме получения земельной собственности заложены причины перехода от республики к империи.

Таким образом, изучение государственно-политической тематики в отечественной романистике ярко демонстрирует процесс политизации исторического знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес к Древнему Риму в России возник в России очень рано, еще с византийского периода влияния на Русь. Позднее, на рубеже XIV-XV вв., когда в отечественных исторических источниках обосновывались идеи о взаимосвязи российской государственности с древнеримской, стали выводить русских царей из римских Цезарей. В век Просвещения античная культура становилась неотъемлемой частью российской культуры и образованности. Возникли научные контакты с университетами Германии, однако этот процесс в 50-е годы XIX века замедлился.

Научное изучение истории Рима в России получило значительное развитие только во второй половине XIX века, что находилось в очевидной связи с последовавшими в начале 60-х гг. общественно-политическими реформами в стране. В этот период на изучение Древнего Рима, как и на антиковедение в целом, значительное влияние оказывали две важнейшие тенденции: дифференциация и интеграция в предмете и методологии науки. Так, в связи с вовлечением в научный оборот новых видов источников: эпиграфических, археологических, папирологических и т.д., - возникают вспомогательные исторические дисциплины, имевшие свой предмет, определившие свои научные задачи, средства. Различия в подходах к анализу исторического материала обнаружились также и у классических филологов, всеобщих историков, юристов, изучавших Древний Рим. Вместе с тем стала ощущаться и растущая потребность в сближении научных дисциплин, в создании научных трудов на принципах комплексного видения проблемы. Возникла тенденция создания научных обществ, сближения с западной наукой через научные школы, личные контакты, заграничные научные командировки, международные исторические, антропологические, археологические съезды. Изучение римской истории в России постепенно стало включаться в процесс интернационализации науки, который уже интенсивно шёл на Западе в то время, где наиболее плодотворно происходило объединение межнациональных научных сил на территории Италии, а также Германии, где в университетах активно функционировали центры подготовки молодых учёных из разных стран Европы, научные школы, возглавлявшиеся такими известными немецкими учёными, как Ф. Ричль, О. Ян, Т. Моммзен, Э. Мейер, М. Гаупт, Ф. Бюхелер. Во второй половине XIX в. изучение Древнего Рима в России стало приобретать историко-критический характер, происходила очевидная смена научных ориентиров. От преимущественно популяризаторско-описательных работ наука стала переходить к оригинальным исследованиям.

Наиболее значительное внимание уделялось исследованию ранней истории Италии, социально-экономических проблем Древнего Рима, источниковедению. Можно определённо говорить о формировании двух центров изучения Рима в стране. Это Московский университет, где преобладало изучение социально-экономической истории, и С. - Петербургский, определившийся как центр по изучению новых видов источников. Учёные провинциальных университетов тяготели к тому или иному центру в зависимости от сферы научных интересов.

На основании проведенного автором историографического анализа определённо можно говорить о том, что во второй половине XIX - начале XX вв. в романистике определяются два периода: первый - 1861 - 1880-е гг., второй - 1890 - 1917 гг. Динамика развития исследований Древнего Рима в эти годы обнаружила зависимость как от внутренних научных потребностей, так и от общественно-политической обстановки в стране. Явная общественно-политическая мотивация прослеживается в работах по государственно-политической и социально-экономической проблематике, тогда как исследования ранней истории Италии имели чисто научное звучание.

Общественно-политические взгляды российских учёных-романистов, в большинстве своём выходцев из среды разночинной интеллигенции, носили буржуазно-либеральный характер, что отражало прогрессивные тенденции социально-экономического и политического развития страны. Многие из них (П.Г. Виноградов, И.М. Гревс, М.П. Драгоманов, Ю.А. Кулаковский, В.И. Модестов, Д.М. Петрушевский, И.В. Помяловский, И.В. Цветаев и другие) занимались активной просветительской деятельностью, благодаря которой имели широкую общественную известность и признание.

Теоретико-методологические позиции отечественных исследователей Рима проявились в следующей динамике. В 60-е гг. XIX в. они формировались под воздействием революционно-демократической идеологии, которая оказала влияние на мировоззрение таких учёных, как В.И. Модестов, стоявший у истоков отечественной романистики, и М.П. Драгоманов, но влияние этой идеологии проявилось по-разному и даже у этих учёных не было определяющим. Ощущалось воздействие идей французских и немецких философов и историков, при этом в целом философско-исторические взгляды русских учёных находились в русле гегельянства. В 70-е - 80-е гг. произошёл переход на позиции позитивизма, в связи с чем особенно популярными стали идеи о прогрессивности и законосообразности развития исторического процесса, его зависимости от хода умственного, культурного развития, необходимости опоры на «осязательные факты». В 90-е гг. ощущалось воздействие марксизма, повлиявшего на трансформацию теоретико-методологических позиций российских учёных в сторону материалистического толкования ими позитивизма.

Отечественные учёные испытывали наиболее осязаемое воздействие западной философско-исторической мысли во время своих заграничных научных командировок.

В 90-е гг. возрастает интерес к социально-экономической истории Древнего Рима. Представители утверждающегося в романистике социально-экономического направления в изучении римской истории, в отличие от медиевистов, оказались в значительной степени к 90-м гг. XIX в. зависимы от накопления в науке вещественных источников.

В конце XIX - начале XX вв. наиболее плодотворной была тенденция к изучению римской истории на всех её уровнях: от экономики до политики и духовной сферы, с использованием всех средств, имевшихся тогда в распоряжении науки. Идея целостного, комплексного осмысления римской истории явилась отражением тех реальных процессов, которые происходили тогда не только в исторической, но и в других общественных и естественных науках. Её ориентация на основательное изучение источников и познание законосообразности исторического процесса, несомненно, способствовала выходу российской романистики на уровень мировых научных достижений. Среди отечественных исследователей нашли развитие распространившиеся в германской науке идеи о «всемирно-историческом подходе» к изучению проблем римской истории. Эти идеи, воплотившиеся в трудах российских учёных в те годы, когда в европейской науке распространились неокантианские идеи, несомненно, отразили прогрессивный потенциал дореволюционной отечественной историографии Древнего Рима.

Наличие в изучаемый период многих и качественно новых источников, введение их в научный оборот потребовало от учёных дополнительных усилий по их освоению.

Традиционное использование только нарративного материала в связи с возможностью заграничных научных командировок с начала 60-х гг. стало дополняться привлечением оригинальных рукописных собраний из западноевропейских библиотек (В.И. Модестов, И.В. Помяловский, И.В. Цветаев). Под влиянием научных школ Ф. Ричля, О. Яна, Т. Моммзена, Д. Де - Петры, исследований других учёных, работавших на Западе с эпиграфическим материалом, в отечественные труды по Риму стали включаться эпиграфические, археологические, нумизматические источники, тессеры, папирусы, произведения искусства. Новые источники также издавались и в виде отдельных сборников (например, сборники надписей видного отечественного эпиграфиста И.В. Цветаева).

Из представителей старшего поколения исследователей традиционно придерживались только нарративного материала, преимущественно, - П.М. Леонтьев, П.И. Аландский, М.П. Драгоманов, из младшего - А.Ф. Энман.

Среди молодого поколения наиболее значительных результатов в оснащении исследований новыми видами источников достиг М.И. Ростовцев, значительное внимание уделивший самостоятельному поиску материала. Надписи стали использовать П.Ю. Куль, Г. Пригоровский, И.Г. Турцевич, Ф.М. Нахман, Л.Н. Беркут. Они, в отличие от М.И. Ростовцева, основывались уже на опубликованном эпиграфическом материале. Источники разных видов стали базой трудов В.И. Модестова, который разыскивал их по частным собраниям и музеям, привлекая также и опубликованную их часть. Подходы к источникам в трудах В.И. Модестова, Ю.А. Кулаковского, М.И. Ростовцева носили комплексный характер.

Вместе с тем значительная часть романистов, работавших в социально-экономическом направлении, отбирая материал из повествовательных источников, сосредоточилась на введении в научный оборот почерпнутой из них социально-экономической информации, ранее не привлекавшей внимания исследователей. Особенно показательны в этом плане исследования И.М. Гревса.

Отмечалось увеличение как количества, так и разнообразия привлекаемых источников, расширение географического ареала их поисков, сотрудничество учёных разных стран в сборе источников, и, что особенно важно, - осуществлялось личное наблюдение памятников, снятие с них факсимиле, оттисков и т.д.

Таким образом, те важные изменения, которые произошли в российской романистике уже на этапе сбора источников в те годы, также способствовали прекращению изолированности российской науки, возникновению оригинальных трудов и включению их в единый европейский историографический процесс.

В критической работе с источниками произошли важные изменения, связанные с началом интенсивного использования рукописных, эпиграфических, археологических, папирологических и других источников. В методологии критики источников определились два подхода: традиционный, опиравшийся на нарративный материал, и комплексный, при котором в той или иной мере в критический анализ включались как нарративные, так и эпиграфические, археологические, антропологические, лингвистические, топографические, юридические, изобразительные, географические и прочие источники.

В трудах В.И. Модестова, Ф.Ф. Соколова, И.В. Помяловского, И.В. Цветаева, П.И. Аландского сложилась плодотворная критическая традиция по отношению к нарративному источнику, в основу которой была положена источниковедческая методика германских научных школ.

Особый интерес в конце 60-х - 70-х гг. стали вызывать эпиграфические источники, которым отечественные учёные отводили важнейшую роль в области критики сочинений

античных авторов. Эпиграфические исследования русских учёных И.В. Помяловского, И.В. Цветаева, М.И. Ростовцева по отзывам зарубежных и отечественных специалистов превосходили лучшие работы такого рода в западной науке.

Вместе с тем в трудах многих других исследователей эпиграфические памятники по-прежнему не выполняли функцию основного источника, к которому прилагались бы методы внешней и внутренней критики; их использование носило чаще иллюстративный характер.

Критика источников разных видов через сопоставление сведений из них, систематизацию по внутреннему смыслу, значению и последовательности усиливала степень достоверности исследований. Таким подходом отличались в особенности работы Ю.А. Кулаковского, В.И. Модестова, И.В. Помяловского, М.И. Ростовцева, И.В. Цветаева. Скептическое отношение к привлечению новых источников для критики сочинений античных авторов было характерно для А.Ф. Энмана, П.И. Аландского, отчасти - И.В. Нетушила.

В целом в отечественной историографии Рима к концу XIX в. стало утверждаться представление о том, что степень достоверности исторического факта находится в прямой зависимости от критической работы с комплексом источников.

В отечественной романистике исследуемого периода отчётливо прослеживается использование при традиционном преобладании описательного метода, таких как историко-генетического, сравнительно-исторического, аналогий, статистического, социологического, биографического. Применение их объясняется зависимостью исследователей от их теоретико-методологических и политических позиций. Анализ исследовательской практики русских учёных-антиковедов показывает, что ими была выработана плодотворная научная методика, направленная против излишне доверчивого отношения к источнику, посредством которой отечественная наука этого времени преодолевала субъективизм в области изучения Древнего Рима.

В области изучения ранней истории Италии и Рима особенно активно отечественная историография включилась в исследование этногенеза на территории Италии и острове Сицилия и проблем достоверности царского периода Рима.

В работах Ф.Ф. Соколова, Ю.А. Кулаковского, И.В. Нетушила, А.Г. Бекштрема были предложены уточнения к ряду исторических фактов, даны собственные исторические представления. В этих работах была подвергнута тщательной критике западная историография этих проблем.

Первым в отечественной историографии к основательному изучению этрусков на основе эпиграфики обратился А.Г. Бекштрем, исследовавший «лестницу чинов» этрусской магистратуры.

Самых значительных результатов в области изучения ранней истории Италии и Рима в России этого времени добился В.И. Модестов. Ему принадлежит создание оригинальной концепции «доисторической этнологии и культурных влияниях в доримскую эпоху Италии». Концептуальному оформлению его представлений предшествовало сложившееся у него ещё в 1880-е гг. убеждение в плодотворности целостного анализа эпохи на основе комплексного подхода, в необходимости познания исторических законов как основной цели исторической науки.

Главной теоретической идеей, объединившей его историческую концепцию, стало представление историка о внешних культурных влияниях, высказанное им в монографии «Введение в римскую историю». Основными структурообразующими категориями его концепции стали «материальная» и «духовная» культуры, рассмотренные в их взаимосвязи, в процессе этногенеза населения Италии. Это дало ему основание сделать выводы о единстве населения Апеннинского полуострова в каменном веке и энеолите, о двух волнах распространения металла, связанных с иммиграцией двух разных индоевропейских племён, о торговых и других влияниях этрусков, греков, финикийцев. Эволюция отдельных положений его концепции была связана прежде всего с появлением новых археологических данных. Исследования В.И. Модестова явились значительным вкладом в европейскую историографию, получили широкое в ней признание.

В области социально-экономических вопросов наибольшую актуальность имели проблемы, связанные с изучением реформаторских движений в Риме (деятельность Гракхов), римского землевладения, в частности колоната, финансовой стороны римской экономики, рабства и рабских коллегий.

Интерес к изучению причинно-следственных связей движения Гракхов, его уроков обуславливался остротой «крестьянского вопроса» в России, потребностью в историческом опыте реформаторских движений как эволюционной формы исторического процесса.

Значительных результатов достигла отечественная историография в изучении колоната. П.Г. Виноградов исследовал взаимосвязь этого института с социальным устройством Римской империи, виды колоната, его роль. На материале всех известных к тому времени источников из Египта, Малой Азии, Месопотамии, Карфагена и Италии М.И. Ростовцев пришёл к оригинальному выводу о возникновении колоната из свободной аренды в крупных государственных и частных имениях. Он поднял вопрос о роли эллинизма в про-

исхождении колоната, взаимодействия социально-экономической жизни Востока и Запада, о причинах прикрепления колонов. При использовании новых источников были выполнены оригинальные исследования о колонате Г. Пригоровского и Ф. Нахман. Путём создания «экономических биографий» крупных земельных собственников И.М. Гревс доказал, что господствующими формами земельного устройства в Римской империи были латифундиальная собственность и мелкое фермерство.

Значительное продвижение российской историографии Рима произошло в области изучения финансовой стороны римской экономики (работа М.И. Ростовцева о римском государственном откупе). Употребление в работах многих учёных термина «древнеримский капитализм» не сопровождалось «введением» для Древнего Рима капиталистических производственных отношений как определяющих для этой стадии социально-экономического развития.

В исследовании рабства самый значительный вклад был внесён Ю.А. Кулаковским, выполненном на материале эпиграфики и сочинений античных авторов.

В области государственно-политической истории наиболее актуальными в эти годы стали работы, посвящённые римскому историку Тациту, государственному устройству Рима, идеологии, проблеме взаимоотношений общества, власти, армии. Среди работ о Таците отметим исследование о нём, а также перевод его произведений, выполненный В.И. Модестовым. Плодовитой стала аргументированная критика Э.Д. Гриммом и Ю.А. Кулаковским теории «диархии» Т. Моммзена, создание Э.Д. Гриммом теории принципата, основанной на изучении категорий власти и общества. Ю.А. Кулаковским был сделан важный вывод о том, что в механизме получения земельной собственности заложены причины перехода от республики к империи. Подытоживая, заметим, что изучение государственно-политической тематики в отечественной романистике ярко демонстрирует процесс политизации исторического знания.

Таким образом, к концу XIX - началу XX вв. осуществилось признание научных заслуг российских учёных за рубежом. Высокая научная квалификация отечественных исследователей Древнего Рима, соответствие их научных изысканий задачам и потребностям времени, постоянная вовлечённость их в общеевропейский научный процесс обусловили бурное развитие романистики в России.

СОКРАЩЕНИЯ

ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения

ИВ - Исторический Вестник

ФО - Филологическое Обозрение

ФЗ - Филологические Записки

ЦГИА РФ - Центральный государственный исторический архив РФ (г. С.-Петербург)

ЛГИА - Ленинградский государственный исторический архив

ОР ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина - Отдел рукописей государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина

ЦГАЛИ - Центральный государственный архив литературы и искусства

Архив ГМИИ - Архив государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина

ЦГА РТ - Центральный государственный архив Республики Татарстан

ЦГИА Украины - Центральный государственный исторический архив Украины

ГАОО - Государственный архив Одесской области

C.I.L.-Corpus Inscriptionum Latinarum.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица I

Публикации по истории и источниковедению Древнего Рима в России с 1861-1917 гг.

	60-е	70-е	80-е	90-е	900-е	10-е	Всего
Социально-экономическая проблематика	5	3	10	11	24	11	64
Ранняя история Рима и Италии	2		1	8	25	2	38
Проблемы государственно-политической структуры	4	1	3	5	11	1	25
Вопросы Источниковедения	1	11	7	7	8	4	38
Итого	12	15	21	31	68	18	165

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Талашова Н.С.* Античное наследие и И.В. Цветаев // *Талашова Н.С.* Избранные труды. В 2-х томах. Т. 1. Иваново: Изд-во «Юнона», 2001. С. 329.

² *Ihering R.* Geist des roemischen Rechts auf den verscheidenen Stuten seiner Entwickilung. Teil I, 1955, S. 8.

³ *Герье В.И.* Научное движение в области древнейшей римской истории // Издания Исторического общества при Московском университете. 1898. С. 323-360. *Модестов В.И.* О значении классической филологии в настоящее время и о преподавании древних языков // ЖМНП.- 1862.-№ 5.- С.37-50. *Модестов В.И.* Что такое классическая филология? // ЖМНП.- 1863.- № 3.- С.469-484. *Модестов В.И.* Скептицизм в римской истории: Речь, произнесённая перед началом докторского диспута. - Казань, 1869: (тип.Унив.). - 27 с. *Модестов В.И.* Учёная литература по латинской филологии в 1874 и 1875 гг. в России и за границей. - Киев, 1876: (тип. Унив.).- 25 с. *Модестов В.И.* Задача классической филологии и разные в ней направления: Вступительная лекция по возвращении из-за границы // Университетские известия (Киев).- 1877.- № 9.- С.702-712. *Модестов В.И.* Предмет, задача, цель, область и преподавание классической филологии // ЖМНП.- 1878.- № 6.- С.133-166. *Модестов В.И.* Русская наука в последние двадцать пять лет: Публичная лекция, прочитанная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Новороссийского университета, по случаю двадцатипятилетия университета, орд. проф. В.И. Модестова. - Одесса, 1890: (Экон.тип.). - 27 с. *Модестов В.И.* Эпикуреизм и современный интерес к нему: По поводу трудов гг. Кулаковского и Базинера // Русская мысль. - 1890.- № 3.- С.41-57. *Модестов В.И.* Место классической филологии среди наук историко-филологического факультета и её преподавание // ЖМНП.- 1889.- № II.- С.1-16. *Черняев П.Н.* материны для истории развития классической филологии в России.- Казань: Гимназия, 1899.- Вып.1.- С. I - 10. *Черняев П.Н.* Пути проникновения в Россию сведений об античном мире в связи с краткой характеристикой лиц, пролагавших эти пути // Ф.О.- 1910.- Вып.6.- С. 858-885.

⁴ *Бороздин И.Н.* К вопросу о современных направлениях в изучении древней истории /Сб.статей в честь В.П. Бузескула.-Харьков, 1914.- С.84-91. *Бузескул В.П.* Введение в историю Греции.- 3-е изд.- Пг., 1915.- 592 с.

⁵ *Захаров А.А.* Очерк изучения римской истории во второй половине XIX и начале XX вв. // Ферреро Г. Величие и падение Рима.- М., 1923.- Т.5.- С.315-375. *Мишулин А.В.* О наследстве русской науки по древней истории // Вестник древней истории.- 1938.- № 3 / 4.

⁶ *Бузескул В.П.* Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX вв.- Л., 1929-1931. Ч. 1.- 1929. - 218 с. Ч.2. - 1931.- 220 с.

⁷ *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии. Секция истор. наук.- Л., 1928. - С.3-79. *Путнынь Э.К.* Социально-экономическая и политическая обусловленность тематики русских буржуазных либеральных историков по античности в эпоху промышленного капитализма (1861-1895 гг.) // Научный ежегодник Саратовского гос.ун-та за 1955 г. Отд.2 Историческ.фак-т.- Саратов, 1958.- С. 110-115. *Шофман А.С.* Изучение античной истории в Казанском университете.- Казань: Изд-во Казанск.ун-та, 1956.- 28 с.

⁸ *Очерки исторической науки в СССР.* В 5 т.- М.: Изд-во АН СССР, 1955.- Т.2, 1960.- 862 с.; Т.3, 1963.- 831 с.

⁹ *Алесковская О.Б.* Римский аграрный вопрос в русской историографии XIX в.: Дис... канд.ист.наук.- М., 1951.- 309 с.

¹⁰ *Немировский А.И., Харсекин А.И.* Этруски: Введение в этрускологию.- Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та.- 192 с. *Могильницкий Б.Г.* У истоков социально-экономического направления в русской буржуазно-либеральной медиевистике // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 3.- Т.178.- Томск, 1965.- С.178-252. *Мягков Г.П.* «Русская историческая школа»: Методологические и идейно-политические позиции.- Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1988.- 200 с. *Алпатов М.А.* Гревс И.М. // Советская историческая энциклопедия.- М., 1974.- Т.4.- Стлб.705. *Скржинская Е.Ч.* И.М. Гревс : (биографический очерк) // Гревс И.М. Тацит.- М.-Л., 1946. - С.223-248. *Мельник В.А.* Украинский просветитель М.П. Драгоманов // Вопросы истории.- 1968.- № 3.- С.205-208. *Шиловцева В.С.* Проблема кризиса и падения римской республики в русской историографии эпохи разложения феодально-крепостнических отношений и развития капитализма (вторая половина ХУШ - XIX вв.): Дисс... канд.ист.наук.- Харьков, 1970.- 328 с. *Шофман А.С.* Модестов В.И. как историк античности // История и историки: Историографический ежегодник. 1975 г.- М.: Наука, 1978.- С.173-190. *Данилов А.И.* Эволюция идейно-методологических взглядов Д.М. Петрушевского и некоторые вопросы историографии средних веков // Средние века.- Вып.6.- М., 1955.- С.297-323. *Машкин Н.А.* Д.М. Петрушевский как историк Римской империи //Средние века.- 1946.- Вып.2.- С.33-40. *Каган Ю.М.* И.В. Цветаев: Жизнь. Деятельность. Личность.-М.: Наука, 1987.- 189 с.

¹¹ *Шиловцева В.С.* Проблема кризиса и падения римской республики в русской историографии эпохи разложения феодально-крепостнических отношений и развития капитализма (вторая половина ХУШ - XIX вв.): Дисс... канд.ист.наук.- Харьков, 1970.- 328 с.

¹² *Моисеева Т.А.* Русское дореволюционное антиковедение и эпиграфические памятники: Дис... канд.ист.наук.- Воронеж, 1974.- 231 с.

¹³ *Фролов Э.Д.* Ф.Ф. Соколов и начало историко-филологического направления в русском антиковедении // Вестник древн. истории.- 1977.- № I.- С.213-225. *Фролов Э.Д.* Развитие историко-филологического направления в русском антиковедении // Проблемы историографии и источниковедения отечественной и всеобщей истории.- Л., 1978.-С.113-126. *Кадеев В.И.* Развитие истории древнего мира в Харьковском университете за 175 лет // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии» 6-8 февраля 1980 г. - Харьков, 1980.- С.16-17.

¹⁴ *Историография античной истории* / Под ред. В.И. Кузищина.-М.: Высшая школа, 1980.- 415 с.

¹⁵ *Шофман А.С.* Антиковедение в Казанском университете: итоги и перспективы // Античная история и современная историография / Материалы межвузовской научной конференции. Казань, 1991. С. 44.

¹⁶ *Фролов Э.Д.* Русская историография античности /до середины XIX в./ Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1967. *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Л.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999.

¹⁷ *История европейской цивилизации в русской науке. Античное наследие* / Сборник обзоров под ред. В.И. Исаевой. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. - 206 с.

¹⁸ *Талашова Н.С.* Избранные труды. В 2-х томах. Иваново: Изд-во «Юнона», 2001. Т. I. - 411 с. Т. 2. - 454 с.

¹⁹ См. также *Летяев В.А.* Российская историография об античном Риме (вторая половина XIX - начало XX вв.). Автореферат дисс...канд. исторических наук. Казань: Изд-во казанского университета, 1989. - 18 с. *Летяев В.А.* Древний Рим в российских дореволюционных исследованиях/ Учебно-методическое пособие. Волгоград: Изд-во «Перемена», 1993. *Летяев В.А.* Методические материалы для изучения Российского дореволюционного антиковедения. Волгоград: Изд-во «Перемена», 1990. - 56 с. - 29 с. *Летяев В.А.* Рецепция римского права в России XIX - нач. XX в. (историко-правовой аспект). Волгоград: Изд-во Волгоградского госуниверситета, 2001. - 244 с.

²⁰ *Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон.* Т. 21. СПб., 1893. С. 142-143.

²¹ *Бёк. А.* Энциклопедия и методология филологических наук. Киев, 1879.

²² См. *Летяев В.А.* Методические материалы для изучения Российского дореволюционного антиковедения. Волгоград, 1990. - 56 с.

²³ Цитаты из источников первой, третьей и четвертой групп даются в современной орфографии.

²⁴ *Аллатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XII-XIII вв.- М.: Наука, 1973.- 476 с. *Аллатов М.А.* русская историческая мысль и Западная Европа: XIII - первая четверть XIV вв.- М.: Наука, 1976.- 454 с. *Аллатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XIII - первая половина XIX вв.- М.: Наука, 1985.- 262 с. 236.

²⁵ *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI – XII вв. М., 1978. С. 166 и след. *Щапов Я.Н.* Римское право на Руси до XVI в.: (новые аспекты проблемы) // Феодализм в России. М., 1987 и др. работы этого автора. *Николин А.* Церковь и государство (история правовых отношений). - М.: Сретенский монастырь, 1997. С. 53 - 66. *Азаревич Д.И.* История византийского права. Т. 1. Ч. 1. Ярославль, 1876. С. У,У111,Х11,ХV и др. *Азаревич Д.И.* Система римского права. Т.1. С.24. *Цыпин В.А.* Церковное право. М., 1995. С. 99-110. *Цыпин В.А.* "Кормчая книга" в русском церковном праве // Древнее право. 1997. № 2. С. 86-89. *Милов Л.В.* Византийская Эклога и Пространная русская правда (проблемы рецепции) // Древнее право. 1998. № 1(3). *Салогубова Е.В.* Элементы римского права в российском судопроизводстве X-XV вв. // Древнее право. 1999. №1(4).С.173-179. *Суханов Е. А., Кофанов Л.Л.* О роли изучения и преподавания римского права в России // Древнее право. М.: Изд-во «Спарк», 1996. С. 10.

²⁶ *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. Т. 1. С. 123.

²⁷ *Казанский Л.* Значение науки... С. 17.

²⁸ *Суханов Е. А., Кофанов Л.Л.* О роли изучения и преподавания римского права в России // Древнее право. М.: Изд-во «Спарк», 1996. С. 10.

²⁹ *Аллатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XII-XIII вв.- М.: Наука, 1973.- 476 с. *Аллатов М.А.* русская историческая мысль и Западная Европа: XIII - первая четверть XIV вв.- М.: Наука, 1976.- 454 с. *Аллатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XIII - первая половина XIX вв.- М.: Наука, 1985.- 262 с. 236.

³⁰ *Синюков В.Н.* Российская правовая система: Введение в общую теорию. – Саратов: Полиграфист, 1994. – С.117.

³¹ *Архив братьев Тургеневых*, вып. 2. Письма и дневники А.И. Тургенева Геттингенского периода 1803-1804 гг. Пг., 1921. С. 382.

³² *Сергеев П.* Исследование истинного значения римских понятий о праве естественном, народном и гражданском // ЖМНП. 1822. Ч. 6.

³³ *История Московского университета.* Т.1. 1755-1917. М.:Изд-во МГУ, 1955. С. 200.

³⁴ *Благовещенский А.* История метод законоведения в XV111 в. // Журнал министерства народного просвещения. 1835. Ч. У1 – У11. С. 419, 422.

³⁵ *Емельянова И.А.* «Всеобщая история права» в русском дореволюционном правоведении (XIX в.). – Казань: Изд - во Казанского университета, 1981. С. 138 прим. 106.

³⁶ *Пухта Г.* История римского права. М., 1864. С. 315-316.

³⁷ *Протасов А.* Обзор истории римского права. М., 1809.

³⁸ *Цветаев Л.* Краткая история римского права. М., 1818.

³⁹ *Васильев И.* Обзор римского законодательства. М., 1820.

⁴⁰ *Дювернуа Н.Л.* Значение римского права для русских юристов. Ярославль: тип. г. Фыальк, 1872. С. 54.

⁴¹ *Атласов Г.В., Жигунин В.Д., Константинова А.Д., Шофман А.С.* Историография античности: Античность и ХУШ век. Вып.1. - Казань, 1974.- 96 с. *Кожмякин П.Г.* Русская историография античности первой трети XIX в.: На основании дворянской и буржуазной историографии. Автореф. дис... канд.ист.наук.- М., 1981.- 28 с. *Модестов В.И.* Русская наука в последние двадцать пять лет: Публичная лекция, прочитанная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Новороссийского университета, по случаю двадцатипятилетия университета, орд. проф. В.И. Модестова. - Одесса, 1890: (Экон. тип.). - 27 с. *Нагуевский Д.И.* О главнейших эпохах в развитии древнеклассической филологии.- 2-е изд.- Казань, 1884: (тип. М.А. Гладышевой).- 29 с. *Плотникова Е.Ф.* Римская история в трудах Т.Н. Грановского и С.В. Ешевского: Автореф. дисс... канд.ист.наук.- М., 1951.- 16 с. *Фролов Э.Д.* Русская историография античности (до середины XIX в.).- Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1967.- 143 с. *Черняев П.Н.* материны для истории развития классической филологии в России.- Казань: Гимназия, 1899. - Вып.1.- С. I - 10. *Черняев П.Н.* Пути проникновения в Россию сведений об античном мире в связи с краткой характеристикой лиц, пролагавших эти пути // Ф.О. - 1910. - Вып. 6. - С. 858 - 885. *Модестов В.И.* Н.М. Благовещенский // Историческое обозрение. 1892. - Т.5. - С. 1 - 16. *Модестов В.И.* Благовещенский Н.М. // Краткий биографический словарь русских писателей и учёных С.А. Венгерова.- СПб., 1892. - Т.3. - С. 330 - 343.

⁴² См.: *Савельева Л. И.* Античность в русской поэзии конца XVIII - начала XIX века. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. 120 с.; *Она же.* Античность в русской романтической поэзии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 79 с. *Свиясов Е.В.* Античная лирическая поэзия в русских переводах и подражаниях XVIII - начала XX веков. О библиографии // Вопр. Лит. 1988. № 2. *Busch W.* Horaz in Russland. Munchen, 1964.

⁴³ *Модестов В.И.* Русская наука в последние двадцать пять лет: Публичная лекция, прочитанная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Новороссийского университета, по случаю

двадцатипятилетия университета, орд. проф. В.И. Модестова. - Одесса, 1890: (Экон. тип.). - С. 6.

⁴⁴ *Модестов В.И.* Н.М. Благовещенский // Историческое обозрение. 1892. - Т. 5. - С. 1-16.
Модестов В.И. Благовещенский Н.М. // Краткий биографический словарь русских писателей и учёных С.А. Венгерова. - СПб., 1892. - Т. 3. - С. 330 - 343. *Мадиссон Ю.* Молодой Куторга: К вопросу о возникновении русской исторической науки об античности // Труды Тартуского гос. ун-та. - Вып. 43. - Таллин, 1956. *Плотникова Е.Ф.* Римская история в трудах Т.Н. Грановского и С.В. Ешевского: Автореф. дисс... канд. ист. наук. - М., 1951. - 16 с. *Кожмякин П.Г.* Русская историография античности первой трети XIX в.: на основании дворянской и буржуазной историографии. Автореф. дисс... канд. ист. наук. - М., 1981. - 28 с.

⁴⁵ *Далин В.М.* Люди и идеи: Из истории революционного и социалистического движения во Франции. - М.: Наука, 1970. - С. 358 - 359.

⁴⁶ *Помяловский И.В.* Николай Михайлович Благовещенский // ЖМНП. 1892. - № 9. - С. 29.

⁴⁷ *Помяловский И.В.* Николай Михайлович Благовещенский // ЖМНП. 1892. - № 9. - С. 29.

⁴⁸ *Бузескул В.П.* Введение в историю Греции. - 3-е изд. - Пг., 1915. - С. 302.

⁴⁹ Историко-антикварным это направление в Германии называл и И.В. Помяловский. См.: *Помяловский И.В.* Переписка между А. Бёком и О. Мюллером // ЖМНП. 1884. Ч.СХХШ. Кн.1. С. 131.

⁵⁰ *Бузескул В.П.* Введение в историю Греции. - 3-е изд. - Пг., 1915. - С. 302.

⁵¹ *Цветаев И.В.* Н.М. Благовещенский // Ф. О. - 1892. - Т.2. - Кн. 1. - С. 95.

⁵² *Цветаев И.В.* Н.М. Благовещенский // Ф. О. - 1892. - Т.2. - Кн. 1. - С. 96.

⁵³ *Модестов В.И.* Н.М. Благовещенский // Историческое обозрение. 1892. - Т. 5. - С. 8.

⁵⁴ *Прописи:* сборник статей по классической древности. В 6 вып. - М., 1851-1856 гг.

⁵⁵ *Модестов В.И.* Благовещенский Н.М. // Краткий биографический словарь русских писателей и учёных С.А. Венгерова. - СПб., 1892. - Т. 3. - С. 332.

⁵⁶ *Прописи:* сборник статей по классической древности. В 6 вып. - М., 1851 - 1856 гг.

⁵⁷ *Кожмякин П.Г.* Русская историография античности первой трети XIX в.: На основании дворянской и буржуазной историографии. Автореф. дисс... канд. ист. наук. - М., 1981. - 28 с.

⁵⁸ *Бекитрем А.Г.* Из области этрускологии // ЖМНП. - 1907. - № 7. - С.315- 362; № 8. - С. 363 - 382; № 9. - С. 432 - 445.

⁵⁹ *Модестов В.И.* Русская наука в последние двадцать пять лет: Публичная лекция, прочитанная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Новороссийского университета, по случаю двадцатипятилетия университета, орд. проф. В.И. Модестова. - Одесса, 1890: (Экон. тип.). - С. 2.

⁶⁰ *Модестов В.И.* Русская наука в последние двадцать пять лет: Публичная лекция, прочитанная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Новороссийского университета, по случаю двадцатипятилетия университета, орд. проф. В.И. Модестова. - Одесса, 1890: (Экон. тип.). - С. 2.

⁶¹ *Модестов В.И.* Русская наука в последние двадцать пять лет: Публичная лекция, прочитанная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Новороссийского университета, по случаю двадцатипятилетия университета, орд. проф. В.И. Модестова.- Одесса, 1890: (Экон.тип.). - 27 с. *Шофман А.С.* Изучение античной истории в Казанском университете. - Казань: Изд - во Казанск. Ун - та, 1956. - 28 с. *Историография античной истории* / Под ред. В.И. Кузищина. - М.: Высшая школа, 1980. - 415 с. *Очерки исторической науки в СССР*. В 5 т. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. - Т. 2, 1960. - 862 с.; Т.3, 1963. - 831 с. *Немировский А.И. и Романова И.И.* Вопросы римской истории в «Филологических записках» // Материалы по русско - славянскому языкознанию. - Воронеж, 1963. - С. 208 - 210. *Алесковская О.Б.* Римский аграрный вопрос в русской историографии XIX в.: Дис... канд.ист. наук. - М., 1951. - 309 с. *Моисеева Т.А.* Русское дореволюционное антиковедение и эпиграфические памятники: Дис... канд. ист. наук. - Воронеж, 1974. - 231 с.

⁶² *Кулаковский Ю.А.* Коллегии в Древнем Риме. - Киев, 1882: (унив. тип.). - С. 1. *Драгоманов М.П.* Политические сочинения / Под ред. проф. И.М. Гревса и Б.А. Кистяковского. - М., 1908: (тип. тов - ва И.Д. Сытина). - Т. I. - С. LIV. *Мягков Г.П.* «Русская историческая школа»: Методологические и идейно - политические позиции. - Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1988. - С. 63. *Протоколы собраний историко-филологического факультета за 1903 г.* - ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 16085, Л. 7.

⁶³ *Скржинская Е.Ч.* И.М. Гревс : (биографический очерк) // Гревс И.М. Тацит. - М. - Л., 1946. - С. 233.

⁶⁴ *Модестов В.И.* О Германии: Наука, школа, парламент, люди, стремления. - СПб., 1888: (тип. В.С. Балашова). С. 27 - 42. *Модестов В.И.* Моммзен Теодор // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. - СПб., 1896. - п/т 38. - С. 696 - 697.

⁶⁵ *Модестов В.И.* Заграничные воспоминания // Исторический вестник. - 1883. - № 2. - С. 388; *Помяловский И.В.* Филологическая семинария проф. Гаупта в Берлине в зимний семестр 1869/1870 гг. // ЖМНП. - 1870. - №5. С. 18 - 38.

⁶⁶ *Фельсберг Э.* Братья Гракхи. - Юрьев, 1910: (тип. К. Матиссен). - С. V.

⁶⁷ *Модестов В.И.* Заграничные воспоминания // Исторический вестник. - 1883. - № 2. - С. 392.

- ⁶⁸ *Модестов В.И.* Заграничные воспоминания // Исторический вестник. - 1883. - № 2. - С. 394.
- ⁶⁹ *Каган Ю.М. И.В. Цветаев:* Жизнь. Деятельность. Личность. - М.: Наука, 1987. - С. 26.
- ⁷⁰ *Помяловский И.В.* Филологическая семинария и занятия латинской эпиграфикой проф. Ричля // ЖМНП. - 1870. - № II. - С. 33 - 60.
- ⁷¹ *Модестов В.И.* Учёная жизнь в Риме // ЖМНП. - 1892. - № 3. - С. 336.
- ⁷² *Синайский В.И.* Подушный надел в Древнем Риме. - Юрьев, 1907: (тип. К. Матиссен). - С. 3.
- ⁷³ *Модестов В.И.* Заграничные воспоминания // Исторический вестник. - 1883. № 4. - С. 104
- ⁷⁴ *Холодняк И. Помяловский И. В.:* Некролог // ЖМНП. - 1906. - № II. - С. 21.
- ⁷⁵ *Модестов В.И.* Русская наука в последние двадцать пять лет: Публичная лекция, прочитанная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Новороссийского университета, по случаю двадцатипятилетия университета, орд. проф. В.И. Модестова. - Одесса, 1890: (Экон. тип.). - С. 12.
- ⁷⁶ *Модестов В.И.* Римская письменность в период царей: Исследование В.И. Модестова. - Казань, 1868: (унив.тип.). - 1У. 152. III с. (нем. изд.: Der Gebrauch der Schrifunter den Romischen Konigen. Berlin , 1871). С. III.
- ⁷⁷ *Модестов В.И.* Римская письменность в период царей: Исследование В.И. Модестова.- Казань, 1868: (унив. тип.). - 1У. 152. III с. (нем. изд.: Der Gebrauch der Schrifunter den Romischen Konigen. Berlin , 1871). С. II.
- ⁷⁸ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч.1 - 2. Ч. 1, 1902 (4). - С. II, XI-XII.
- ⁷⁹ *Модестов В.И.* Скептицизм в римской истории: Речь, произнесённая перед началом докторского диспута. - Казань, 1869: (тип.Унив.). - С. 7 - 8.
- ⁸⁰ *Дело о докторском испытании гг. Модестова и Угянского.* - ЦГА РТ, ф. 977, оп. Ист - фил., д. 892, Л. 27 - 39 с. об.
- ⁸¹ *Нетушил И.В.* Краткое обозрение разработки римской истории: Приложение к «Обзору римской истории». 2-е изд. 1916 // Записки Императорск. Харьковск. Ун - та. - 1916. - Кн. 2 и 3. - С. 9.
- ⁸² *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима. - Киев, 1888: (тип. Имп. Ун - та Св. Владимира). - С. 33.

⁸³ *Нетушил И.В.* Краткое обозрение разработки римской истории: Приложение к «Обзору римской истории». 2-е изд. 1916 // Записки Императорск. Харьковский. Ун - та. - 1916. - Кн. 2 и 3. - С. 13. *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч.1 - 2. Ч. 1, 1902 (4). - С. II. *Ростовцев М.И.* Предисловие // Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения /Пер. с 3 - го нем. изд. для слушательниц Высших женских курсов. 2 - е изд. - СПб., 1908: (изд-во т-ва Общая польза). - С. VI.

⁸⁴ *Суханов Е. А., Кофанов Л.Л.* О роли изучения и преподавания римского права в России // Древнее право. М.: Изд-во «Спарк», 1996. С. 11, 13.

⁸⁵ *Медушевский А.Н.* История русской социологии. - М., 1993. С. 73 - 79.

⁸⁶ См. обзор их в работе: *Щеголев А.В.* Библиография русской литературы по римскому праву с 1860 по 1996 гг. // Древнее право. 1997. № 2. С. 137 - 148.

⁸⁷ *Суханов Е.А., Кофанов Л.Л.* Влияние римского права на новый Гражданский кодекс Российской Федерации // Древнее право. М.: Спарк, 1999. № 1(4). - С. 9.

⁸⁸ *Мурыгина Н.Ф.* Значение работ Модестова в развитии науки об античности // Труды 1У научной конференции историков (31 мая - 2 июня 1956 г.). - Новосибирск, 1957. - Т. I. - Секц. истории и литературы. - С. 71.

⁸⁹ *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Вып. 1 и 2. - Харьков, 1894: (тип. А. Дарре). - 778 с.; Вып.3. - Харьков, 1902: (тип. М. Зильбергер и сыновья). - 778 с.

⁹⁰ *Куль П.Ю.* Провинциальные собрания у римлян: Их организация и функции в век принципата. - Харьков, 1898: (тип. Зильберг). - (8). - 162 с. с табл.

⁹¹ *Модестов В.И.* Римская письменность в период царей: Исследование В.И. Модестова. - Казань, 1868: (унив.тип.)- 1У. 152. III с. (нем.изд.: Der Gebrauch der Schrifunter den Romischen Konigen. Berlin, 1871).

⁹² *Модестов В.И.* В Казани и в Киеве (1867 - 1877): Отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. - 1885. - № 12. - С. 602 - 615.

⁹³ *Дело о присуждении Н. Мухину звания доктора церковной истории.* - ЦГИА Украины, ф. 711, оп. 3, д. 3911.

⁹⁴ *Модестов В.И.* Благовещенский Н.М. // Краткий биографический словарь русских писателей и учёных С.А. Венгерова. - СПб., 1892. - Т. 3. - С. 332.

⁹⁵ *Алексеев С.И.* К долговому вопросу в Риме // Записки Общества истории при Варшавском университете. - Вып. 3. - С. 107 - 150; *Белоруссов М.* Колонат: Очерк возникновения римского крепостного права. - Варшава: Б.И., 1903. - 84 с.

⁹⁶ Беркут Л.Н. Устройство и управление городских общин в римском государстве преимущественно в эпоху империи: Историко - юридический очерк. - Варшава, 1912: (тип. Варшавск. учебн. округа). - (2). - 83 с.; *Дадынский Ф.М.* Аграрный вопрос Древнего Рима // Варшавские университетские известия. - 1884. - № 9. - С. 1 - 41; *Дадынский Ф.М.* Император Адриан: Историко-юридическое исследование. - Варшава, 1896: (тип. Варшавск. учебн. округа). - II. - 261 с.

⁹⁷ *Прошение попечителя Одесского учебного округа Министру народного просвещения об утверждении М. Вольского орд. профессором кафедры политэкономии и статистики Новороссийского университета.* - ГАОО, ф. 42, оп. 35, д. 65, л. 119; *Вольский М.М.* Рабская обработка земли. - Одесса, 1869: (тип. П. Францова). - 296 с.

⁹⁸ *Турцевич И.Г.* Orbis in Urbe. Центры и общества земляков и иноверцев в императорском Риме 1-III вв. - Нежин, 1902: (тип. М.В. Глезера). - (2). - 80 с.

⁹⁹ Таблицу см. в Приложении к настоящей работе.

¹⁰⁰ Предложенный количественный анализ не исключает, безусловно, некоторых дополнений в дальнейшем. Однако общее соотношение представляется автору достаточно стабильным.

¹⁰¹ *Модестов В.И.* Русская наука в последние двадцать пять лет: Публичная лекция, прочитанная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Новороссийского университета, по случаю двадцатипятилетия университета, орд. проф. В.И. Модестова. - Одесса, 1890: (Экон. тип.). - С. 23-27; *Сватиков С.Г.* Опальная профессура 80-х гг. // *Голос минувшего.* - 1917. - № 2. - С. 5 - 78; *Шофман А.С.* Фёдор Герасимович Мищенко. - Казань: Изд-во Казанск. Ун - та, 1974. - С. 29-33.

¹⁰² *Зевелёв А.И.* Историографическое исследование: Методологические аспекты. - М.: Высшая школа, 1987. - С. 52.

¹⁰³ *Модестов В.И.* Русская наука в последние двадцать пять лет: Публичная лекция, прочитанная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Новороссийского университета, по случаю двадцатипятилетия университета, орд. проф. В.И. Модестова. - Одесса, 1890: (Экон. тип.). - С. 9.

¹⁰⁴ *Ростовцев М.И.* Международный исторический съезд в Берлине // *ЖМНП.* - 1908. - № 10. - С. 35.

¹⁰⁵ *О награждении некоторых лиц иностранными орденами* // ЦГИА РФ, ф. 733, оп. 123, д. 146, л. 72, 99.

¹⁰⁶ *Дроздов Н.М.* Памяти профессора В.И. Модестова: Очерк жизни и учёно - литературной деятельности его // *Труды Киевской духовной академии.* - 1907. - № 6. - С. 235.

- ¹⁰⁷ *Ростовцев М.И.* (Рец.): Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов (По поводу книги Bousche Leclercq. Histoire... 1913). - // Научный исторический журнал. - 1913. - Т. I. - С.39-63.
- ¹⁰⁸ *Помяловский И.В.* Исследования в области римско - германской границы // Записки Имп. русского археологического общества, 1887. Т. II. - С. 11- 27.
- ¹⁰⁹ *Бузескул В.П. и Жебелев С.А.* Иван Вячеславович Нетушил: Некролог // Известия Академии наук СССР. 7 сер. Отд. гуманитар. наук. - 1928. - № I. - С. 259 - 274.
- ¹¹⁰ *Бузескул В.П. и Жебелев С.А.* Иван Вячеславович Нетушил: Некролог // Известия Академии наук СССР. 7 сер. Отд. гуманитар. наук. - 1928. - № I. - С. 259 - 274.
- ¹¹¹ *Прошение Модестова В.И. на имя Николая II 15 марта 1902 г. об отпуске средств на открытие в Риме Русского историко-археологического института или выдаче ему единовременного пособия для продолжения занятий и издания трудов по разработке древнейшей римской истории* // ЦГИА РФ, ф. 565, оп. 8, д. 29618, л. 1 - 2 с об.; *Ходатайство Министерства народного просвещения за 1898 г. о выдаче пособия Модестову на разработку новых археологических материалов по истории Древнего Рима, с изложением его деятельности на 1892 г.* // ЦГИА РФ, ф. 1152, оп. 12, д. 386, л. 1 - 6 с об.
- ¹¹² *Кулаковский Ю.А.* Докладная записка его об организации в Риме учёной коллегии и библиотеки для русских учёных. - ЦГИА РФ, ф. 733, оп. 150, д. 396, л. 1 - 5.
- ¹¹³ *Кареев Н.И.* О духе русской науки (Лекция, читанная 9 ноября 1884 г. в Русском собрании в Варшаве) // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 180.
- ¹¹⁴ Там же. С. 182.
- ¹¹⁵ *О награждении некоторых лиц иностранными орденами* // ЦГИА РФ, ф. 123, оп. 150, д. 828; *Дроздов Н.М.* Памяти профессора В.И. Модестова: Очерк жизни и учено - литературной деятельности его // Труды Киевской духовной академии. 1907. № 6.
- ¹¹⁶ Подробнее об этом см.: *Летяев В.А.* Проблема научных направлений изучения римских «древностей» в России // Среда, личность, общество: Докл. конф. РАН. М., 1992. С. 229 - 230.
- ¹¹⁷ *Цамутали А.Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. - Л.: Наука, 1977. - С. 161.
- ¹¹⁸ *Полные формулярные списки чиновников Императорского Казанского университета.* - ЦГА РТ, ф. 92, оп. ист. - фил., д. 9366, л. 382 об.
- ¹¹⁹ *Ростовцев М.И.* В.И. Модестов: Некролог // ЖМНП. - 1907. - № 7. С. 75.
- ¹²⁰ *Модестов В.И.* Н.А. Добролюбов: Воспоминания о личности и взгляд на писателя // Новь. - 1886. - Т.8. - № 6. - С. 232.

- ¹²¹ *Письмо Модестова В.И. Ледерле М.М, 21 августа 1891 г.* - Отдел рукописей публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 426, ед. хр. 29. Л. 1.
- ¹²² *Модестов В.И.* В.Г. Васильевский: Время высшего образования и приготовления к кафедре // ЖМНП. - 1902. - № 1. - С. 141.
- ¹²³ *Модестов В.И.* В.Г. Васильевский: Время высшего образования и приготовления к кафедре // ЖМНП. - 1902. - № 1. - С. 141.
- ¹²⁴ Цит. по: *Русское общество 40-50-х годов XIX в.* М., 1991. Ч. 1: Записки Кошелева. С. 16.
- ¹²⁵ См.: *Гольмстен А.Х.* Следы гегелевской философии в трудах Кавелина в области правоведения // ЖМНП. 1910. № 6. С. 4.
- ¹²⁶ См.: подробнее о этом: *Ивановский Игнатий.* О началах постепенного усовершенствования государств // ЖМНП. 1837. Т. XV111.
- ¹²⁷ *Письмо Модестова В.И. Ледерле М.М, 21 августа 1891 г.* - Отдел рукописей публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова - Щедрина, ф. 426, ед. хр. 29, Л. 1. об., Л. 2.
- ¹²⁸ *Модестов В.И.* Н.А. Добролюбов: Воспоминания о личности и взгляд на писателя // *Новь.* - 1886. - Т.8. - № 6. - С. 232.
- ¹²⁹ *Модестов В.И.* Н.А. Добролюбов: Воспоминания о личности и взгляд на писателя // *Новь.* - 1886. - Т. 8. - № 6. - С. 231.
- ¹³⁰ *Модестов В.И.* Н.А. Добролюбов: Воспоминания о личности и взгляд на писателя // *Новь.* - 1886. - Т.8. - № 6. - С. 233.
- ¹³¹ *Путнынь Э.К.* Социально-экономическая и политическая обусловленность тематики русских буржуазных либеральных историков по античности в эпоху промышленного капитализма (1861-1895 гг.) // Научный ежегодник Саратовского гос. ун - та за 1955 г. Отд.2 Историческ. Фак - т. - Саратов, 1958. - С. 113.
- ¹³² *Модестов В.И.* В.Г. Васильевский: Время высшего образования и приготовления к кафедре // ЖМНП. - 1902. - № 1. - С. 155.
- ¹³³ *Цветаев И.В.* Учёно - литературная деятельность проф. И.В. Помяловского // *Ф.О.* - 1897. - Т. 13. - № 2. - С. 89.
- ¹³⁴ *Модестов В.И.* Н.А. Добролюбов: Воспоминания о личности и взгляд на писателя // *Новь.* - 1886. - Т.8. - № 6. - С. 236.
- ¹³⁵ Мельник В.А. Украинский просветитель М.П. Драгоманов // *Вопросы истории.* - 1968. - № 3. - С. 205.
- ¹³⁶ Мельник В.А. Украинский просветитель М.П. Драгоманов // *Вопросы истории.* - 1968. - № 3. - С. 205; *Драгоманов М.П.* Автобиография // *Былое.* - 1906. - № 6. - С. 183.

- ¹³⁷ *Драгоманов М.П.* Политические сочинения / Под ред. проф. И.М. Гревса и Б.А. Кистяковского. - М., 1908: (тип. тов - ва И.Д. Сытина). - Т. I. С. XVIII.
- ¹³⁸ *Заславский Д. М.П.* Драгоманов: К истории украинского национализма. - М.: Изд - во Всесоюзн. Общ - ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. - С. 102.
- ¹³⁹ *Шофман А.С.* Фёдор Герасимович Мищенко. - Казань: Изд-во Казанск.ун - та, 1974. - С. 22, 32-33.
- ¹⁴⁰ *Модестов В.И.* Статьи для публики по вопросам историческим, политическим, общественным, философским и проч. В.И. Модестова. - СПб., 1883: (тип. В.С. Балашова). - Т. I. С. 142.
- ¹⁴¹ *Помяловский И.В.* Письмо на имя Александра II в связи с началом русско-турецкой войны (1877-1878). Петербург. Черновик. 21 апреля 1877 г. - Отдел рукописей публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова - Щедрина, ф. 608, оп. 1, ед. хр. 444, 1 л.
- ¹⁴² *Бузескул В.П. и Жебелев С.А.* Иван Вячеславович Нетушил: Некролог // Известия Академии наук СССР. 7 сер. Отд. гуманитар. наук. - 1928. - № I. - С. 262.
- ¹⁴³ *Каган Ю.М. И.В. Цветаев: Жизнь. Деятельность. Личность.* - М.: Наука, 1987. - С. 4.
- ¹⁴⁴ *Холодняк И. Помяловский И.В.: Некролог // ЖМНП.* - 1906. - № II. - С. 19.
- ¹⁴⁵ *Скржинская Е.Ч. И.М. Гревс : (биографический очерк) // Гревс И.М. Тацит.* - М. - Л., 1946. - С. 223 - 248.
- ¹⁴⁶ *Вульфсон Г.Н.* Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. - Казань: Изд-во Казанск. Ун - та, 1974. С. 13.; *Моисеева Т.А.* Русское дореволюционное антиковедение и эпиграфические памятники: Дис... канд. ист. наук. - Воронеж, 1974. - 231 с.
- ¹⁴⁷ *Ленин В.И.* От какого наследства мы отказываемся // Поли. собр. соч. - Т.2. - С. 519.
- ¹⁴⁸ *Драгоманов М.П.* Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит. - Киев, 1869: (тип. унив.). С. 230.
- ¹⁴⁹ *Модестов В.И.* Статьи для публики по вопросам историческим, политическим, общественным, философским и проч. В.И. Модестова. - СПб., 1883: (тип. В.С. Балашова). - Т. I. С. 141.
- ¹⁵⁰ *Модестов В.И.* О Германии: Наука, школа, парламент, люди, стремления. - СПб., 1888: (тип. В.С. Балашова). - С. 141.
- ¹⁵¹ *Модестов В.И.* О Германии: Наука, школа, парламент, люди, стремления. - СПб., 1888: (тип. В.С. Балашова). С. 141.
- ¹⁵² *Модестов В.И.* О Германии: Наука, школа, парламент, люди, стремления. - СПб., 1888: (тип. В.С. Балашова). С. 142.

-
- ¹⁵³ *Леонтьев П.М.* О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме // Русский вестник. - 1861. - Т. XXXI. - № I. С. 58 - 59.
- ¹⁵⁴ *Драгоманов М.П.* Положение и задачи науки древней истории // ЖМНП. - 1874. - № 10. - С. 174.
- ¹⁵⁵ *Драгоманов М.П.* Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого // Университетские известия (Киев). - 1865. - № 2. - С. 1.
- ¹⁵⁶ *Драгоманов М.П.* Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого // Университетские известия (Киев). - 1865. - № 2. - С. 19., прим 20.
- ¹⁵⁷ *Драгоманов М.П.* Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит. - Киев, 1869: (тип.унив.). - С. 388.
- ¹⁵⁸ *Драгоманов М.П.* Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит. - Киев, 1869: (тип.унив.). С. 37.
- ¹⁵⁹ *Драгоманов М.П.* Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит. - Киев, 1869: (тип.унив.). С. 359.
- ¹⁶⁰ *Драгоманов М.П.* Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит. - Киев, 1869: (тип.унив.). С. 359.
- ¹⁶¹ *Драгоманов М.П.* Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит. - Киев, 1869: (тип.унив.). С. 359.
- ¹⁶² *Модестов В.И.* Статьи для публики по вопросам историческим, политическим, общественным, философским и проч. В.И. Модестова. - СПб., 1883: (тип. В.С. Балашова). - Т. I. - С. 229.
- ¹⁶³ *Модестов В.И.* О Германии: Наука, школа, парламент, люди, стремления. - СПб., 1888: (тип. В.С. Балашова). С. 61.
- ¹⁶⁴ *Модестов В.И.* Классический мир с русской точки зрения: Публичная лекция // Новь. - 1885. - Т.3. - № 10. С. 295.
- ¹⁶⁵ Сочинения Корнелия Тацита: Русский перевод с примеч. и статьёй о Таците и его сочинениях В.И. Модестова. Т. I. Агрикола. Германия. История. -СПб., 1886: (изд. Л.Ф. Пантелеева). С. 142.
- ¹⁶⁶ *Модестов В.И.* О Франции. - СПб., 1889: (тип. В.С. Балашова). С. 246.
- ¹⁶⁷ *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о пифагореизме царя Нумы // Ф.О. - 1896. - Т.10. - С. 183.
- ¹⁶⁸ *Кулаковский Ю.А.* Коллегии в Древнем Риме. - Киев, 1882: (унив. тип.). - С. II.
- ¹⁶⁹ *Мягков Г.П.* «Русская историческая школа»: Методологические и идейно - политические позиции. - Казань: Изд - во Казанск. Ун - та, 1988. С. 98 - 99.

- ¹⁷⁰ Драгоманов М.П. Положение и задачи науки древней истории // ЖМНП. - 1874. - № 10. С. 165.
- ¹⁷¹ Модестов В.И. (Рец.): Геродот. История в девяти книгах: Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко, с его предисловием и указателем. Т.1. - М., 1885 // Новь. - 1885. - № 15. С. 1, 3, 4.
- ¹⁷² Аландский П.И. (Рец.): В.Э. Герн об арийской семье, её строе и развитии. - Киев, 1880: (тип. И.И. Завадского). С. 3.
- ¹⁷³ Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т.1. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). С. 58 - 59.
- ¹⁷⁴ Ростовцев М.И. Теодор Моммзен (1817-1903) // Мир Божий. - 1904. - № 2. - С. 5.
- ¹⁷⁵ Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т.1. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). С. 460.
- ¹⁷⁶ Ростовцев М.И. (Рец.): Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов (По поводу книги Bousche Leclercq. Histoire... 1913). - // Научный исторический журнал. - 1913. - Т. I. - С. 42 - 43.
- ¹⁷⁷ Ростовцев М.И. / Рец.: Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т.1. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). - XXIII. - 651 с. // Мир Божий. - 1900. - № 4. - С. 98-99.
- ¹⁷⁸ Драгоманов М.П. Положение и задачи науки древней истории // ЖМНП. - 1874. - № 10. С. 164.
- ¹⁷⁹ Драгоманов М.П. Положение и задачи науки древней истории // ЖМНП. - 1874. - № 10. С. 180.
- ¹⁸⁰ Бузескул В.П. Введение в историю Греции. - 3-е изд. - Пг., 1915. С. 461.
- ¹⁸¹ Зелинский Ф.Ф. / Рец.: Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи: от Августа до Диоклетиана. - СПб., 1899: (изд. И.Н. Скороходова). - XIУ. - 304 с. // Вестник Европы. - 1900. - № 8. - С. 587 - 588.
- ¹⁸² Зелинский Ф.Ф. / Рец.: Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи: от Августа до Диоклетиана. - СПб., 1899: (изд. И.Н. Скороходова). - XIУ. - 304 с. // Вестник Европы. - 1900. - № 8. - С. 586 - 587.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т.1.- СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича).- XXIII.- 651 с. С. 34-35.
- ¹⁸⁵ Там же.
- ¹⁸⁶ Там же.
- ¹⁸⁷ Там же.

- ¹⁸⁸ *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. - М.: Научное Слово, 1907. С. 12.
- ¹⁸⁹ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). - С. 35.
- ¹⁹⁰ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). С. 36-37.
- ¹⁹¹ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). - С. 37.
- ¹⁹² *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). - С. 38.
- ¹⁹³ *Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. - М.: Изд - во полит. Лит - ры, 1976. С. 25.
- ¹⁹⁴ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). - С. 39.
- ¹⁹⁵ *Бузескул В.П.* Введение в историю Греции. - 3-е изд. - Пг., 1915. С. 460 - 461.
- ¹⁹⁶ *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. - М.: Научное Слово, 1907. С. 10.
- ¹⁹⁷ «Русская историческая школа»: Методологические и идейно - политические позиции. - Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1988. С. 114.
- ¹⁹⁸ *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской буржуазной медиевистики середины 70 - х гг. XIX - начала XX вв. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. - Томск, 1963. С. 131.
- ¹⁹⁹ *Ростовцев М.И.* В.И. Модестов: Некролог // ЖМНП. - 1907. - №7. С. 8.
- ²⁰⁰ *Модестов В.И.* Статьи для публики по вопросам историческим, политическим, общественным, философским и проч. В.И. Модестова. - СПб., 1883: (тип. В.С. Балашова). - Т. I. - С. 1, 3, 4.
- ²⁰¹ *Ростовцев М.И.* (Рец.): Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов (По поводу книги Bousche Leclercq. Histoire... 1913). - // Научный исторический журнал. - 1913. - Т. I. С. 42-43.
- ²⁰² *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. - М.: Научное Слово, 1907. С. 3.
- ²⁰³ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). С. 3, 4.
- ²⁰⁴ *Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. - М.: Изд-во полит. Лит -ры, 1976. С. 25 - 26.

²⁰⁵ *Данилов А.И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX - начала XX вв. - М.: Изд-во АН СССР, 1958. - 367 с.; *Данилов А.И.* Эволюция идейно-методологических взглядов Д.М. Петрушевского и некоторые вопросы историографии средних веков // *Средние века.* - Вып. 6. - М., 1955. - С. 297 - 323.; *Могильницкий Б.Г.* О природе исторического познания. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. - 236 с. *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской буржуазной медиевистики середины 70 - х гг. XIX - начала XX вв. // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* - Томск, 1963. - С. 62 - 84. *Могильницкий Б.Г.* Д.М. Петрушевский как историк западноевропейского феодализма // *Учёные зап. Томск. гос. ун-та.* - 1958. - Т. 30. - С. 71 - 86. *Могильницкий Б.Г.* У истоков социально-экономического направления в русской буржуазно-либеральной медиевистике // *Методологические и историографические вопросы исторической науки.* Вып. 3. - Т. 178. - Томск, 1965. - С. 178 - 252. *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX века. В 2 частях. Часть 1. Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград: Изд-во Волгоградского госуниверситета, 1999. - 144 с.

²⁰⁶ *Данилов А.И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX - начала XX вв. - М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 3.

²⁰⁷ *Леонтьев П.М.* О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме // *Русский вестник.* - 1861. - Т. XXXI. - № I. - С. 12.

²⁰⁸ *Леонтьев П.М.* О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме // *Русский вестник.* - 1861. - Т. XXXI. - № I. С. 35, 48 - 49.

²⁰⁹ *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания (Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917)). - М.: Современник, 1989. - С. 221.

²¹⁰ *Модестов В.И.* Тацит и его сочинения: Историко - литературное исследование. - СПб., 1864: (тип. Н. Тиблена и К.). С. 182.

²¹¹ *Письмо В.И. Модестова Л.Ф. Пантелееву 25 июня 1877 г.* - ЦГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, ед. хр. 398, л. 30 об.

²¹² *Путнынь Э.К.* Социально-экономическая и политическая обусловленность тематики русских буржуазных либеральных историков по античности в эпоху промышленного капитализма (1861-1895 гг.) // *Научный ежегодник Саратовского гос. ун - та за 1955 г.* Отд. 2 Историческ. Фак - т. - Саратов, 1958. С. 112.

²¹³ *Модестов В.И.* Тацит и его сочинения: Историко-литературное исследование. - СПб., 1864: (тип. Н. Тиблена и К.). С. 183.

²¹⁴ *Модестов В.И.* Тацит и его сочинения: Историко-литературное исследование. - СПб., 1864: (тип. Н. Тиблена и К.). С. 184.

²¹⁵ *Дадынский Ф.М.* Аграрный вопрос Древнего Рима // Варшавские университетские известия. - 1884. - № 9. - С. 1 - 41; *Лятошинский Н.Л.* Братья Гракхи: Эпизод из римской жизни. - Житомир, 1895: (тип. М.Дененмана). - (4). - 64 с.; *Зворыкин Н.Н.* Классический опыт аграрных реформ: Краткий очерк землеустройства у древних римлян. - СПб., 1906: (тип. А.С. Суворина). - 56 с.; *Квасницкий Г.* Братья Гракхи. - Киев: Просвита, 1909. - 43 с.; *Фельсберг Э.* Братья Гракхи. - Юрьев, 1910: (тип. К. Матиссен). - УШ, 248 с.; *Штерн Э.* К оценке деятельности Тиберия Гракха: Сборник статей в честь В.П. Бузескула. - Харьков, 1914. - С. 1 - 27; *Звягинцев Е.А.* Борцы за народное дело - братья Гракхи. - 2-е изд. - М.: Задруга, 1917. - 36 с.

²¹⁶ *Зворыкин Н.Н.* Классический опыт аграрных реформ: Краткий очерк землеустройства у древних римлян. - СПб., 1906: (тип. А.С. Суворина). С. 3.

²¹⁷ *Драгоманов М.П.* Положение и задачи науки древней истории // ЖМНП. - 1874. - № 10. - С. 179.

²¹⁸ *Драгоманов М.П.* Положение и задачи науки древней истории // ЖМНП. - 1874. - № 10. С. 179.

²¹⁹ *Драгоманов М.П.* Положение и задачи науки древней истории // ЖМНП. - 1874. - № 10. С. 174.

²²⁰ *Драгоманов М.П.* Положение и задачи науки древней истории // ЖМНП. - 1874. - № 10. - С. 179.

²²¹ *Драгоманов М.П.* Положение и задачи науки древней истории // ЖМНП. - 1874. - № 10. - С. 177.

²²² *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). С. XII.

²²³ *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. - М.: Научное Слово, 1907. - С. 4, 8.

²²⁴ *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. - М.: Научное Слово, 1907. С. 14.

²²⁵ *Кулаковский Ю.А.* Коллегии в Древнем Риме. - Киев, 1882: (унив. тип.). С. 71.

²²⁶ *Кулаковский Ю.А.* Коллегии в Древнем Риме. - Киев, 1882: (унив. тип.). - С. 106.

²²⁷ *Гревс И.М.* Очерки по истории римского землевладения: Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира: Данные Петрония по аграрной истории I века империи // ЖМНП. - 1905. - № 9. - С. 88.

²²⁸ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф).- Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4). С. I, XI.

²²⁹ *Модестов В.И.* Классический мир с русской точки зрения: Публичная лекция // Новь. - 1885. - Т. 3. - № 10. С. 285.

²³⁰ *Ростовцев М.И.* (Рец.): Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов (По поводу книги Bousche Leclercq. Histoire... 1913). - // Научный исторический журнал. - 1913. - Т. I. - С. 44 - 45.

²³¹ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). - С. 58.

²³² Там же.

²³³ Там же. С. 242-243.

²³⁴ Там же. С. 242-243.

²³⁵ Там же. С. XII.

²³⁶ *Мищенко Ф.* Аландский П.И. // Краткий биографический словарь / Под ред. С.А. Венгерова. Вып. 1. - СПб., 1886. - С. 350.

²³⁷ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч.1, 1902 (4). С. I, 153.

²³⁸ *Ростовцев М.И.* Теодор Моммзен (1817-1903) // Мир Божий. - 1904. - № 2. С. 8.

²³⁹ *Синайский В.И.* Подушный надел в Древнем Риме. - Юрьев, 1907: (тип. К. Матиссен). - 66 с.; *Синайский В.И.* Очерки по истории землевладения и права в Древнем Риме. - Юрьев-Киев, 1908 - 1913: (тип.К. Матиссен). - Т. 1 - У1. - Т. I. ХУШ с. - Т. II. - У. 1913. ХП, 349 с. - Т. У1. 140, 81 с.

²⁴⁰ *Соколов Ф.Ф.* Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. - СПб., 1865: (тип. Имп. Академии наук). - С. 2.

²⁴¹ Там же. - С. 122.

²⁴² *Шиховский И.И.* О представительных учреждениях в древнем мире. - СПб., 1866: (тип. Имп. Академии наук). - (2), (I). - 54 с.

²⁴³ *Модестов В.И.* Римская письменность в период царей: Исследование В.И. Модестова. - Казань, 1868: (унив. тип.)- 1У. 152. III с. (нем. изд.: Der Gebrauch der Schrifunter den Romischen Konigen. Berlin , 1871).

²⁴⁴ *Модестов В.И.* Тацит и его сочинения: Историко-литературное исследование. - СПб., 1864: (тип. Н. Тиблена и К.). - 206 с.

- ²⁴⁵ *Модестов В.И.* Заграничные воспоминания // Исторический вестник. - 1883. - № 2. - С. 383 - 406; № 3. - С. 575 - 600; № 4. - С. 103 - 124. С. XII.
- ²⁴⁶ *Помяловский И.В.* Филологическая семинария и занятия латинской эпиграфикой проф. Ричля // ЖМНП. - 1870. - № II. - С. 45 - 46.
- ²⁴⁷ *Помяловский И.В.* Филологическая семинария и занятия латинской эпиграфикой проф. Ричля // ЖМНП. - 1870. - № II. - С. 46 - 47.
- ²⁴⁸ *О причислении ст. учителя Олонецкой гимназии Модестова, с увольнением от настоящей должности. Тут же о командировании его за границу с учёною целью.* - Центральный Государственный Исторический Архив РФ, ф. 733, оп. 5 (1862 - 1869), д. 219, Л. 38 и об.
- ²⁴⁹ *Об отпуске доцента Модестова за границу на вакационное время и 29 дней, с пособием из специальных сумм университета.* - Государственный архив Одесской области Украины, ф.45, оп. 4, д. 2577, Л. 1 и об., 4.
- ²⁵⁰ Там же.
- ²⁵¹ Там же. Л. 7 и об.
- ²⁵² *Модестов В.И.* Скептицизм в римской истории: Речь, произнесённая перед началом докторского диспута. - Казань, 1869: (тип. Унив.). С. 17.
- ²⁵³ *Помяловский И.В.* Эпиграфические этюды. - СПб., 1873: (тип. Академии Наук). С. IX.
- ²⁵⁴ *Цветаев И.В.* Учёно - литературная деятельность проф. И.В. Помяловского // Филологическое Обозрение. - 1897. - Т. 13. - № 2. - С. 193.
- ²⁵⁵ Там же. - С. 192.
- ²⁵⁶ *Цветаев И.В.* Сборник оскских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием. - Киев, 1877: (тип. ун-та Св. Владимира). С. III.
- ²⁵⁷ Там же. С. II.
- ²⁵⁸ Там же.
- ²⁵⁹ Там же. С. III.
- ²⁶⁰ Там же. С. IV.
- ²⁶¹ *Цветаев И.В.* Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг. - М., 1883: (изд. книгопродавца А.Л. Васильева). С. 9.
- ²⁶² Там же. С. 14 - 15.
- ²⁶³ Там же. С. 141, 150.
- ²⁶⁴ Там же. С. 151-152.
- ²⁶⁵ Там же. С. 154.
- ²⁶⁶ Там же. С. 158.

²⁶⁷ *Письма О. Марукки И.В. Цветаеву (1898-1899 гг.). Рим (На франц. языке).* - Архив Государственного Музея Изобразительных Искусств, ф. 6, оп.1, ед. хр. 1990, 1991, 3 л.

²⁶⁸ *Письма Л. Аве И.В. Цветаеву (1879-1885 гг.) (На франц. языке).* - Архив Государственного Музея Изобразительных Искусств, ф.6, оп.1, ед. хр.5-12. 210. *Письмо Ф. Барнаби И.В. Цветаеву 31 июня 1886 г. Рим (На итальянск. языке).* - Архив Государственного Музея Изобразительных Искусств, ф.6, оп.1, ед.хр.192, 1 л. 211. *Письмо Ф. Бюхелера И.В. Цветаеву 7 апреля 1877 г. Бонн. (На латинск. языке).* - Архив Государственного Музея Изобразительных Искусств, ф.6, оп.1, ед. 368, 1 л. 212. *Письмо Ф. Бюхелера И.В. Цветаеву 14 мая 1886 г. (На немецком языке).* - Архив Государственного Музея Изобразительных Искусств, ф.6, оп.1, ед. хр. 374, 1 л. 213. *Письмо Н. Гельбига И.В. Цветаеву 20 апреля 1903 г. Рим (На итальянском языке).* - Архив Государственного Музея Изобразительных Искусств, ф.6, оп.1, ед. хр. 492, 2 л. 214. *Письмо В. Генцена И.В. Цветаеву 17 февраля 1885 г. Бухевейгер (На немецком языке).* - Архив Государственного Музея Изобразительных Искусств, ф. 6, оп.1, ед. хр. 746, 1 л. 215. *Письмо Дросселя И.В. Цветаеву 20 марта 1882 г. Рим (На немецком языке).* - Архив Государственного Музея Изобразительных Искусств, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 1028, 2 л. 216. *Письмо д ' Овидио И.В. Цветаеву 7 апреля 1881 г. Неаполь (На итальянском языке).* - Архив Государственного Музея Изобразительных Искусств, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 2544, 2 л. 217. *Письмо Дж. Де Петра И.В. Цветаеву 16 декабря 1875 г. Неаполь. (На итальянском языке).* - Архив Государственного Музея Изобразительных Искусств Государственного Музея Изобразительных Искусств, ф. 6, оп.1, ед. хр. 2643, 1 л. 218. *Письмо А. Фабретти И.В. Цветаеву 27 декабря 1879 г. Турин.* - Архив Государственного Музея Изобразительных Искусств, ф.6, оп.1, ед. хр. 4326, 2 л.

²⁶⁹ *Помяловский И.В.* Филологическая семинария и занятия латинской эпиграфикой проф. Ричля // ЖМНП. 1870. № 11. С. 47.

²⁷⁰ *Протоколы заседаний Совета университета Св. Владимира. 5 декабря 1869 г. п. 10 (Модестов В.И. Прошение Совету историко-филологического факультета о заграничной научной командировке. 29 ноября 1869 г.) // Университетские Известия. Киев. - 1870. - № 2. - С.38-39, 37.*

²⁷¹ *Модестов В.И.* Скептицизм в римской истории: Речь, произнесённая перед началом докторского диспута. - Казань, 1869: (тип. Унив.). С. 7 - 8.

²⁷² *О командировании некоторых лиц по России и за границу.* - Центральный Государственный Исторический Архив РФ, ф. 733, оп. 121, д. 180, л. 59.

- ²⁷³ *Модестов В.И.* Древнейший период Рима: Новые археологические данные, к нему относящиеся. - СПб., 1895: (тип. В.С. Балашева). С. 27.
- ²⁷⁴ *Модестов В.И.* Расселение арийского племени по Италии. I. Вольски и эквы // Журнал Министерства народного просвещения - 1904. - № 8. - С. 348.
- ²⁷⁵ *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима. - Киев, 1888. С. 141.
- ²⁷⁶ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899. С. 69, 81-82, 96; *Гревс И.М.* Очерки по истории римского землевладения: Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира: Данные Петрония по аграрной истории I века империи // Журнал Министерства народного просвещения. - 1905. - № 9. - С. 67.
- ²⁷⁷ *Ростовцев М.И.* Теодор Моммзен (1817-1903) // Мир Божий. - 1904. - № 2. - С. 5.
- ²⁷⁸ *Ростовцев М.И.* Ходатайство о продлении его заграничной командировки в Африку для изучения римской истории. - Центральный Государственный Исторический Архив РФ, ф.733, оп.150, д. 859, л. 128-131. Л. 125 -129.
- ²⁷⁹ Там же.
- ²⁸⁰ *Ростовцев М.И.* История государственного откупа в Римской империи: от Августа до Диоклетиана. - СПб., 1899. С. 46 - 47, прим. I.
- ²⁸¹ *Ростовцев М.И.* Римские свинцовые тессеры. - СПб., 1903. С. 19.
- ²⁸² Там же. С. VI-VII.
- ²⁸³ Там же.
- ²⁸⁴ *Зелинский Ф.Ф.* / Рец.: Ростовцев М.И. Римские свинцовые тессеры. - СПб., 1903: (тип. И.Н. Скороходова).- 1У, УШ, 332 с./ // Журнал Министерства народного просвещения. - 1903. - № 9. - С. 145.
- ²⁸⁵ *Бузескул В.П. и Жебелев С.А.* Иван Вячеславович Нетушил: Некролог // Известия Академии наук СССР. 7 сер. Отд. гуманит. наук. - 1928. - № I. - С. 269.
- ²⁸⁷ *Аландский П.И.* August Voeskh. Энциклопедия и методология филологических наук. Изложение П.И. Аландского. - Киев, 1879: (тип. И.И. Завадского). С. 6.; *Помяловский И.В.* Энциклопедия, история и методология классической филологии с включением филологической критики и герменевтики: Лекции, прочитанные им в С. - Петербургском университете: Автограф. без конца. - Отдел рукописей публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова - Щедрина, ф. 608, оп. 1, ед. хр. 432; 43, л. 1.

²⁸⁸ *О командировании за границу молодых учёных для приготовления к должностям профессоров и преподавателей.* - Ленинградский Государственный Исторический Архив, ф. 14, оп. 1, д. 6111, л. 88, 126 - 132. Л. 88.

²⁸⁹ *Модестов В.И.* Предмет, задача, цель, область и преподавание классической филологии // ЖМНП. - 1878. - № 6. С. 156.

²⁹⁰ *Герье В.И.* Научное движение в области древнейшей римской истории // Издания Исторического общества при Московском университете. 1898. С. 331.

²⁹¹ *Модестов В.И.* Предмет, задача, цель, область и преподавание классической филологии // ЖМНП. - 1878. - № 6. С. 5.

²⁹² *Модестов В.И.* Статьи для публики по вопросам историческим, политическим, общественным, философским и проч. В.И. Модестова. - СПб., 1883: (тип. В.С. Балашова).- Т. I. - С. 242.

²⁹³ *Помяловский И.В.* Марк Теренций Варон Реатинский и Мениппова сатира. - СПб., 1869: (печатня В. Головина). С. VI, 42.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ *Помяловский И.В.* Марк Теренций Варон Реатинский и Мениппова сатира. - СПб., 1869: (печатня В. Головина).- С. VI, 42.

²⁹⁶ *Помяловский И.В.* Филологическая семинария и занятия латинской эпиграфикой проф. Ричля // ЖМНП. - 1870. - № II. - С. 58.

²⁹⁷ *Цветаев И.В.* Cornelii Taciti. Germania. I. Опыт критического обозрения текста.- Варшава, 1873: (тип. Варш. Учебн. округа). - С. II.

²⁹⁸ *Соколов Ф.Ф.* Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. - СПб., 1865: (тип. Имп. Академии наук). - С. 5.

²⁹⁹ *Мищенко Ф.* Аландский П.И. // Краткий биографический словарь / Под ред. С.А. Венгерова. Вып. 1. - СПб., 1886. - С. 348 - 349.

³⁰⁰ *Аландский П.И.* Древнейший период истории Рима и его изучение // Университетские известия. - Киев. - 1882. - № 2/5. - С. 184.

³⁰¹ Там же. - С. 100.

³⁰² *Азаревич Д.И.* Патриции и плебеи в Риме. - СПб.: Общественная польза, 1875. - Т. I - II. - Т. I. - С. 7.

³⁰³ Там же. - С. 8.

³⁰⁴ *Историография античной истории* / Под ред. В.И. Кузищина. - М.: Высшая школа, 1980. - С. 73-76.

- ³⁰⁵ *Моисеева Т.А.* Русское дореволюционное антиковедение и эпиграфические памятники: Дис... канд. ист. наук. - Воронеж, 1974. - С. 59.
- ³⁰⁶ *Помяловский И.В.* Филологическая семинария и занятия латинской эпиграфикой проф. Ричля // ЖМНП. - 1870. - № II. - С. 45.
- ³⁰⁷ Там же.
- ³⁰⁸ *Помяловский И.В.* Эпиграфические этюды. - СПб., 1873: (тип. Академии Наук). - С. 10.
- ³⁰⁹ Там же.
- ³¹⁰ *Помяловский И.В.* /Рец./: R. Cagnat. L armee romaine d Afrique et l occupation militaire de l Afrique sous les empereurs // ЖМНП. - 1892. - № 9. - С. 162.
- ³¹¹ *Помяловский И.В.* /Рец.: Кулаковский Ю.А. Коллегии в Древнем Риме. - Киев, 1882: (унив.тип.). - 137 с. / // ЖМНП. - 1883. - № 8. - С. 258, 261.
- ³¹² *Цветаев И.В.* Сборник оскских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием. - Киев, 1877: (тип. ун-та Св. Владимира). - С. III.
- ³¹³ Там же.
- ³¹⁴ *В.Н.* /Рец.: Цветаев И.В. Сборник оскских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием. - Киев, 1877: (тип. ун-та Св. Владимира). // Русский вестник. - 1886. - № 6. - С. 899.
- ³¹⁵ *Дело о докторском испытании гг. Модестова и Угянского.* - ЦГА Республики Татарстан, ф.977, оп. Ист - фил., д. 892, л. 30.
- ³¹⁶ *Ростовцев М.И.* В.И. Модестов: Некролог // ЖМНП. - 1907. - № 7. - С. 80.
- ³¹⁷ *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима. - Киев, 1888: (тип. Имп. ун-та Св. Владимира). - С. 114, 126, 128.
- ³¹⁸ Там же. - С. 137.
- ³¹⁹ Там же.
- ³²⁰ *Кулаковский Ю.А.* Коллегии в Древнем Риме. - Киев, 1882: (унив. тип.). - С. II.
- ³²¹ *Кулаковский Ю.А.* Надел ветеранов землёй и военные поселения в Римской империи. - Киев, 1881: (унив. тип.). - С. 27.
- ³²² *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима. - Киев, 1888: (тип. Имп. ун-та Св. Владимира). - С. 138.
- ³²³ Там же. - С. 16.
- ³²⁴ *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима. - Киев, 1888: (тип. Имп. ун-та Св. Владимира). - С. 33-34.
- ³²⁵ *Ростовцев М.И.* Теодор Моммзен (1817-1903) // Мир Божий. - 1904. - № 2. - С. 5.

- ³²⁶ *Ростовцев М.И.* История государственного откупа в Римской империи: от Августа до Диоклетиана. - СПб., 1899: (изд. И.Н. Скороходова). - С. X.
- ³²⁷ *Протоколы собраний историко-филологического факультета за 1903 г.* - ЛГИА, ф.14, оп. 3, д.16085, Л. 8.
- ³²⁸ *Ростовцев М.И.* (Рец.): Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов (По поводу книги Bousche Leclercq. Histoire... 1913). - // Научный исторический журнал. - 1913. - Т. I. - С. 40.
- ³²⁹ Там же. - С. 41-42.
- ³³⁰ *Зелинский Ф.Ф.* /Рец.: Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи: от Августа до Диоклетиана. - СПб., 1899: (изд. И.Н. Скороходова). - XIУ.- 304 с./ // Вестник Европы. - 1900.- № 8.- С. 618.
- ³³¹ *Гревс И.М.* Очерки по истории римского землевладения: Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира: Данные Петрония по аграрной истории I века империи // ЖМНП. - 1905. - № 9. - С. 67.
- ³³² *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). - С. 54.
- ³³³ Там же. - С. 69.
- ³³⁴ Там же. - С. 81-96.
- ³³⁵ *Энман А.Ф.* Легенда о римских царях: Её происхождение и развитие. - СПб., 1896: (тип. В.С. Балашова). - С. 9.
- ³³⁶ Там же. - С. II.
- ³³⁷ Там же. - С. 9.
- ³³⁸ Там же.
- ³³⁹ *Энман А.Ф.* Могила Ромула // ЖМНП. - 1300. - № II. - С. 90 - 96; № 12. - С. 87 - 112; 1901. - № 2. - С. 49 - 72.
- ³⁴⁰ *Модестов В.И.* О том, откуда пришли и кто были латиняне. - СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.). - С. 3.
- ³⁴¹ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902. - С. II, 3-4.
- ³⁴² Там же. - С. I, XI.
- ³⁴⁴ *Немировский А.И., Харсекин А.И.* Этруски: Введение в этрускологию.- Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та.- 192 с. С. 157.

³⁴⁵ *Немировский А.И., Харсекин А.И.* Этруски: Введение в этрускологию.- Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та.- 192 с. С. 156, 158.

³⁴⁶ *Ильинская Л.С.* Этнические и культурные контакты западного и восточного Средиземноморья в микенскую эпоху: Сицилия и Эгеида.- М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1983.- С. 7.

³⁴⁷ *Модестов В.И.* О происхождении сикулов на основании литературных, археологических и антропологических данных,- СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.).- С. 331-332.

³⁴⁸ *Модестов В.И.* О происхождении сикулов на основании литературных, археологических и антропологических данных,- СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.).- С. 331-332.

³⁴⁹ *Соколов Ф.Ф.* Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии.- СПб., 1865: (тип. Имп. Академии наук).- (2). 1У. - С. 2.

³⁵⁰ *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима. - Киев, 1888: (тип. Имп. ун-та Св. Владимира). - С. 1.

³⁵¹ *Модестов В.И.* Заграничные воспоминания // Исторический вестник. - 1883. - № 2. - С. 383 - 406; № 3. - С.575 - 600; № 4. - С. 103 - 124.; *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256. - 19 с.; Ч.2, 1904 (4), ХХП, 162. - 27 с. 6 л.табл. С. II.

³⁵² *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима.- Киев, 1888: (тип. Имп.ун-та Св. Владимира).- С. 21.

³⁵³ *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима. - Киев, 1888: (тип. Имп. Ун-та Св. Владимира).- С. 34.

³⁵⁴ *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима. - Киев, 1888: (тип. Имп. ун-та Св. Владимира).- С. 36.

³⁵⁵ *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима. - Киев, 1888: (тип. Имп. ун-та Св. Владимира). - С. 69.

³⁵⁶ *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима. - Киев, 1888: (тип. Имп. ун-та Св. Владимира).- С. 112 -114, 128.

³⁵⁷ *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима.- Киев, 1888: (тип. Имп. Ун-та Св. Владимира).- С. 138-139.

³⁵⁸ *Кулаковский Ю.А.* К вопросу о начале Рима. - Киев, 1888: (тип. Имп. ун-та Св. Владимира). - С. 141.

- ³⁵⁹ *Аландский П.И.* Древнейший период истории Рима и его изучение // Университетские известия. - Киев. - 1881. - № 9. - С. 297.
- ³⁶⁰ *Аландский П.И.* Древнейший период истории Рима и его изучение // Университетские известия. - Киев. - 1881. - № 8. - С. 217-218.
- ³⁶¹ *Письма Л. Аве И.В. Цветаеву (1879-1885 гг.) (На франц. языке).* - Архив ГМИИ, ф. 6, оп.1, ед.хр.5 -12. С. I - II, 1 - 2.
- ³⁶² *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Вып.1 и 2. - Харьков, 1894: (тип. А. Дарре). Вып.3.- Харьков, 1902: (тип. М. Зильбергер и сыновья). - С. 7 - 11.
- ³⁶³ *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Вып.1 и 2. - Харьков, 1894: (тип. А. Дарре). Вып.3.- Харьков, 1902: (тип. М. Зильбергер и сыновья). - С. 15 - 16.
- ³⁶⁴ *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Вып.1 и 2. - Харьков, 1894: (тип. А. Дарре). Вып.3.- Харьков, 1902: (тип. М. Зильбергер и сыновья). - С. 55.
- ³⁶⁵ *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Вып.1 и 2. - Харьков, 1894: (тип. А. Дарре). Вып.3. - Харьков, 1902: (тип. М. Зильбергер и сыновья). С. III, 569.
- ³⁶⁶ *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Вып.1 и 2. - Харьков, 1894: (тип. А. Дарре). Вып.3. - Харьков, 1902: (тип. М. Зильбергер и сыновья). С. 603 - 604.
- ³⁶⁷ *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Вып.1 и 2. - Харьков, 1894: (тип. А. Дарре). Вып.3. - Харьков, 1902: (тип. М. Зильбергер и сыновья). С. 624-625.
- ³⁶⁸ *Нетушил И.В.* К начальной истории Рима // Ф.О. - 1892. - Т. II. - С. 157.
- ³⁶⁹ *Нетушил И.В.* Основная территория римской общины // ЖМНП. 1902.- № 7. - С. 313, 328.
- ³⁷⁰ *Нетушил И.В.* По поводу вопроса о пифагореизме Нумы // Ф.О. 1896. - Т. 10. - № 2. С. 208-209.
- ³⁷¹ *Нетушил И.В.* Обзор Римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах. - Харьков, 1916: (кн. маг. Тов - ва А.С. Суворина). С. 5.

³⁷² *Нетушил И.В.* Обзор Римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах. - Харьков, 1916: (кн. маг. Тов - ва А.С. Суворина). С. 20.

³⁷³ *Нетушил И.В.* Реферат о римской истории в учебнике Иловайского // Ф.О. - 1896. - Т. X. С. 36-44.

³⁷⁴ *Ловягин А.М.* /Рец.: Энман А.Ф. Легенда о римских царях: Её происхождение и развитие. - СПб., 1896: (тип. В.С. Балашова). - 380 с./ // Ф.О. - 1898. - Т. 14. - № I. - С. 9.

³⁷⁵ *Нетушил И.В.* Краткое обозрение разработки римской истории: Приложение к «Обзору римской истории». 2 - е изд. 1916 // Записки Императорск. Харьковск. Ун - та. - 1916. - Кн.2 и 3. - С. 13; *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч.1 - 2. Ч.1, 1902 (4), ХУ1, 256. - 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162. - 27 с. 6 л.табл. С. II, XVI, XVIII.

³⁷⁶ *Немировский А.И., Харсекин А.И.* Этруски: Введение в этрускологию. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. - С. 163.

³⁷⁷ *Немировский А.И., Харсекин А.И.* Этруски: Введение в этрускологию. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. - 192 с.

³⁷⁸ *Немировский А.И., Харсекин А.И.* Этруски: Введение в этрускологию. - Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та. С. 164.

³⁷⁹ *Бекитрем А.Г.* Из области этрускологии // ЖМНП. - 1907. - № 7. - С.315 - 362; № 8. - С. 363 - 382; № 9. - С. 432 - 445.

³⁸⁰ *Бекитрем А.Г.* Из области этрускологии // ЖМНП. - 1907. - № 7. - С.315 - 362; № 8. - С. 363 - 382; № 9. - С. 432 - 445.

³⁸¹ *Модестов В.И.* Римская письменность в период царей: Исследование В.И. Модестова. - Казань, 1868: (унив. тип.). - 1У. 152. III с. (нем. изд.: Der Gebrauch der Schrifunter den Romischen Konigen. Berlin , 1871). С. II.

³⁸² *Модестов В.И.* Скептицизм в римской истории: Речь, произнесённая перед началом докторского диспута. - Казань, 1869: (тип.Унив.). С. 9.

³⁸³ *Модестов В.И.* Учёная жизнь в Риме // ЖМНП. - 1892. - № 3. - С. 336 - 369. *Модестов В.И.* О Риме как центре археологического, исторического и филологического образования и о моих в нём занятиях: Сообщение, сделанное в СПб. обществе классической филологии и педагогики 20 сентября 1900 г. // Ф.О. - 1900. - Т. Т. ХУШ. - Кн. 1. - С. 102.

³⁸⁴ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима.- СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф).- Ч. 1 - 2. Ч. I, 1902 (4), С. XI.

³⁸⁵ *Модестов В.И.* Фалиски // ЖМНП. - 1895. - № 3. - С. 131.

³⁸⁶ *Модестов В.И.* Фалиски // ЖМНП. - 1895. - № 3. - С. 136.

³⁸⁷ *Модестов В.И.* О Риме как центре археологического, исторического и филологического образования и о моих в нём занятиях: Сообщение, сделанное в СПб. обществе классической филологии и педагогики 20 сентября 1900 г. // Ф.О. - 1900. - Т. Т.ХУШ. - Кн. 1. - С. 104.

³⁸⁸ *Модестов В.И.* Образование римской расы и условия римского величия: Отрывок из публичных лекций о Риме древнем и новом // ЖМНП. - 1896. - № 5. С. 3.

³⁸⁹ *Модестов В.И.* О Риме как центре археологического, исторического и филологического образования и о моих в нём занятиях: Сообщение, сделанное в СПб. обществе классической филологии и педагогики 20 сентября 1900 г. // Ф.О. - 1900. - Т. Т.ХУШ. - Кн. 1. - С. 105; *Модестов В.И.* О происхождении сикулов на основании литературных, археологических и антропологических данных. СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.). - 93 с.

³⁹⁰ *Модестов В.И.* О происхождении сикулов на основании литературных, археологических и антропологических данных,- СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.). С. 202.

³⁹¹ *Модестов В.И.* О происхождении сикулов на основании литературных, археологических и антропологических данных,- СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.). - С. 207, 210.

³⁹² *Модестов В.И.* О происхождении сикулов на основании литературных, археологических и антропологических данных. - СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.). - С. 331 - 332.

³⁹³ *Модестов В.И.* О происхождении сикулов на основании литературных, археологических и антропологических данных. - СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.). - С. 335.

³⁹⁴ *Модестов В.И.* О Риме как центре археологического, исторического и филологического образования и о моих в нём занятиях: Сообщение, сделанное в СПб. обществе классической филологии и педагогики 20 сентября 1900 г. // Ф.О. - 1900. - Т. Т.ХУШ. - Кн. 1. - С. 105; *Ильинская Л.С.* Этнические и культурные контакты западного и восточного Средиземноморья в микенскую эпоху: Сицилия и Эгеида. - М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. - С. 15.

³⁹⁵ *Модестов В.И.* О Риме как центре археологического, исторического и филологического образования и о моих в нём занятиях: Сообщение, сделанное в СПб. обществе классической филологии и педагогики 20 сентября 1900 г. // Ф.О. - 1900. - Т. Т.ХУШ. - Кн. 1. - С. 270.

³⁹⁶ *Модестов В.И.* О том, откуда пришли и кто были латиняне. - СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.). - С. 245 - 246.

³⁹⁷ *Reinach S.* Introduction a l histoire romaine L Etnologie pre historique et les influences civilisatrices a l epoque, preromaine en Italie // L. Antropologie. - 1902. XIII. - S. 375.

³⁹⁸ *Немировский А.И.* История раннего Рима и Италии: Возникновение классового общества и государства. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1962. С. 80.

³⁹⁹ *Модестов В.И.* О том, откуда пришли и кто были латиняне. - СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.). - С. 232, 253.

⁴⁰⁰ *Модестов В.И.* О том, откуда пришли и кто были латиняне. - СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.). С. 230, 233.

⁴⁰¹ *Модестов В.И.* О том, откуда пришли и кто были латиняне. - СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.). С. 246-249.

⁴⁰² *Модестов В.И.* О том, откуда пришли и кто были латиняне. - СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.). С. 253, 267.

⁴⁰³ *Модестов В.И.* Всё о сикулах, умбрах и латинянах // ЖМНП. - 1899. - № 5. - С. 113 - 151; № 9. - С. 18.

⁴⁰⁴ *Модестов В.И.* Всё о сикулах, умбрах и латинянах // ЖМНП. - 1899. - № 5. - С. 138, 148-149.

⁴⁰⁵ *Модестов В.И.* Всё о сикулах, умбрах и латинянах // ЖМНП.-1899.- № 5. - С. 148 - 149.

⁴⁰⁶ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима.- СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256. - 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162. - 27 с. 6 л.табл. С. 55.

⁴⁰⁷ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256. - 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162. - 27 с. 6 л.табл. С. 20 - 21.

⁴⁰⁸ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч.1, 1902 (4), ХУ1, 256. - 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162. - 27 с. 6 л.табл. С. 26 - 27.

⁴⁰⁹ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256. - 19 с.; Ч.2, 1904 (4), ХХП, 162. - 27 с. 6 л.табл. С. 33 - 40.

⁴¹⁰ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч.1, 1902 (4), ХУ1, 256. - 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162. - 27 с. 6 л.табл. С. 82 - 87.

⁴¹¹ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256. - 19 с.; Ч.2, 1904 (4), ХХП, 162. - 27 с. 6 л.табл. С. 52 - 53, 56 - 59.

⁴¹² *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256. - 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162. - 27 с. 6 л.табл. С. 90.

⁴¹³ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256. - 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162. - 27 с. 6 л.табл. С. 122.

⁴¹⁴ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256. - 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162. - 27 с. 6 л. табл. С. 127, 135.

⁴¹⁵ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф).- Ч. 1 - 2. Ч.1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч.2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл. С. 153, 157.

⁴¹⁶ *Анучин Д.Н.* /Рец.: Модестов В.И. Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима.- СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч.2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл./ - М., 1909: (тип. о-ва распространения полезных книг, преемник В.И. Воронов). С. 25.

⁴¹⁷ *Анучин Д.Н.* /Рец.: Модестов В.И. Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима.- СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл./ . - М., 1909: (тип. о-ва распространения полезных книг, преемник В.И. Воронов). С. 28.

⁴¹⁸ *Ростовцев М.И.* /Рец.: Модестов В.И. Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима.- СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл./ // Мир Божий. - 1902. - № II. С. 108.

⁴¹⁹ *Немировский А.И.* История раннего Рима и Италии: Возникновение классового общества и государства. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1962. С. 81.

⁴²⁰ *Немировский А.И.* История раннего Рима и Италии: Возникновение классового общества и государства. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1962. - 299 с. *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима.- СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч.2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл. С. I, 184 - 208.

⁴²¹ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч.2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл. С. 209, 214-217.

⁴²² *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл. С. I, 1 - 2.

⁴²³ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл. С. II, 5-9.

⁴²⁴ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл. С. II, 9-11, 15-17, 30-39.

⁴²⁵ *Анучин Д.Н.* /Рец.: *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. -

СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл./ - М., 1909: (тип. о-ва распространения полезных книг, преемник В.И. Воронов). С. 3.

⁴²⁶ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл. С. II, 18-19.

⁴²⁷ *Маяк И.А.* Рим первых царей: Генезис римского полиса. - М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 9.

⁴²⁸ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл. С. II, 135.

⁴²⁹ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902 - 1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч. 2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл. С. II, 136.

⁴³⁰ *Модестов В.И.* Расселение арийского племени по Италии. I. Вольски и эквы // тип. - 1904. - № 8. С. 335-336.

⁴³¹ *Модестов В.И.* Расселение арийского племени по Италии. II. Оски и аврунки // ЖМНП. - 1905. - № 3. С. 1.

⁴³² *Немировский А.И.* История раннего Рима и Италии: Возникновение классового общества и государства. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1962. С. 115, 122 прим.

⁴³³ *Модестов В.И.* Расселение арийского племени по Италии. II. Оски и аврунки // ЖМНП. - 1905. - № 3. С. 13.

⁴³⁴ *Модестов В.И.* Расселение арийского племени по Италии. II. Оски и аврунки // ЖМНП. - 1905. - № 3. С. 16-17.

⁴³⁵ *Модестов В.И.* Расселение арийского племени по Италии. II. Оски и аврунки // ЖМНП. - 1905. - № 3. С. 19, 24, 27.

⁴³⁶ *Модестов В.И.* Расселение арийского племени по Италии. II. Оски и аврунки // ЖМНП. - 1905. - № 3. С. 29-38, 39.

⁴³⁷ *Немировский А.И.* История раннего Рима и Италии: Возникновение классового общества и государства. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1962. С. 112.

⁴³⁸ *Модестов В.И.* Расселение арийского племени по Италии. III. Сабелльские народы // ЖМНП. - 1905. - № 6. - С. 366 - 399. С. 366, 369, 370 - 372.

- ⁴³⁹ *Модестов В.И.* Расселение арийского племени по Италии. III. Сабелльские народы // ЖМНП. - 1905. № 7. - С. 1 - 40. С. 40, 37.
- ⁴⁴⁰ *Модестов В.И.* Венеты // ЖМНП. - 1906. - № 2. - С.311.
- ⁴⁴¹ *Модестов В.И.* Венеты // ЖМНП. - 1906. - № 2. - С. 326, 328-331.
- ⁴⁴² *Модестов В.И.* Греки в Италии. I. Хронологический вопрос // ЖМНП. - 1906. - № 9. - С. 1 - 27. *Модестов В.И.* Греки в Италии. II. Археологические данные римских холмов, свидетельствующие о сношениях с греками в древнейшую эпоху Рима // ЖМНП. - 1907. - № 3. - С. 100 - 131.
- ⁴⁴³ *Reinach S.* Introduction a l histoire romaine L Ethnologie pre historique et les influences civilisatrices a l epoque, preromaine en Italie // L. Antropologie. - 1902. XIII. - S. 371.
- ⁴⁴⁴ *Prasek I.V.* V.I. Modestov. Введение в римскую историю... Ч. 2. ... // Ceske museum filologicke. - 1904. - R. 10. - S. 151. *Prasek I.V.* V.I. Modestov. Введение в римскую историю... Ч. I. ... // Ceske museum filologicke. - 1903. - R. 9. S. 475.
- ⁴⁴⁵ *Peroutka Em.* B. Modestov. Introduction a l histoire romaine // Listy Filologicke. 1908. - 35. S. 380.
- ⁴⁴⁶ *Hoernes M.* Basil Modestovs. Einleitung in die romische geschichte // Globus. - Bd. - 1902. - S. 5 – 10.
- ⁴⁴⁷ *Немировский А.И.* Этруски: От мифа к истории. - М.: Наука, 1983. С. 10; *Немировский А.И., Харсекин А.И.* Этруски: Введение в этрускологию. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. - С. 6.
- ⁴⁴⁸ *Ильинская Л.С.* Этнические и культурные контакты западного и восточного Средиземноморья в микенскую эпоху: Сицилия и Эгеида. - М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. - С. 15.
- ⁴⁴⁹ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч.2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл. С. I, 66.
- ⁴⁵⁰ *Модестов В.И.* Фалиски // ЖМНП. - 1895. - № 3. - С. 155.
- ⁴⁵¹ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1-2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч.2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл. С. I, 153.
- ⁴⁵² *Модестов В.И.* О том, откуда пришли и кто были латиняне. - СПб., 1898: (тип. В.С. Балашов и К.). С. 18.

- ⁴⁵³ *Модестов В.И.* Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. - СПб., 1902-1904: (тип. тов-ва М.О. Вольф). - Ч. 1 - 2. Ч. 1, 1902 (4), ХУ1, 256, 19 с.; Ч.2, 1904 (4), ХХП, 162, 27 с. 6 л.табл. С. I, 67.
- ⁴⁵⁴ *Могильницкий Б.Г.* У истоков социально-экономического направления в русской буржуазно-либеральной медиэвистике // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 3. - Т. 178. - Томск, 1965. - С. 181.
- ⁴⁵⁵ *Зворыкин Н.Н.* Классический опыт аграрных реформ: Краткий очерк землеустройства у древних римлян. - СПб., 1906: (тип. А.С. Суворина). С. 3.
- ⁴⁵⁶ *Леонтьев П.М.* О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме // Русский вестник. - 1861. - Т. XXXI. - № I. - С. 38.
- ⁴⁵⁷ *Леонтьев П.М.* О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме // Русский вестник. - 1861. - Т. XXXI. - № I. - С. 71; *Запольский В.* Братья Гракхи и их законоположения // Московские университетские известия. - 1871. - № 5. С. 141.
- ⁴⁵⁸ *Леонтьев П.М.* О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме // Русский вестник. - 1861. - Т. XXXI. - № I. - С. 76.
- ⁴⁵⁹ *Гримм Э.Д.* Гракхи, их жизнь и деятельность: Биографический очерк Э.Д. Гримма. - СПб., 1894: (тип. Общественная польза). С. 95; *Леонтьев П.М.* О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме // Русский вестник. - 1861. - Т. XXXI. - № I. С. 79.
- ⁴⁶⁰ *Фельсберг Э.* Братья Гракхи. - Юрьев, 1910: (тип. К. Матиссен). - УШ, 248 с.; *Кулаковский Ю.А.* К поминке об П.И. Аландском // Университетские известия (Киев). - 1884. - № 3. - С. 1-14. *Кулаковский Ю.А.* Памяти Моммзена // ЖМНП. - 1904. - № I. - С.39-61.
- ⁴⁶¹ *Фельсберг Э.* Братья Гракхи. - Юрьев, 1910: (тип. К. Матиссен). - С. 221.
- ⁴⁶² *Штерн Э.* К оценке деятельности Тиберия Гракха: Сборник статей в честь В.П. Бузескула. - Харьков, 1914. С. 6 -7.
- ⁴⁶³ *Штерн Э.* К оценке деятельности Тиберия Гракха: Сборник статей в честь В.П. Бузескула. - Харьков, 1914. - С. 25.
- ⁴⁶⁴ *Дадынский Ф.М.* Аграрный вопрос Древнего Рима // Варшавские университетские известия. - 1884. - № 9. - С. 33.
- ⁴⁶⁵ *Штерн Э.* К оценке деятельности Тиберия Гракха: Сборник статей в честь В.П. Бузескула. - Харьков, 1914. С. 26.
- ⁴⁶⁶ *Виноградов П.Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. - СПб., 1880: (тип. В.С. Балашова). - Гл.1. С. 19 - 75.; *Виноградов П.Г.* Аграрный кризис Римской империи // Научное Слово. - 1904. - Кн. VII. - С. 56 - 69; *Ростовцев М.И.*

Происхождение колоната // Ф.О. - 1900. - Т. XIX. - С.1 05 - 109; *Ростовцев М.И.* Римский колонат // Современный мир. - 1911. - № I. - С. 260 - 280; № 2. - С. 133 - 159. *Ростовцев М.И.* Колонат // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. - СПб., Б.г. - Т. 22. - С. 216 - 221.

⁴⁶⁷ *Виноградов П.Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. - СПб., 1880: (тип. В.С. Балашова). - Гл.1. С. 21.

⁴⁶⁸ *Виноградов П.Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. - СПб., 1880: (тип. В.С. Балашова). - Гл.1. С. 27.

⁴⁶⁹ *Виноградов П.Г.* Аграрный кризис Римской империи // Научное Слово. - 1904. - Кн. VII. - С. 60.

⁴⁷⁰ *Виноградов П.Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. - СПб., 1880: (тип. В.С. Балашова). - Гл.1. С. 60.

⁴⁷¹ *Виноградов П.Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. - СПб., 1880: (тип. В.С. Балашова). - Гл.1. С. 65.

⁴⁷² *Виноградов П.Г.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. - СПб., 1880: (тип. В.С. Балашова). - Гл.1. С. 69.

⁴⁷³ *Гревс И.М.* Новое исследование о колонате // ЖМНП. - 1886. - № II. - С. 143; № 12. - С. 315.

⁴⁷⁴ *Ростовцев М.И.* Римский колонат // Современный мир. - 1911. - № I. - С. 261.

⁴⁷⁵ *Ростовцев М.И.* Происхождение колоната // Ф.О. - 1900. - Т. XIX. - С. 106.

⁴⁷⁶ *Ростовцев М.И.* Происхождение колоната // Ф.О. - 1900. - Т. XIX. - С. 109.

⁴⁷⁷ *Вольдемар А.* / Рец.: Ростовцев М.И. Римские свинцовые тессеры. - СПб., 1903:(тип. И.Н. Скороходова). - 1У, УШ, 332 с.// Гермес. - 1911. - № I. С. 3.

⁴⁷⁸ *Вольдемар А.* /Рец.: Ростовцев М.И. Римские свинцовые тессеры. - СПб., 1903:(тип. И.Н. Скороходова). - 1У, УШ, 332 с.// Гермес. - 1911. - № I. С. 262.

⁴⁷⁹ *Ростовцев М.И.* Римский колонат // Современный мир. - 1911. - № I. - С. 265.

⁴⁸⁰ *Ростовцев М.И.* Римский колонат // Современный мир. - 1911. - № I. - С. 277.

⁴⁸¹ *Ростовцев М.И.* Римский колонат // Современный мир. - 1911. - № 2. С. 143.

⁴⁸² *Ростовцев М.И.* Римский колонат // Современный мир. - 1911. - № 2. С. 146.

⁴⁸³ *Ростовцев М.И.* Римский колонат // Современный мир. - 1911. № 2. С. 147.

⁴⁸⁴ *Ростовцев М.И.* Римский колонат // Современный мир. - 1911. № 2. С. 147, 152.

⁴⁸⁵ *Ростовцев М.И.* Римский колонат // Современный мир. - 1911. № 2. С. 159.

⁴⁸⁶ *Нахман Ф.М.* Об историческом развитии мелко-арендных отношений в Северной Африке в первые века империи // ЖМНП. - 1909. - № 5. - С. 223, 230-231.

-
- ⁴⁸⁷ *Приговорский Г.М.* Развитие колонатных отношений в Римской Африке. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1909. С. 3.
- ⁴⁸⁸ *Приговорский Г.М.* Развитие колонатных отношений в Римской Африке. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1909. С. 47.
- ⁴⁸⁹ *Приговорский Г.М.* Развитие колонатных отношений в Римской Африке. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1909. С. 26, 31, 42.
- ⁴⁹⁰ *Приговорский Г.М.* Развитие колонатных отношений в Римской Африке. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1909. С. 39.
- ⁴⁹¹ *Приговорский Г.М.* Развитие колонатных отношений в Римской Африке. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1909. С. 65.
- ⁴⁹² *Бицилли П.М.* *Colonus et conductor* в свете новейших исследований // ЖМНП. - 1913. - № 8. С. 374, 378.
- ⁴⁹³ *Машкин Н.А.* Д.М. Петрушевский как историк Римской империи // Средние века. - 1946. - Вып.2. - С. 39.
- ⁴⁹⁴ *Данилов А.И.* Эволюция идейно-методологических взглядов Д.М. Петрушевского и некоторые вопросы историографии средних веков // Средние века. - Вып.6. - М., 1955. - С. 297 - 323; *Могильницкий Б.Г.* Д.М. Петрушевский как историк западноевропейского феодализма // Учёные зап. Томск. гос. ун-та. -1958. - Т. 30. - С. 71 - 86.
- ⁴⁹⁵ *Машкин Н.А.* Д.М. Петрушевский как историк Римской империи // Средние века. - 1946. - Вып.2. - С. 34.
- ⁴⁹⁶ *Машкин Н.А.* Д.М. Петрушевский как историк Римской империи // Средние века. - 1946. - Вып.2. - С. 35.
- ⁴⁹⁷ *Машкин Н.А.* Д.М. Петрушевский как историк Римской империи // Средние века. - 1946. - Вып.2. - С. 36.
- ⁴⁹⁸ *Машкин Н.А.* Д.М. Петрушевский как историк Римской империи //Средние века. - 1946. - Вып.2. - С. 36.
- ⁴⁹⁹ *Машкин Н.А.* Д.М. Петрушевский как историк Римской империи //Средние века. - 1946. - Вып.2. С. 36.
- ⁵⁰⁰ *Комаровский Л.А.* Очерки Рима в финансовом и экономическом отношениях. - М.: Унив. тип., 1869. - С. 9, прим.
- ⁵⁰¹ *Синайский В.И.* Подушный надел в Древнем Риме. - Юрьев, 1907: (тип. К. Матиссен). - 66 с.; *Синайский В.И.* Очерки по истории землевладения и права в Древнем Риме. - Юрьев-Киев, 1908 - 1913: (тип.К. Матиссен). - Т. 1-У1. - Т.І. ХУШ с. - Т.ІІ. - У. 1913. ХП, 349 с. - Т.У1. 140, 81 с.

⁵⁰² *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). С. 30.

⁵⁰³ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). С. 217 - 218.

⁵⁰⁴ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). С. 218.

⁵⁰⁵ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). С. 225.

⁵⁰⁶ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). С. 249, 264.

⁵⁰⁷ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). С. 542-543.

⁵⁰⁸ *Гревс И.М.* Очерки по истории римского землевладения: Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира: Данные Петрония по аграрной истории I века империи // ЖМНП. - 1905. - № 9. - С. 42 - 93. С. 79 - 79; *Гревс И.М.* Большое сельское поместье в древней Италии и крупное землевладение в римском мире к концу I в. империи // ЖМНП. - 1897. - № 9. - С. 1 - 55; № 10. - С. 277 - 324.

⁵⁰⁹ *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. - СПб., 1899: (тип. М.М. Стасюлевича). С. 613.

⁵¹⁰ *Гревс И.М.* Очерки по истории римского землевладения: Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира: Данные Петрония по аграрной истории I века империи // ЖМНП. - 1905. - № 9. С. 88.

⁵¹¹ *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 12. - С. 73.

⁵¹² *Бибиков А.И.* Несколько соображений об особенностях древнеримского капитализма. - М.: Б.И., 1917. - С. 19.

⁵¹³ *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. - М.: Научное Слово, 1907. С. 33.

⁵¹⁴ *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. - М.: Научное Слово, 1907. С. 112.

⁵¹⁵ *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. - М.: Научное Слово, 1907. С. 113.

⁵¹⁶ *Маркс К.* Капитал. Том III.- Деление прибыли на процент и предпринимательский доход... Докапиталистические отношения // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 25. - Ч. II. - С. 142.

⁵¹⁷ *Историография античной истории* / Под ред. В.И. Кузищина. - М.: Высшая школа, 1980. *Сальвиоли Г.* Капитализм в античном мире: Этюд по истории хозяйственного быта Рима. - Харьков - Екатеринослав: Всеукраинское гос. изд. - во, 1922.

⁵¹⁸ Там же. - С. 249, 264.

⁵¹⁹ Там же. - С. 542 - 543.

⁵²⁰ Там же. - С. 613.

⁵²¹ *Кречмар М.* Указ соч. - С. 13 - 16, 18.

⁵²² *Ростовцев М. М.* История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). - СПб., 1899: (изд. И.Н. Суколохова). - С. 45.

⁵²³ Там же. - С. 54.

⁵²⁴ *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857 - 1858 гг.) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2 - е изд. - Т. 12. - С. 731.

⁵²⁵ *Прошение попечителя Одесского учебного округа Министру народного просвещения об утверждении М. Вольского орд. профессором кафедры политэкономии и статистики Новороссийского университета.* - ГАОО, ф.42, оп.35, д.65. Л. 119.

⁵²⁶ *Вольский М.М.* Рабская обработка земли.- Одесса, 1869: (тип. П. Францова). С. 7.

⁵²⁷ *Вольский М.М.* Рабская обработка земли. - Одесса, 1869: (тип. П. Францова). С. 8.

⁵²⁸ *Вольский М.М.* Рабская обработка земли. - Одесса, 1869: (тип. П. Францова). С. 19, 63, 100.

⁵²⁹ *А.Ш.* Рабство в Древнем Риме.- М., 1900: (тип. А.В. Васильева и К.). С. 41.

⁵³⁰ *Дело о присуждении Н. Мухину звания доктора церковной истории.*- ЦГИА Украины, ф.711, оп.3, д. 3911.

⁵³¹ *Мухин Н.Ф.* Положение рабов в Римском государстве в дохристианский период истории: Исторический очерк. - Киев, 1916: (тип. акц. общ-ва Пётр Боярский в Киеве). С. 177.

⁵³² *Кулаковский Ю.А.* Светоний и его биографии Цезарей // Университетские известия (Киев). - 1881. - № 10. - С. 255; 263-265.

⁵³³ *Кулаковский Ю.А.* Коллегии в Древнем Риме. - Киев, 1882: (унив.тип.). С. 95.

⁵³⁴ *Кулаковский Ю.А.* Коллегии в Древнем Риме. - Киев, 1882: (унив.тип.). С. 104.

⁵³⁵ *Кулаковский Ю.А.* Коллегии в Древнем Риме. - Киев, 1882: (унив.тип.). С. 106.

- ⁵³⁶ *Помяловский И.В.* /Рец.: Кулаковский Ю.А. Коллегии в Древнем Риме. - Киев, 1882: (унив.тип.). - 137 с. // ЖМНП. - 1883. - № 8. С. 251-278.
- ⁵³⁷ *Бузескул В.П.* Введение в историю Греции. - 3-е изд. - Пг., 1915. С. 460.
- ⁵³⁸ *Драгоманов М.П.* Император Тиберий // Университетские известия (Киев). - 1864. - № I. С. 43.
- ⁵³⁹ *Сочинения Корнелия Тацита:* Русский перевод с примеч. и статьёй о Таците и его сочинениях В.И. Модестова. Т. I. Агрикола. Германия. История. - СПб., 1886: (изд. Л.Ф. Пантелеева). XX. - 380 с.
- ⁵⁴⁰ *Модестов В.И.* Страница из Тацита // Новь. - 1885. - Кн.1, X, XVШ, ШV.; *Модестов В.И.* Заметки по Тациту (статьи 1-III) // ЖМНП. - 1893. - № 12. - С. 327 - 348; 1894. - № 4. - С. 273 - 325; 1894. - № 5. - С. 122 - 162; № 12. - С. 311 - 357; 1895. - № II. - С. 47 - 80.
- ⁵⁴¹ *Шофман А.С.* Модестов В.И. как историк античности // История и историки: Историографический ежегодник. 1975 г. - М.: Наука, 1978. С. 182-185.
- ⁵⁴² *Мурыгина Н.Ф.* Значение работ Модестова в развитии науки об античности // Труды 1У научной конференции историков (31 мая - 2 июня 1956 г.). - Новосибирск, 1957. - Т. I. - Секц. истории и литературы. - С.183-197; *Путнынь Э.К.* Социально-экономическая и политическая обусловленность тематики русских буржуазных либеральных историков по античности в эпоху промышленного капитализма (1861-1895 гг.) // Научный ежегодник Саратовского гос. ун-та за 1955 г. Отд. 2. Историческ. фак-т. - Саратов, 1958. - С. 110 - 115; *Немировский А.И. и Романова И.И.* Вопросы римской истории в «Филологических записках» // Материалы по русско-славянскому языкознанию. - Воронеж, 1963. - С. 208 - 210.
- ⁵⁴³ *Помяловский И.В.* /Рец.: Сочинения Корнелия Тацита: Русский перевод с примеч. и статьёй о Таците и его сочинениях В.И. Модестова. Т. I. Агрикола. Германия. История. - СПб., 1886: (изд. Л.Ф. Пантелеева). XX. - 380 с. // ЖМНП. - 1886. - № 9. - С. 157 - 175; *Турцевич И.* /Рец.: Сочинения Корнелия Тацита: Русский перевод с примеч. и статьёй о Таците и его сочинениях В.И. Модестова. Т. I. Агрикола. Германия. История. - СПб., 1886: (изд. Л.Ф. Пантелеева). XX. - 380 с. // ЖМНП. - 1889. - № 12. - С. 45 - 116.
- ⁵⁴⁴ *По ходатайству графини П.С. Уваровой о восполнении от монарших щедрот умершего профессора Модестова путём приобретения у неё собранной покойным её отцом библиотеки.* - ЦГИА РФ, ф. 472, оп. 43 (499/2726), д. 92, л. 21 об.
- ⁵⁴⁵ *Письмо В.И. Модестова Л.Ф. Пантелееву 30 октября (1886 г.).* - ЦГАЛИ, ф.1691, оп.1, ед. хр.398, л. 88.
- ⁵⁴⁶ *Шофман А.С.* Модестов В.И. как историк античности // История и историки: Историографический ежегодник. 1975 г. - М.: Наука, 1978. С. 183.

- ⁵⁴⁷ *Помяловский И.В.* /Рец.: Сочинения Корнелия Тацита: Русский перевод с примеч. и статьёй о Таците и его сочинениях В.И. Модестова. Т. I. Агрикола. Германия. История. - СПб., 1886: (изд. Л.Ф. Пантелеева). XX. - 380 с. // ЖМНП. - 1886. - № 9. - С. 158, 160.
- ⁵⁴⁸ *Шофман А.С.* Модестов В.И. как историк античности // История и историки: Историографический ежегодник. 1975 г. - М.: Наука, 1978. С. 184 - 185.
- ⁵⁴⁹ *Модестов В.И.* Тацит и его сочинения: Историко-литературное исследование. - СПб., 1864: (тип. Н. Тиблена и К.). С. 1.
- ⁵⁵⁰ *Модестов В.И.* Тацит и его сочинения: Историко-литературное исследование. - СПб., 1864: (тип. Н. Тиблена и К.). С. 1.
- ⁵⁵¹ *Драгоманов М.П.* Император Тиберий // Университетские известия (Киев). - 1864. - № I. - С. 38.
- ⁵⁵² *Драгоманов М.П.* Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит. - Киев, 1869: (тип. унив.). С. II.
- ⁵⁵³ *Диспут приват-доцента Драгоманова в заседании историко-филологического факультета университета Св. Владимира* // ЖМНП. - 1870. - № 4. - С. 3 - 20; *Драгоманов М.П.* Политические сочинения / Под ред. проф. И.М. Гревса и Б.А. Кистяковского. - М., 1908: (тип. тов-ва И.Д. Сытина). - Т. I. С. LX.
- ⁵⁵⁴ *Бицилли П.М.* Тацит и Римский империализм. - Одесса: Б.И., 1912. С. 382.
- ⁵⁵⁵ *Бицилли П.М.* Тацит и Римский империализм. - Одесса: Б.И., 1912. С. 388.
- ⁵⁵⁶ *Бильбасов В.* /Рец./ // Русский вестник. - 1870. - Т. 90. - № II. С. 294.
- ⁵⁵⁷ *Драгоманов М.П.* Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого // Университетские известия (Киев). - 1865. - № 2. - С. 2.
- ⁵⁵⁸ *Драгоманов М.П.* Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого // Университетские известия (Киев). - 1865. - № 2. - С. 3.
- ⁵⁵⁹ *Драгоманов М.П.* Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого // Университетские известия (Киев). - 1865. - № 2. - С. 13.
- ⁵⁶⁰ *Драгоманов М.П.* Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого // Университетские известия (Киев). - 1865. - № 2. - С. 17.
- ⁵⁶¹ *Драгоманов М.П.* Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит. - Киев, 1869: (тип. унив.). С. 4.
- ⁵⁶² *Драгоманов М.П.* Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит. - Киев, 1869: (тип. унив.). С. 409.
- ⁵⁶³ *Драгоманов М.П.* Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит. - Киев, 1869: (тип. унив.). С. 410.

⁵⁶⁴ *Диспут приват-доцента Драгоманова в заседании историко-филологического факультета университета Св. Владимира // ЖМНП. - 1870. - № 4. - С. 15.*

⁵⁶⁵ *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Вып.1 и 2. - Харьков, 1894: (тип. А. Дарре). - С. 352.

⁵⁶⁶ *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Вып.3.- Харьков, 1902: (тип. М. Зильбергер и сыновья). - С. 560.

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ *Нетушил И.В.* Обзор Римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах. - Харьков, 1916: (кн. маг. тов-ва А.С. Суворина). С. 29.

⁵⁶⁹ *Нетушил И.В.* Обзор Римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах. - Харьков, 1916: (кн. маг. тов-ва А.С. Суворина). С. 46.

⁵⁷⁰ *Нетушил И.В.* Обзор Римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах. - Харьков, 1916: (кн. маг. тов-ва А.С. Суворина). С. 164.

⁵⁷¹ *Нетушил И.В.* Обзор Римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах. - Харьков, 1916: (кн. маг. тов-ва А.С. Суворина). С. 210.

⁵⁷² *Нетушил И.В.* Обзор Римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах. - Харьков, 1916: (кн. маг. тов-ва А.С. Суворина). С. 237-238.

⁵⁷³ *Нетушил И.В.* Обзор Римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьковских Высших женских курсах. - Харьков, 1916: (кн. маг. тов-ва А.С. Суворина). С. 252.

⁵⁷⁴ *Кулаковский Ю.А.* /Рец.: Гримм Э.Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. - СПб., 1900 - 1901: (тип. М.М. Стасюлевича). - Т. 1 - 2. - Т. I. VII. - 515 с.; Т.2. VIII. - 466 с. // ЖМНП. - 1902. - № 6. - С. 154 - 171; *Ростовцев М.И.* /Рец.: Гримм Э.Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. - СПб., 1900 - 1901: (тип. М.М. Стасюлевича). -Т. 1 - 2. - Т. I. VII, 515 с.; Т.2. VIII.- 466 с./ // ЖМНП. - 1902. - № 5. - С. 148 - 172; *Гримм Э.Д.* Ответ г. Ростовцеву // ЖМНП. - 1902. - № 5. - С. 172 - 209.

⁵⁷⁵ *Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. - СПб., 1900: (тип. М.М. Стасюлевича). Т. I. С. 11.

- ⁵⁷⁶ *Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. - СПб., 1901: (тип. М.М. Стасюлевича). - Т.2. - С. 141.
- ⁵⁷⁷ *Ростовцев М.И.* /Рец.: Гримм Э.Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. - СПб., 1900-1901: (тип. М.М. Стасюлевича). - Т. 1 - 2. - Т. I. VII, 515 с.; Т. 2. VIII. - 466 с. // ЖМНП. - 1902. - № 5. - С. 149.
- ⁵⁷⁸ *Там же.*
- ⁵⁷⁹ *Там же.*
- ⁵⁸⁰ *Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. - СПб., 1900: (тип. М.М. Стасюлевича). - Т. I. - С. 14.
- ⁵⁸¹ *Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. - СПб., 1900-1901: (тип. М.М. Стасюлевича). - Т. 1 - 2. - Т. I. VII, 515 с.; Т. 2. VIII. - 466 с. С. I, 33.
- ⁵⁸² *Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. - СПб., 1900-1901: (тип. М.М. Стасюлевича). - Т. 1 - 2. - Т. I. VII, 515 с.; Т. 2. VIII. - 466 с. С. I, 243.
- ⁵⁸³ *Кулаковский Ю.А.* Вновь открытая присяга на имя Августа // Ф.О. - 1901. - Т. XX. - С. 178, 168, 177.
- ⁵⁸⁴ *Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. - СПб., 1900. - Т. I. - С. 39.
- ⁵⁸⁵ *Кулаковский Ю.А.* /Рец.: Гримм Э.Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. - СПб., 1900-1901: (тип. М.М. Стасюлевича). - Т. 1 - 2. - Т. I. VII, 515 с.; Т. 2. VIII. - 466 с. // ЖМНП. - 1902. - № 6. - С. 163.
- ⁵⁸⁶ *Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. - СПб., 1900: (тип. М.М. Стасюлевича). - Т. I. - С. 409, 412.
- ⁵⁸⁷ *Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. - СПб., 1901: (тип. М.М. Стасюлевича). - Т. 2. - С. 26.
- ⁵⁸⁸ *Черноусов Е.А.* Очерки по истории Римской империи 180-235 годов. Подготовка смуты III в. - Харьков, 1911: (тип. М.Сергеева и К.). С. II.
- ⁵⁸⁹ *Черноусов Е.А.* Очерки по истории Римской империи 180-235 годов. Подготовка смуты III в. - Харьков, 1911: (тип. М.Сергеева и К.). - С. 273.
- ⁵⁹⁰ *Кулаковский Ю.А.* Надел ветеранов землёй и военные поселения в Римской империи. - Киев, 1881: (унив. тип.). - 45 с.
- ⁵⁹¹ *Кулаковский Ю.А.* Надел ветеранов землёй и военные поселения в Римской империи. - Киев, 1881: (унив. тип.). - С. 1.
- ⁵⁹² *Кулаковский Ю.А.* Надел ветеранов землёй и военные поселения в Римской империи. - Киев, 1881: (унив. тип.). С. 1.

⁵⁹³ Кулаковский Ю.А. Надел ветеранов землёй и военные поселения в Римской империи. - Киев, 1881: (унив. тип.). С. 1.

⁵⁹⁴ Кулаковский Ю.А. Надел ветеранов землёй и военные поселения в Римской империи. - Киев, 1881: (унив. тип.). С. 44.

⁵⁹⁵ Кулаковский Ю.А. Надел ветеранов землёй и военные поселения в Римской империи. - Киев, 1881: (унив. тип.). С. 3.

⁵⁹⁶ Кулаковский Ю.А. Надел ветеранов землёй и военные поселения в Римской империи. - Киев, 1881: (унив. тип.). С. 4 -7.

⁵⁹⁷ Кулаковский Ю.А. Армия в Римском государстве: Речь перед диспутом на звание приват-доцента 11 октября 1881 г. - Киев, 1882: (унив. тип.). С. 4.

⁵⁹⁸ Нетушил И.В. Начало мировой политики римской республики и конец Лация: Историко-критические исследования к VI и VII кн. Ливия // ЖМНП. - 1904. - № 8. - С.357-390; № 9. - С. 391-437; № 10. - С.469 - 482; Нетушил И.В. К начальной истории Рима // Ф.О. - 1892. - Т. II. - С. 151-171 ; Нетушил И.В. Первый римский диктатор // ЖМНП. - 1906. - № II. С. 489 - 519; 1907. - № I. - С. 20 - 41; № 2. - С. 64 - 104.

⁵⁹⁹ Штюрмер Л.Л. Рим до и во время Юлия Цезаря. Народ - Войско - Общество и главные деятели: Военно-исторический очерк . - СПб., 1876: (тип. М.М. Стасюлевича). - 214 с.; Бицилли П.М. Colonus et conductor в свете новейших исследований // ЖМНП. - 1913. - № 8. - С. 358 - 379.

⁶⁰⁰ Нетушил И.В. К начальной истории Рима // Ф.О. - 1892. - Т. II. - С. 157.